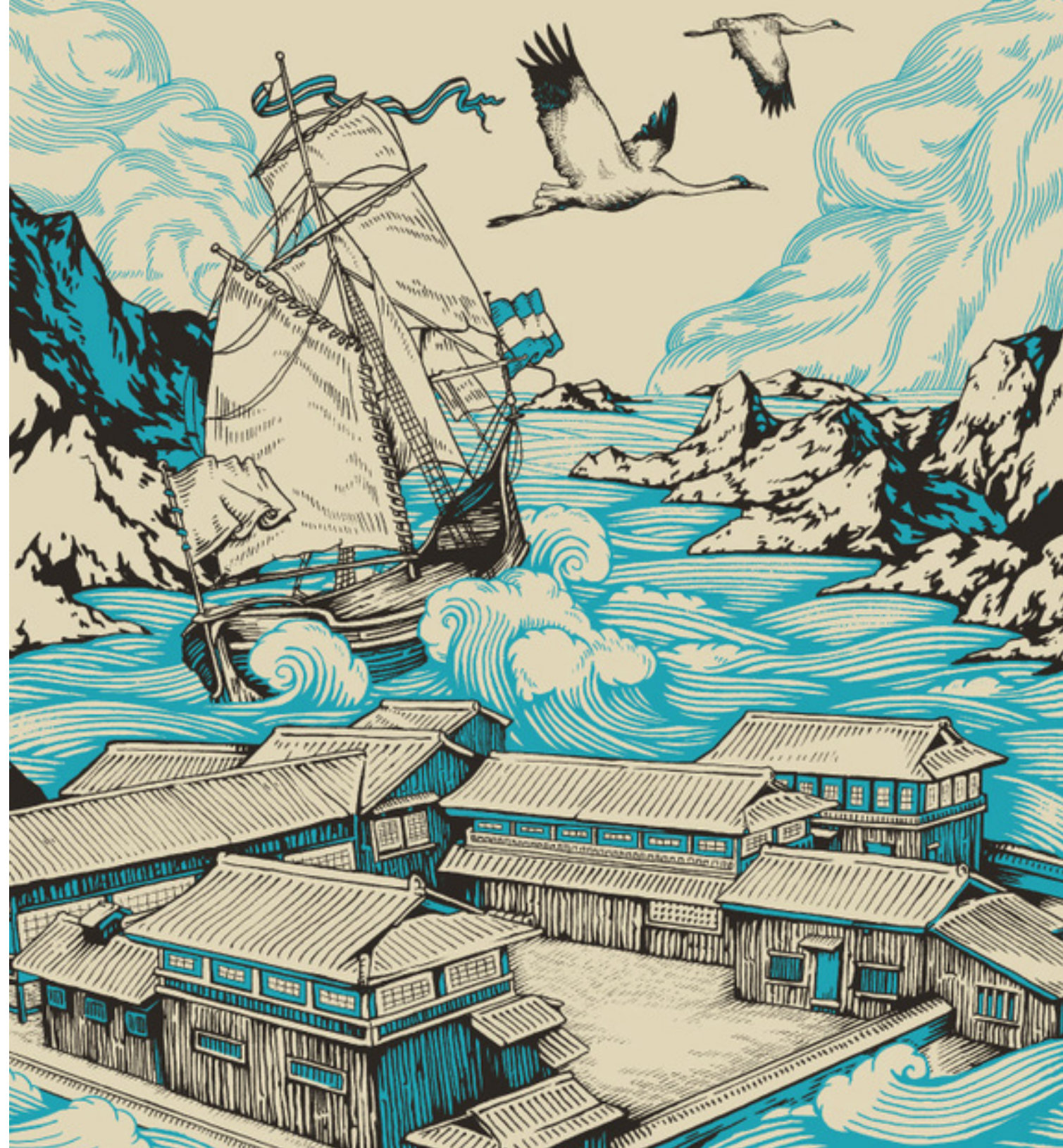

ТЫСЯЧА ОСЕНЕЙ ЯКОБА ДЕ ЗУТА

ДЭВИД МИТЧЕЛЛ

Большой роман

Дэвид Митчелл

Тысяча осеней Якоба де Зута

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Д.

Тысяча осеней Якоба де Зута / Д. Митчелл — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-13657-1

В новом переводе – великолепный роман современного классика Дэвида Митчелла, дважды финалиста Букеровской премии, автора таких интеллектуальных бестселлеров, как «Сон № 9», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски), «Голодный дом» и другие. «Признанный новатор, открывший новые пути в литературе, выпустил очаровательно старомодный роман в классическом духе – о любви и самопожертвовании, о столкновении цивилизаций, о безжалостных врагах, которые не успокоятся, пока не уничтожат ваш род до седьмого колена» (Washington Post). Итак, молодой клерк Якоб де Зут прибывает на крошечный островок Дэдзима под боком у огромной феодальной Японии. Среди хитроумных купцов, коварных переводчиков и дорогих куртизанок он должен за пять лет заработать состояние, достаточное, чтобы просить руки оставшейся в Роттердаме возлюбленной – однако на Дэдземе его вниманием завладевают молодая японская акушерка Орито и зловещий настоятель далекого горного монастыря Эномото-сэнсэй... «Именно для таких романов, как „Тысяча осеней Якоба де Зута“, – писала газета Daily Telegraph, – придумали определение „шедевр“».

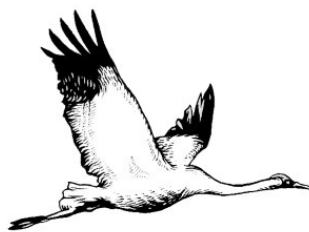
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13657-1

© Митчелл Д., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Примечание автора	10
I. Невеста, ради которой мы пляшем	11
I. Дом наложницы Кавасэми, на склоне горы близ Нагасаки	11
II. Каюта капитана Лейси на корабле «Шенандоа», на якорной стоянке в гавани Нагасаки	16
III. На сампане, пришвартованном возле судна «Шенандоа» в гавани Нагасаки	19
IV. Возле нужника при Садовом доме на Дэдзиме	30
V. Пакгауз Дорн на Дэдзиме	42
VI. Комната Якоба в Высоком доме на Дэдзиме	51
VII. Высокий дом на Дэдзиме	62
VIII. Парадный кабинет в доме управляющего факторией на Дэдзиме	75
IX. Комната писаря де Зута в Высоком доме	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дэвид Митчелл

Тысяча осеней Якоба де Зута

К., Х. и Н. с любовью

David Mitchell

THE THOUSAND AUTUMNS OF JACOB DE ZOET

Copyright © 2010 by David Mitchell

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Перевод с английского Майи Лахути

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© М. Лахути, перевод, примечания, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство ИНОСТРАНКА®

Митчелл Д.

Тысяча осеней Якоба де Зута: роман / Дэвид Митчелл; пер. с англ. М. Лахути. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 640 с. – (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11622-1

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе – это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» – 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны – и совершенно уместны.
Kirkus Reviews

Именно для таких романов, как «Тысяча осеней Якоба де Зута», придумали определение «шедевр».

Daily Telegraph Books of the Year

Идеальный мастер-класс искусства словесной магии.

Independent Books of the Year

Признанный новатор, открывший новые пути в литературе, выпустил очаровательно старомодный роман в классическом духе – о любви и самопожертвовании, о столкновении цивилизаций, о безжалостных врагах, которые не успокоятся, пока не уничтожат ваш род до седьмого колена.

The Washington Post

Митчелл – один из лучших писателей современности.

San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

Mail on Sunday

Откройте «Тысячу осеней Якоба де Зута» и затеряйтесь в мире невероятного размаха, оригинальности и творческого блеска.

Independent on Sunday

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

Адам Джонсон (лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

Джо Хилл

Романтическая история запретной любви, исполненная сладости и боли, доподлинное пиршество для литературных гурманов. Роман идей, роман о невозможном вожделении, вновь подтверждающий статус Митчелла как одного из самых поразительных и бесстрашных авторов наших дней.

Дейв Эггерс (The New York Times Book Review)

Возможно, лучшая книга в творчестве Митчелла, да и во всей литературе последних лет.

The Boston Globe

Внушительный во всех смыслах роман.

The New Yorker

Если вы еще не читали ни «Облачного атласа», ни «Сна № 9», знакомство с Дэвидом Митчеллом можете начать и с «Тысячи осеней Якоба де Зута».

Митчелл блистательно воссоздает вкус и аромат минувшей эпохи, выстраивая свою страшно увлекательную, а временами и увлекательно страшную историю.
The Plain Dealer

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.
Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.
Chicago Tribune

Романом «Тысяча осеней Якоба де Зута» Митчелл показал, что ему под силу не только виртуозная литературная пиротехника, но также искусство глубокого сопереживания и классический авантюрно-исторический нарратив.
The New York Times

Якоб де Зут – самый зрелый и тонко выписанный герой за всю звездную карьеру Митчелла, а «Тысяча осеней...» – самый увлекательный из его романов, буквально не дающий читателю передохнуть.
San Francisco Chronicle

Книга Митчелла – это замечательный исторический роман, и замечателен он именно своей историчностью.
Урал

Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.
The Washington Post

Я прочел роман Дэвида Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута» в 2011 году. И тогда мне казалось, что это самая лучшая книга из всех, что я когда-либо читал.
Майкл Фассбендер

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.
Дэвид Митчелл

Митчелл аккуратно, практически невидимо для читателя крутит в руках экшн-мелодраму – почти как кубик Рубика, – пока все цвета внезапно не встают на места, обнажая не что иное, как анатомию героизма. Смотрите – вот его неблагодарность. А тут непредсказуемость. Вот его огромность, которой хватит на всех и должно хватить на всех, потому что одному человеку его не вынести. Здесь – его неправдоподобность и повседневность. Вот его уродство.

А вот – никого не побеждающая, абсолютно по-японски прекрасная в своей
мимолетности и хрупкости красота. Лови!
Мария Мельникова (Книжное обозрение)

Примечание автора

В порту Батавия на острове Ява располагалась штаб-квартира Голландской Ост-Индской компании (по-голландски *Vereenigde Oost-Indische Compagnie*, сокращенно VOC, дословно «Объединенная Ост-Индская компания»). Отсюда отплывали и сюда возвращались корабли Компании, идущие в Нагасаки. Во время Второй мировой войны, когда Япония оккупировала Индонезийский архипелаг, Батавию переименовали в Джакарту.

На всем протяжении романа при упоминании японских дат используется лунный календарь – он может в разные годы «отставать» от грегорианского на три-семь недель. Так, «первый день Первого месяца» означает не первое января, а некую переменную дату между концом января и примерно серединой февраля. Годы указаны согласно японской традиции, с упоминанием эры.

В японских именах на первом месте стоит фамилия, на втором – имя.

I. Невеста, ради которой мы пляшем Одиннадцатый год эры Кансэй. 1799 г.

I. Дом наложницы Кавасэми, на склоне горы близ Нагасаки Девятая ночь Пятого месяца

– Барышня Кавасэми? – Орито стоит на коленях на липком вонючем футоне. – Вы меня слышите?

За садом, на рисовом поле, взрывается какофонией лягушачий хор.

Орито промокает влажной тряпкой пот со лба наложницы.

– Она почти все время молчит. – Служанка поднимает повыше светильник. – Много часов уже...

– Барышня Кавасэми, моя фамилия – Аибагава. Я акушерка. Я постараюсь вам помочь.

Ресницы Кавасэми вздрагивают. Она открывает глаза и еле слышно вздыхает. Глаза снова закрываются.

«Она так измучена, – думает Орито. – Даже не боится, что умрет сегодня».

Доктор Маэно шепчет из-за муслиновой занавески:

– Я хотел сам исследовать предлежание плода, но... – Старый ученый тщательно подбирает слова. – Как видно, это не допускается.

– Мне дан четкий приказ, – отвечает камергер. – Посторонний мужчина не может ее коснуться.

Орито откидывает промокшую от крови простыню. Как ей и говорили, вялая ручка младенца торчит наружу до самого плеча.

– Видели когда-нибудь такое предлежание? – спрашивает доктор Маэно.

– Видела, на гравюре в голландской книге, которую переводил отец.

– Мои молитвы услышаны! «Наблюдения» Вильяма Смелли?

– Да. Доктор Смелли называет это... – Орито произносит голландский термин, – «пролабирование ручки плода».

Орито сжимает пальцами покрытое слизью крошечное запястье, ищет пульс.

Маэно спрашивает на голландском:

– Ваше мнение?

Пульса нет.

– Младенец мертв, – на том же языке отвечает Орито. – Скоро и мать умрет, если его не извлечь.

Акушерка дотрагивается до раздутого живота Кавасэми, кончиками пальцев ощупывает выпуклость вокруг пупка.

– Это был мальчик. – Она опускается на колени между раздвинутыми ногами роженицы, отмечает узкий таз и обнюхивает выпяченные половые губы, чувствуя солодовый запах свернувшейся крови и экскрементов, но не вонь разложившегося плода. – Умер час-два назад. – Орито спрашивает служанку: – Давно отошли воды?

У служанки язык отнялся от изумления при звуках чужого языка.

– Вчера утром, в час дракона, – с каменным лицом произносит домоправительница. – Вскоре после того у госпожи начались схватки.

– А когда младенец в последний раз брыкался?

– В последний – сегодня, около полудня.

– Доктор Маэно, вы согласны с тем, что перед нами случай... – она употребляет голландский термин, – «поперечного предлежания»?

– Возможно, – отвечает лекарь на том же непонятном для непосвященных языке. – Но без обследования...

– Младенец переносен дней на двадцать, если не больше. Он должен был повернуться.

– Малыш решил отдохнуть, – уверяет госпожу служанка. – Правда, доктор Маэно?

– Возможно... – колеблется честный доктор, – вы и правы...

– Отец сказал, – произносит Орито, – что за родами наблюдал доктор Урагами.

– Наблюдал, – хмыкает Маэно, – из своего уютного кабинета. Когда младенец перестал брыкаться, Урагами объявил, что в силу неких причин, которые открыло ему, великому прорицателю, гаданье, душа ребенка не желает появляться на свет и потому исход родов зависит лишь от духовной силы матери.

Маэно нет нужды уточнять: «Прохиндей боится, как бы его репутация не пострадала, если под его наблюдением ребенок уважаемого человека родится мертвым».

– После этого камергер Томинэ убедил градоправителя обратиться ко мне. Увидев ручку младенца, я сразу вспомнил вашего шотландского врача и потребовал, чтобы вас вызвали на помощь.

– Для нас с отцом ваше доверие – великая честь, – отвечает Орито...

...А про себя думает: «Будь проклят Урагами, не хотел потерять лицо и сгубил человеческую жизнь».

Лягушачий хор вдруг замолкает – словно отдернули звуковой занавес, и стало слышно, как шумит Нагасаки, приветствуя благополучное прибытие голландского корабля.

– Если ребенок мертв, – говорит Маэно по-голландски, – нужно его немедленно извлечь.

– Согласна.

Орито просит домоправительницу принести горячей воды и чистой ткани, нарезанной на полосы. Подсовывает наложнице под нос флакончик нюхательных солей, чтобы хоть на несколько мгновений привести в сознание.

– Барышня Кавасэми, сейчас мы поможем вашему ребенку появиться на свет. Вы позволите мне ощупать вас изнутри?

Тут снова наступают схватки. Ответить наложница не в силах.

Служанки приносят два медных таза с подогретой водой. Схватки ненадолго затихают.

– Нужно честно сказать, что ребенок умер, – по-голландски предлагает доктор Маэно. – Ампутировать ручку и затем вытащить остальное.

– Вначале я хочу определить на ощупь, в какую сторону изогнута спинка плода.

– Если вы можете это сделать, не отрезав ручку, – Маэно имеет в виду ампутацию, – определяйте!

Орито, смазав правую руку рапсовым маслом, обращается к прислужнице:

– Сложите полоску ткани в несколько раз... Да, вот так. Приготовьтесь, нужно будет втиснуть эту подушечку между зубов госпожи, иначе она может откусить себе язык. По бокам оставьте свободное место, чтобы она могла дышать. Доктор Маэно, я приступаю к осмотру.

– Вы – мои глаза и уши, барышня Аибагава, – отвечает доктор.

Орито проталкивает пальцы между бицепсом ребенка и разорванными половыми губами матери, погружая руку до запястья во влагалище Кавасэми. Наложница дрожит и стонет.

– Прошу меня простить, – произносит Орито. – Прошу простить...

Пальцы скользят между теплой слизистой, и кожей, и мышцами, еще влажными от околоплодной жидкости. Мысленно акушерка представляет себе гравюру из далекой, просвещенной и варварской Европы...

Если спинка выгнута в обратную сторону, так что голова просунута между лодыжками, словно у китайского акробата, необходимо ампутировать ручку ребенка, а туловище разделить на части зазубренными щипцами и вытащить наружу по кускам. Доктор Смелли предупреждает: если хоть один кусочек останется во чреве, он загниет и роженица может погибнуть. При согнутом же расположении, когда колени прижаты к груди, можно, отпилив ручку, повернуть плод, зацепить крючками за глазницы и вытащить целиком, головою вперед.

Указательный палец акушерки проходит по выступающим позвонкам, продвигается от нижнего ребра до тазовой косточки, нащупывает крохотное ушко, ноздрю, ротик, пуповину и член размером с креветку.

– Согнутое положение, – докладывает Орито, – но пуповина обмоталась вокруг шеи.

– Как вы считаете, пуповину можно высвободить? – Маэно забывает, что нужно говорить по-голландски.

– Надо попробовать. Сейчас дайте ей прикусить ткань, – говорит Орито служанке. – Пожалуйста.

Дождавшись, когда матерчатый комок окажется меж зубов Кавасэми, Орито глубже проталкивает руку, прихватывает большим пальцем пуповину, четырьмя остальными подцепляет снизу подбородок зародыша, запрокидывает ему голову и стягивает пуповину через лобик и макушку. Кавасэми истошно кричит, по руке Орито стекает горячая струйка мочи, но цель достигнута с первой попытки: пуповина высвободилась. Орито вытаскивает руку и отчитывается:

– Пуповина свободна. Уважаемый доктор захватил с собой... – для этого предмета нет японского названия, – щипцы?

– Захватил. – Маэно похлопывает по шкатулке с медицинскими инструментами. – На всякий случай.

– Можно попытаться извлечь ребенка... – Орито переходит на голландский, – без ампутации. Чем меньше крови, тем лучше. Но мне нужна ваша помощь.

Доктор Маэно обращается к камергеру:

– Для спасения жизни барышни я вынужден вопреки приказу господина градоправителя зайти за занавеску вместе с акушеркой.

Камергер Томинэ теряется перед трудным выбором.

– Вы можете обвинить во всем меня, – предлагает Маэно. – Скажете, что я самовольно нарушил приказ.

– Это мне решать, – говорит камергер. – Делайте, что считаете нужным, доктор.

Старик шустро подныривает под занавеску, держа в руках изогнутые щипцы.

При виде чужеземной штуковины служанка испуганно вскрикивает.

– «Форцепс», – коротко произносит доктор и больше ничего не объясняет.

Домоправительница заглядывает за занавеску, приподняв тонкую ткань:

– Не нравится мне это! Пусть чужеземцы режут и кромсают и зовут это «медициной», однако и подумать невозможно...

– Разве я даю советы домоправительнице, – рычит Маэно, – где лучше покупать рыбу?

– Форцепс ничего не режет, – объясняет Орито, – это чтобы ухватить и тянуть. Все равно что пальцы акушерки, только держит крепче... – Она снова пускает в ход нюхательные соли. – Барышня Кавасэми, сейчас я этим инструментом... – поднимает повыше щипцы, – помогу вашему ребенку появиться на свет. Не бойтесь и не сопротивляйтесь. Европейцы постоянно им пользуются, даже когда рожают княгини и королевы. Мы очень мягко и надежно вытащим ребенка.

– Делайте... – Голос Кавасэми охрип и еле слышен. – Делайте...

– Благодарю вас. А когда я попрошу барышню тужиться...

– Тужиться... – Кавасэми так измучена, что ей, кажется, почти уже все равно. – Тужиться...

– Сколько раз, – вновь заглядывает за занавеску Томинэ, – вы применяли этот инструмент?

Орито впервые замечает, что нос у камергера когда-то был сломан и расплюсчен – уродство, хоть и не такое сильное, как ожог на ее собственном лице.

– Применяла часто, и ни одна пациентка не пострадала.

Только Маэно со своей ученицей знают, что «пациентками» были выдолбленные дыни, а младенцами – смазанные маслом тыковки. Орито вновь пропихивает руку в чрево Кавасэми – в последний раз, если повезет. Акушерка нащупывает горло плода, поворачивает его голову к шейке матки. Пальцы соскальзывают, Орито ухватывает прочнее и еще немного проворачивает мертвое тельце.

– Доктор, прошу вас...

Маэно вводит щипцы по обеим сторонам торчащей наружу крохотной ручки, глубоко, до самого шарнира.

Зрители ахают; с пересохших губ Кавасэми срывается крик.

Орито ощупью пристраивает изогнутые лопасти щипцов по обе стороны мягкого младенческого черепа.

– Сжимайте!

Врач крепко, но бережно смыкает щипцы.

Орито перехватывает рукоятки щипцов левой рукой, ощущая упругое сопротивление – похоже на губку *коньяку*. Ладонью правой охватывает голову ребенка.

Костлявые пальцы доктора сжимают запястье Орито.

– Чего вы ждете? – спрашивает домоправительница.

– Следующих схваток, – отвечает доктор Маэно. – Уже вот-вот...

Кавасэми снова болезненно тяжело дышит.

– Раз и два, – считает Орито. – Кавасэми-сан, *тужьтесь!*

– Тужьтесь, госпожа! – заклинаят служанка с домоправительницей.

Доктор Маэно плавно тянет щипцы на себя. Орито правой рукой подталкивает головку плода к родовому отверстию. Приказывает служанке взяться за ручку и тоже тянуть. Сопротивление усиливается – головка подошла вплотную к родовым путям.

– Раз и два... Давай же!

Сминая клитор, наружу показывается макушка трупика, покрытая спутанными волосиками.

– Вот он! – ахает служанка под непрекращающиеся звериные крики Кавасэми.

Вот показалось личико в разводах слизи...

...а за ним – целиком скользкое безжизненное тельце.

– Ах, но как же... Ах! – вскрикивает служанка. – Ах...

«Она поняла». Орито откладывает в сторону щипцы, поднимает вялое тельце за ножки и шлепает. Она действует по привычке, вколоченной долгим обучением, не надеясь на чудо. После десятого шлепка останавливается. Пульса нет. Орито не чувствует щекой дыхания из ротика и ноздрей. Нет нужды вслух объявлять очевидное. Орито ножом перерезает пуповину ближе к животику, обмывает безжизненного мальчика в тазу и укладывает в колыбельку. «Колыбель вместо гроба, – думает она. – Свивальник вместо савана».

Камергер Томинэ отдает приказы слуге, что ждет снаружи:

– Передай его превосходительству, что сын родился мертвым. Доктор Маэно с акушеркой сделали что могли, но изменить волю судьбы им не под силу...

Теперь Орито заботит, как бы не началась родильная горячка. Нужно извлечь плаценту, обработать промежность отваром целебной травы *якумосо* и остановить кровотечение из разрыва в анусе.

Доктор Маэно отходит за занавеску, чтобы не мешать.

В приоткрывшуюся щель влетает мотылек размером с птицу и шарахается Орито прямо в лицо.

Отмахнувшись, она нечаянно задевает щипцы.

Щипцы с грохотом падают в медный таз. Видно, шум напугал пробравшегося в комнату мелкого зверька – тот жалобно скулит.

«Щенок? – удивляется Орито. – Или котенок?»

Загадочный зверек пищит совсем близко. Под футоном?

– Прогони его! – велит служанке домоправительница. – Прогони!

Зверек опять мяучит, и вдруг Орито понимает, что звук доносится из колыбельки.

«Не может быть. – Акушерка гонит прочь надежду. – Не может этого быть...»

Она отгибает край пеленки, и точно в этот миг ротик младенца открывается. Вдох, еще один и еще. Крохотное личико сморщивается...

...и ярко-розовый новорожденный деспот приветствует Жизнь сердитым воплем.

II. Каюта капитана Лейси на корабле «Шенандоа», на якорной стоянке в гавани Нагасаки Вечер 20 июля 1799 г.

– А как еще, – гневно спрашивает Даниэль Сниткер, – добыть достойную оплату за каждодневные унижения, которые мы терпим от этих узкоглазых кровососов? У испанцев есть присказка: «Слуга, не получающий платы, вправе сам ее взять», – и, по-моему, в кои-то веки испанцы правы, черт побери! Откуда такая уверенность, что через пять лет компания еще будет существовать и выплатит нам жалованье? Амстердам поставили на колени; наши верфи простаивают; наши мануфактуры бездействуют; наши житницы разграблены; Гаага – балаган с пляшущими марионетками, и Париж дергает их за ниточки; у наших границ хохочут прусские шакалы и воют австрийские волки; и разрази меня Иисусе, после веселой перестрелки при Кампердауне мы – страна мореплавателей *без флота*. Англичане, глазом не моргнув, захватили Кейп-Код, Коромандел и Цейлон; дураку ясно, следующая жирная гусыня им к Рождеству – Ява! Без таких, как этот янки, – скривившись, он кивает на капитана Лейси, – Батавия давно бы с голоду подохла! В такие времена, Ворстенбос, у человека одна гарантия – товары в пакгаузе, которые можно с выгодой продать. Вы-то сами не за тем же разве сюда явились?

Под потолком качается и шипит старенький фонарь, заправленный китовым жиром.

– Это и есть ваше последнее слово? – спрашивает Ворстенбос.

Даниэль Сниткер скрещивает руки на груди:

– Плевал я на ваш поганный суд!

Капитан Лейси оглашает каюту титанической отрыжкой.

– Это чеснок, джентльмены...

Ворстенбос оборачивается к писарю:

– Запишите решение суда...

Якоб де Зут, кивнув, обмакивает перо в чернильницу:

– Постановление военно-полевого суда...

– Сего дня, двадцатого июля тысяча семьсот девяносто девятого года, я, Унико Ворстенбос, вновь назначенный управляющий торговой факторией Дэдзима в Нагасаки, властью, данной мне его превосходительством П. Г. ван Оверстратеном, генерал-губернатором Голландской Ост-Индии, в присутствии капитана Ансельма Лейси, командующего кораблем «Шенандоа», нахожу Даниэля Сниткера, исполняющего обязанности управляющего вышеуказанной факторией, виновным в следующих преступлениях: злостное пренебрежение своими обязанностями...

– Я свои должностные обязанности выполнял! – возмущается Сниткер. – Все до единой!

– Выполняли? – Ворстенбос дает Якобу знак пока не записывать. – Наши пакгаузы сгорели дотла, пока вы, сэр, кувыркались в борделе с девками! Этому факту, сэр, почему-то не нашлось места в той мешанине лжи, которую вам угодно называть «Книгой записей», и если бы переводчик-японец случайно не обмолвился...

– Вонючие крысы! Я их штучки насквозь вижу, а они и рады подсуетиться со своими наветами!

– А то, что в ночь пожара на Дэдземе не оказалось пожарного насоса, – это тоже «навет»?

– Быть может, подзащитный прихватил с собой насос в «Дом глициний», – замечает капитан Лейси. – Чтобы поразить тамошних дам толщиной своего шланга.

– Насос – на ответственности ван Клефа, – возражает Сниткер.

– Я передам вашему заместителю, как истово вы его защищали. Господин де Зут, переходим к следующему пункту: «Отсутствие подписей трех высших должностных лиц фактории на сопроводительных документах „Октавии“...»

– Господи боже! Всего лишь мелкое административное упущение!

– Это «упущение» дает нечистоплотным сотрудникам сотню возможностей для мошенничества. Именно поэтому в руководстве компании настаивают на тройной подписи. Далее: «Кража фондов компании с целью покупки частного груза...»

– А вот это, – Сниткер брызжет слюной от злости, – это уже откровенное вранье!

Ворстенбос достает из лежащего у его ног коврового саквояжа две фарфоровые статуэтки в восточном стиле. Одна изображает палача с занесенным топором, вторая – коленопреклоненного узника со связанными руками и взором, уже обращенным в мир иной.

– Что вы мне тут показываете безделушки какие-то? – нимало не смущается Сниткер.

– Среди ваших частных грузов были обнаружены два гросса таких статуэток. Занесите в протокол: «двадцать четыре дюжины статуэток из фарфора Арита». Я в этом немного разбираюсь; моя покойная жена увлекалась японскими диковинками. Капитан Лейси, окажите любезность: оцените их стоимость, скажем, на аукционе в Вене.

Капитан Лейси проделявает мысленные подсчеты.

– Двадцать гульденов за штуку?

– Только за эти мелкие – по тридцать пять гульденов. За те, что с позолотой, статуэтки фрейлин, вельмож и лучников – по пятьдесят. Сколько же будет за два гросса? Возьмем по минимуму – все же в Европе война, рынки расстроены... Тридцать пять умножить на два гросса... Де Зут?

У Якоба счета под рукой.

– Десять тысяч восемьдесят гульденов, сэр.

– Ого! – восклицает пораженный Лейси.

– Неплохая прибыль, – соглашается Ворстенбос, – за товар, купленный на деньги компании, однако внесенный в сопроводительные документы – без подписи свидетелей, разумеется, – как личная собственность прежнего управляющего. Вашей рукой, Сниткер.

– Прежний управляющий, упокой, Господи, его душу, – Сниткер мгновенно меняет свои показания, – завещал их мне в присутствии представителей суда.

– Значит, господин Хеммей предвидел свою кончину на обратном пути из Эдо?

– Гейсберт Хеммей был на редкость предусмотрительным человеком.

– И вы нам покажете его на редкость предусмотрительное завещание?

– Документ... – Сниткер проводит рукой по губам, – сгорел при пожаре.

– А свидетели кто? Господин ван Клеф? Фишер? Ваша ручная обезьяна?

Сниткер досадливо вздыхает.

– Что за ребячество! Пустая трата времени. Ладно, можете откромсать свою десятину, но ни на йоту больше, не то, Богом клянусь, я эти чертовы штуковины утоплю в заливе!

Со стороны Нагасаки доносится шум веселья.

Капитан Лейси громко сморкается в капустный лист.

Почти совсем стершееся перо в руке Якоба цепляется за бумагу; руку сводит от усталости.

– Не понимаю... – Ворстенбос озадачен. – Что за десятина такая? Господин де Зут, может, вы меня просветите?

– Господин Сниткер пытается предложить вам взятку, минеер.

Фонарь под потолком качается, шипит и чадит; потом пламя вновь разгорается ровным светом.

На нижней палубе матрос настраивает скрипку.

– Вы полагаете, моя честность – продажная? – Ворстенбос моргает, глядя на Сниткера. – Как какой-нибудь гнилой начальник порта на Шельде, донимающий незаконными поборами баржи с грузом сливочного масла?

– Ну, одну девятую тогда, – рычит Сниткер. – Клянусь, больше не предложу!

– Добавьте в список обвинений: «Попытка подкупить ревизора». – Ворстенбос щелкает пальцами, обернувшись к секретарю. – И перейдем к окончательному решению. Сниткер, обратите сюда свой взор, это вас непосредственно касается. «Пункт первый: начиная с сего числа Даниэль Сниткер освобождается от занимаемой должности и с него взимается всё – да, всё – полученное жалованье, начиная с тысяча семьсот девяносто седьмого года. Пункт второй: по прибытии в Батавию Даниэля Сниткера заключить под стражу в Старом Форте; пусть ответит за свои деяния. Пункт третий: его частный груз будет продан с аукциона, полученная сумма пойдет в уплату убытков, причиненных Компании». Вижу, мне удалось завладеть вашим вниманием.

– Вы... – Сниткер уже не хорохорится. – Вы меня по миру пустите!

– Пусть суд над вами послужит примером каждому начальнику фактории, который наживается за счет Компании. «Правосудие настигло Даниэля Сниткера – настигнет и вас» – так скажет им сегодняшний приговор. Капитан Лейси, благодарю за ваше участие в этой плачевной истории. Господин Вискерке, будьте так любезны, выделите господину Сниткеру подвесную койку на баке. Пусть отрабатывает свой проезд на Яву наравне с другими матросами. К тому же...

Сниткер, опрокинув стол, бросается на Ворстенбоса. Якоб тщится перехватить занесенный над головой начальника кулак; перед глазами его вспыхивают огненные павлины; стены каюты вращаются; пол ударяет по ребрам, а во рту привкус оружейного металла – наверняка кровь. Где-то сверху раздаются хриплые стоны и хеканье. Якоб успевает заметить, как первый помощник обрушивается на Сниткера сокрушительный удар под дых. Писарь невольно сочувственно вздрагивает, валяясь на полу. В дверь врываются еще два моряка, и в этот самый миг Сниткер, пошатнувшись, падает.

Скрипач на нижней палубе играет «Темноглазую красотку из Твенте».

Капитан Лейси наливает себе виски, настоящий на черной смородине.

Ворстенбос бьет Сниткера по лицу тростью с серебряным набалдашником, пока не устает рука.

– Заковать этого рукоблуда в кандалы и поместить в самый вонючий угол кубрика!

Первый помощник с двумя матросами уволакивают стонущее тело. Ворстенбос, опустившись возле Якоба на колени, хлопает того по плечу:

– Спасибо, что приняли на себя удар, мой мальчик! Боюсь, нос вам расквасили знатно...

Боль такая, словно нос сломан, однако руки и колени липкие не от крови. Чернила, догадывается писарь, с трудом принимая сидячее положение.

Чернильница треснула, от нее разбегаются ярко-синие ручейки и речушки...

Чернильные струйки просачиваются в щели, впитываются в пересохшую древесину...

«Чернила, – думает Якоб, – самая плодотворящая из жидкостей...»

III. На сампане, пришвартованном возле судна «Шенандоа» в гавани Нагасаки Утро 26 июля 1799 г.

Без шляпы, изнемогая от жары в своем синем парадном вицмундире, Якоб де Зут мыслями погрузился в прошлое – в тот день, десять месяцев назад, когда разъяренное Северное море кидалось на дамбу в Домбурге и ветер гнал мелкую водяную пыль по Церковной улице, мимо домика священника, где дядюшка торжественно вручал Якобу клеенчатую сумку. В сумке лежала Псалтирь в потертом переплете из оленьей кожи. Якоб и сейчас может по памяти повторить дядюшкину речь почти слово в слово.

– Небу известно, племянник, сколько раз ты уже слышал историю этой книги. Когда твой прапрадед был в Венеции, нагрянула чума. Он весь покрылся язвами размером с лягушку, но непрестанно молился вот по этому сборнику псалмов, и Господь излечил его. Пятьдесят лет назад твой прадедушка Тис воевал в Пфальце. Их полк попал в засаду. Пуля, летевшая в сердце твоего прадеда, застряла в обложке. – Дядюшка тронул свинцовую пулю, прочно вмятую в переплет. – Этой книге и я, и твой отец, и ты, и Гертье в буквальном смысле обязаны тем, что живем на свете. Мы не паписты, мы не приписываем чудесных свойств гнутым гвоздям и старым тряпкам, но ты понимаешь – эта священная книга связана с жизнью нашего рода. Она подарена тебе предками и взята тобой взаймы у потомков. Что бы ни принесли тебе грядущие годы, помни: эта Псалтирь... – Он коснулся клеенчатой сумки. – Это твой пропуск домой. Псалмы Давида – Библия внутри Библии. Молись по ним, внимай им, учись у них, тогда не собьешься с верного пути. Защищай их даже ценой своей жизни, и пусть они питают твою душу. А теперь ступай, Якоб. Господь с тобой!

– «Защищай их даже ценой жизни», – шепчет Якоб себе под нос...

...«В этом-то все и дело», – думает про себя.

Десять дней назад корабль «Шенандоа» бросил якорь у скалы Папенбург – названной так в память о мучениках истинной веры, сброшенных с высоты в море. Капитан Лейси приказал сложить все предметы христианской веры в бочку, накрепко забить и сдать японским властям – все вернут, когда бриг будет отплывать из Японии. Исключений не делают ни для кого, даже для нового управляющего факторией Ворстенбоса и его подопечного-писца. Матросы ворчали, что скорее расстанутся со своими детородными органами, чем с распятием, но когда на борт поднялись инспектора-японцы в сопровождении вооруженной охраны, все распятия и образки Святого Христофора мигом скрылись в заранее заготовленные тайники. Бочку наполнили четками и молитвенниками, которые капитан Лейси привез с собой специально для этой цели; Псалтирь де Зута не была в их числе.

«Как бы я мог предать своего дядю, – мрачно размышляет писарь, – свою церковь и своего Господа?»

Псалтирь запрятана меж другими книгами в сундуке, а на сундуке сидит де Зут.

«Вряд ли риск так уж велик», – уговаривает он сам себя. В книге нет ни пометок, ни иллюстраций, указывающих на то, что это христианский текст, а переводчики наверняка плохо знают голландский, где им разобрать архаичный библейский язык. «Я – служащий Объединенной Ост-Индской компании. Что могут японцы мне сделать?»

Ответа Якоб не знает, и, честно говоря, ему страшно.

Проходит четверть часа; о Ворстенбосе и его двух слугах-малайцах ни слуху ни духу.

Бледная веснушчатая кожа Якоба поджаривается, словно бекон на сковородке.

Над водой проносится летучая рыба, стрижет плавниками.

– *Тобио!* – кричит один гребец другому, показывая пальцем. – *Тобио!*

Якоб повторяет это слово, и оба гребца хохочут так, что лодка раскачивается.

Пассажир не возмущается. Он молча рассматривает кружащие вокруг «Шенандоа» сторожевые лодки; рыбацьи суденышки; жмущийся к берегу японский торговый корабль, крутобокий, как португальский галеон, только еще более пузатый; увеселительную барку знати, увешанную занавесями в черно-голубых цветах княжеского рода, в сопровождении лодок с прислужниками; и остроносую джонку, совсем как у китайских торговцев в Батавии...

Город Нагасаки, придавленный подошвами гор, словно сочится из-под пальцев дощатой серостью и бурыми земляными оттенками. От бухты тянет водорослями, отбросами и дымом бесчисленных труб. По горным склонам до самых зубчатых вершин ступеньками поднимаются рисовые поля.

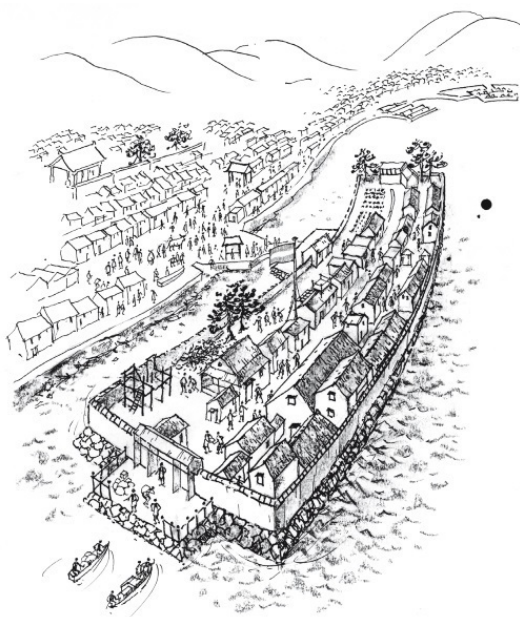
«Безумец мог бы представить, что находится внутри надтреснутой нефритовой чаши», – думает Якоб.

Перед ним раскинулся его будущий дом: Дэдзима, обнесенный высокими стенами искусственный остров в форме веера, примерно двести шагов по внешней дуге, восемьдесят шагов в глубину. Остров образован из насыпей, как и большая часть Амстердама. За прошедшую неделю, рисуя наброски фактории с фок-мачты «Шенандоа», Якоб насчитал около двадцати пяти крыш: перенумерованные пакгаузы японских купцов; жилища капитана и управляющего; дом помощника управляющего с Дозорной башней на крыше; Гильдия переводчиков; больничка. Из четырех голландских пакгаузов – Рус, Лели, Дорн и Эйк – только последние два пережили, как выразился Ворстенбос, «Сниткеровский пожар». Лели сейчас отстраивают заново, а выгоревший дотла Рус подождет, пока фактория хоть чуть-чуть не расквітається с долгами. Сухопутные ворота связывают Дэдзиму с городом Нагасаки – одним пролетом каменного моста через ров с жидкой грязью, который заполняется водой во время прилива. Морские ворота открываются только в торговый сезон; здесь разгружают сампаны Объединенной Ост-Индской компании. Рядом – здание таможни, где всех голландцев, кроме капитана и управляющего, обыскивают, проверяя, нет ли у них запрещенных предметов.

«И во главе списка – предметы христианской веры», – думает Якоб.

Вернувшись к наброску, он углем заштриховывает морские волны.

Гребцы с любопытством вытягивают шеи; Якоб показывает им рисунок.

Старший из гребцов корчит рожу, как бы говоря: неплохо.

Оклик с дозорной лодки вспугнул гребцов; оба стремительно возвращаются на свои места.

Лодка качнулась под весом Ворстенбоса: хоть он и поджарый, сегодня у него под шелковой рубашкой выпирают куски рога «единорога», то есть нарвала – в Японии он ценится как лекарственное снадобье, исцеляющее все болезни.

– Я намерен искоренить этот балаган! – Управляющий постукивает костяшками пальцев пошитым в одежду буграм. – Спрашиваю эту змею, Кобаяси: «Почему бы просто не уложить товар в ящик, открыто и законно, не отвезти его на корабль, открыто и законно, а потом продать с аукциона, открыто и законно?» И что он отвечает? «Никогда так не делалось». Я ему говорю: «Так будем первыми!» А он на меня смотрит такими глазами, как будто я себя объявил отцом его детей.

- Минеер! – кричит помощник капитана. – Ваши рабы с вами на берег поедут?
- Отправишь их вместе с коровой. А мне пока послужит черномазый Сниткера.
- Хорошо, минеер; тут еще переводчик Сэкиа просится на берег съездить.
- Ну, спускайте сюда уродца, господин Вискерке.

Над фальшбортом показывается объемистый тыл Сэкиа. Ножны цепляются за веревочный трап; за эту незадачу служитель получает оплеуху. Когда переводчик и его слуга наконец усаживаются, Ворстенбос приподнимает щегольскую треуголку.

- Божественное утречко! Скажите, господин Сэкиа?
- А-а... – Сэкиа, ничего не поняв, кивает. – Мы, японцы, жители островов...
- Ваша правда, сударь. Море, куда ни глянь, голубой необозримый простор. Сэкиа изрекает очередную заученную фразу:
- У высокой сосны глубокие корни.
- И за что наши тощие денежки уходят на ваше перекормленное жалованье?
- Сэкиа поджимает губы, как бы в задумчивости.
- Доброго вам дня, господин.
- «Если мои книги проверять будет он, – думает Якоб, – то я волновался попусту».
- Пошел! – командует Ворстенбос, указывая гребцам на Дэдзиму.

Сэкиа без всякой нужды переводит приказ.

Гребцы под ритмичную песню-шенти двигают лодку вперед плавными, словно извивы водяной змеи, взмахами весел.

– Что они поют? – задумчиво рассуждает Ворстенбос. – «Вонючий голландец, отдай нам свое золото»?

– Вряд ли, минеер, при переводчике-то.

– Для него такое наименование слишком великодушно. Хотя лучше он, чем Кобаяси, – может, нам не скоро еще выпадет случай поговорить без посторонних ушей. Как окажемся на берегу, главной моей задачей будет – обеспечить фактории выгодный торговый сезон, насколько позволит дрянной наш груз. А у вас, де Зут, работа другая: разберитесь в счетах фактории, начиная с девяносто четвертого года, и в том числе по частным сделкам. Только когда мы будем точно знать, что покупали и продавали сотрудники, сможем в полной мере оценить размах злоупотреблений.

– Приложу все силы, минеер.

– Заклучив Сниткера под стражу, я всем продемонстрировал свою позицию, но если мы поступим так же с каждым, кто балуется контрабандой на Дэдзиме, на свободе останемся только мы вдвоем. Лучше покажем, как честный труд вознаграждается продвижением по службе, а воровство наказывается тюрьмой и позором. Только так мы сможем расчистить эти авгиевы конюшни. О, а вот и ван Клеф пришел нас встретить!

От морских ворот к причалу идет помощник управляющего.
– «Каждое прибытие – это чья-то смерть», – цитирует Ворстенбос.

Помощник управляющего Мельхиор ван Клеф, рожденный в Утрехте сорок лет назад, срывает с головы шляпу. Лицо у него смуглое и бородатое, как у пирата; прищуренные глаза друг назвал бы «внимательными», враг – «мефистофельскими».

– Доброго утра, господин Ворстенбос! Господин де Зут, добро пожаловать на Дэдзиму! – Рукопожатие Мельхиора ван Клефа способно дробить камни. – Желать вам приятного здесь пребывания было бы слишком радужно...

Он замечает недавно возникшую кривизну писарского носа.

– Премного обязан, господин ван Клеф.

У привыкшего к морю Якоба земля покачивается под ногами. Кули уже выгрузили его сундук и тащат прочь.

– Минееер, я бы хотел присмотреть за своими вещами...

– Вполне справедливое желание. Раньше нам частенько случалось поучить грузчиков кулаком, но недавно градоправитель издал указ о том, что побитый кули – оскорбление для Японии, так что теперь – нельзя. С тех пор их канальство не знает границ.

Переводчик Сэкиа, не рассчитав прыжок с носа лодки на пристань, проваливается одной ногой в воду по колено. Выбирается на твердую землю,огревает слугу по физиономии веером и несется впереди троих голландцев с криком:

– Ходить! Ходить! Ходить!

Ван Клеф поясняет:

– Он хочет сказать: «Идемте».

По ту сторону Морских ворот их сейчас же проводят в помещение таможни. Здесь переводчик Сэкиа спрашивает имена иноземцев и выкрикивает их пожилому чиновнику, а тот – своему помощнику помладше, который заносит имена в книгу. Вместо «Ворстенбос» он пишет «Борусу Тэнбосу», вместо «ван Клеф» – «Банкурэйфу», а «де Зут» превращается в «Дадзуту». Инспекторы протыкают вертелами круги сыра и бочонки с маслом, только что выгруженные с «Шенандоа».

– Проклятушие негодяи, – злится ван Клеф. – Бывало, и куриные яйца разбивали – вдруг там кто-то запрятал дукат-другой!

К ним приближается дюжий стражник.

– Знакомьтесь, это он будет вас обыскивать, – объявляет ван Клеф. – Для управляющего сделают исключение, но к подчиненным, увы, это не относится.

Подходят еще несколько молодых людей; у них выбриты лбы, а волосы связаны узлом на макушке, как у инспекторов и переводчиков, посетивших на этой неделе «Шенандоа», только одеяния не такие пышные.

– Переводчики без ранга, – поясняет ван Клеф. – Надеются подольститься к Сэкиа, выполняя за него его работу.

Они хором повторяют для Якоба слова стражника, проводящего обыск:

– Руки поднимать! Открывать карманы!

Сэкиа, шикнув на них, приказывает Якобу:

– Руки поднимать! Открывать карманы!

Тот подчиняется. Стражник обхлопывает ему подмышки и шарит в карманах.

Находит альбом с эскизами, осматривает мельком и выдает очередной приказ.

– Господин, туфли показать! – выпаливает самый расторопный переводчик.

Сэкиа сурово фыркает.

– Сейчас показывать туфли.

Даже грузчики бросили работу и смотрят.

Некоторые без всякого стеснения тычут в писаря пальцами и во весь голос комментируют:

– *Комо, комо!*

– Это они о ваших волосах, – объясняет ван Клеф. – Европейцев здесь часто называют «комо». «Ко» значит «красный», а «мо» – волосы. Сказать по правде, среди нас немногие могут похвастать шевелюрой такого оттенка, как у вас; «рыжеволосый варвар» – зрелище, на которое поглазеть не грех.

– Вы изучаете японский, господин ван Клеф?

– Вообще-то, это запрещено, но я кое-чего нахватался от своих жен.

– Я буду весьма обязан, если вы меня научите тому, что знаете.

– Да какой из меня учитель, – отнекивается ван Клеф. – Доктор Маринус болтает с малайцами, словно родился чернокожим, но и он говорит, что японский выучить тяжело. А если кто из переводчиков возьмется нас учить и его на этом поймают, могут обвинить в государственной измене.

Стражник, проводящий обыск, возвращает башмаки Якобу и отдает очередной приказ.

– Одежду снимать, господин! – хором подхватывают переводчики. – Снимать одежду!

– Одежду снимать никто не будет! – огрызается ван Клеф. – Господин де Зут, служащие фактории не раздеваются! Это отребье хочет нас унижить! Один раз подчинитесь – и всем прибывающим в Японию чиновникам придется делать то же самое до скончания века.

Стражник возмущается. Переводчики галдят:

– Снимать одежду!

Переводчик Сэкиа спешит уползти от греха подальше.

Ворстенбос, ударив тростью в пол, восстанавливает тишину.

– Нет!

Недовольный стражник решает не настаивать.

Другой таможенник стучает копьём о сундук Якоба и произносит несколько слов.

– Открывать, пожалуйста, – переводит кто-то из безранговых. – Открывать большой ящик! «Ящик, – дразнится внутренний голос, – где лежит Псалтирь».

– Давайте, де Зут, не то мы тут все состаримся, – поторапливает Ворстенбос.

Борясь с тошнотой, Якоб послушно отпирает сундук.

Стражник снова что-то говорит, хор переводит:

– Назад, господин! Шаг назад!

Больше двадцати шей с любопытством вытягиваются. Стражник, откинув крышку, вынимает и осматривает пять сорочек тонкого полотна; шерстяное одеяло; чулки; мешочек с пряжками и пуговицами; потрепанный парик; набор писчих перьев; пожелтевшее исподнее; циркуль, что Якоб хранит еще с детства; полкуса виндзорского мыла; две дюжины писем от Анны, перевязанных подаренной ею лентой; бритвенное лезвие; курительную трубку дельфтского фарфора; зеркальце с трещиной; переплетенные ноты; побитый молью бархатный жилет бутылочно-зеленого цвета; оловянную тарелку, ложку и нож. В самом низу – стопки книг. Таможенник обращается к подчиненному, и тот выбегает за дверь.

– Приводить дежурный переводчика, господин, – объясняет один из толпы переводчиков. – Смотреть книги.

– А разве... – У Якоба сдавило ребра. – Не господин Сэкиа будет проводить экзекуцию?

Ван Клеф, сверкнув коричневыми зубами, усмехается в бороду:

– Экзекуцию?

– Инспекцию, минеер! Я хотел сказать, инспекцию.

– Переводчику Сэкиа папаша место в гильдии купил, но запрет... – Ван Клеф одними губами выговаривает «на христианскую веру», – слишком важен, это не для тупиц. Книги проверяет кто-нибудь с соображением. Ивасэ Банри или, может, кто-нибудь из семейства Огава.

– Что за Огава? – Якоб поперхнулся собственной слюной.

– Огава Мимасаку – переводчик первого ранга, их всего четыре человека. Сын его, Огава Удзаэмон, – третьего ранга, а...

В помещение таможни входит молодой человек.

– Ага! О черте речь, а черт навстречу! Теплого утречка, господин Огава!

Огаве Удзаэмону на вид лет двадцать пять, лицо у него умное, открытое. Безранговые переводчики сгибаются в низком поклоне. Сам он кланяется Ворстенбосу, затем ван Клефу и наконец – новенькому.

– С прибытием, господин де Зут!

У него отменное произношение. Переводчик протягивает руку для рукопожатия, на европейский манер, в тот самый миг, как Якоб отвешивает поклон в азиатском стиле. Огава Удзаэмон ответно кланяется, Якоб подает руку. Присутствующие веселятся.

– Мне сказали, господин де Зут привез много книг... И вот они здесь... – Переводчик указывает на сундук. – Много, много книг. «Изобилие» книг – так у вас говорят?

– Несколько книг. – От страха Якоба подташнивает. – Да, некоторое количество.

– Позвольте взглянуть?

Не дожидаясь ответа, Огава начинает вынимать книги из сундука.

Для Якоба мир сузился до узкого туннеля между ним и Псалтирю, втиснутой в середку двухтомного издания «Сары Бургерхарт».

Огава хмурится:

– Много, много книг. Времени чуть-чуть, пожалуста. Я известить, когда закончить. Это есть приемлемо? – Он неверно истолковывает колебание Якоба. – Книги не повреждать. Я тоже библиофил. – Огава прижимает ладонь к сердцу. – Это правильное слово? Библиофил?

Во дворе, где взвешивают товары, солнце печет, раскаленное, как железо для клеймения. «С минуты на минуту мою Псалтирь обнаружат», – думает контрабандист поневоле.

Небольшая группа японских чиновников ждет Ворстенбоса.

Раб-малаец кланяется, держа в руках бамбуковый зонт для управляющего.

– У нас с капитаном Лейси, – говорит управляющий, – встречи с местным начальством назначены одна за одной, до самого обеда. Выглядите неважно, де Зут; сейчас ван Клеф вам покажет, что здесь и как, а потом зайдите к доктору Маринусу, пусть выцедит вам полпинты кровушки.

Кивает на прощание помощнику и уходит в сторону отведенного ему дома.

Посреди двора стоят весы-треножник, высотой в два человеческих роста.

– Сегодня мы взвешиваем сахар, – говорит ван Клеф, – хоть и дрянь первостатейная. Из Батавии какие-то оскребки прислали, что в пакгаузах завалялось.

На крохотном клочке земли толкуются больше сотни купцов, переводчиков, инспекторов, слуг, соглядатаев, лакеев, грузчиков и носильщиков с паланкинами. «Вот они какие, японцы», – думает Якоб. По цвету волос – от черных до седых – и по оттенкам кожи они в массе выглядят более однородно, чем голландцы, а одежда, обувь и прически, кажется, строго различаются по рангам. На балках строящегося пакгауза, как на насесте, устроились человек пятнадцать-двадцать полуголых плотников.

– Бездельники, хуже пьяных финнов, – бурчит себе под нос ван Клеф.

С крыши таможни за ними наблюдает обезьянка с розовым личиком и шерстью цвета сажи на снегу, одетая в курточку из парусины.

– Вижу, вы заметили Уильяма Питта.

– Простите, минеер?

– Да-да, премьер-министр короля Георга. Только на это имя откликается. Лет шесть-семь назад его купил какой-то матрос, но в день отплытия макака сбежала, а назавтра объявилась

вновь, свободным гражданином Дэдзимы. Кстати, о макаках... – Ван Клеф указывает на человека с короткой косицей и впалыми щеками, вскрывающего ящики с сахаром. – Это Вейбо Герритсзон, один из наших работников.

Герритсзон складывает драгоценные гвозди в карман куртки. Взвешенные мешки с сахаром тащат дальше, мимо японца-инспектора и поразительно красивого юноши-иностранца лет семнадцати-восемнадцати: золотые, как у херувимчика, волосы, пухлые губы яванца и по-восточному раскосые глаза.

– Иво Ост, чей-то незаконнорожденный сынок с щедрой добавкой смешанной крови.

Мешки с сахаром заканчивают свой путь у стола на козлах, рядом с весами.

За взвешиванием наблюдают еще трое чиновников-японцев, переводчик и два европейца лет двадцати с небольшим.

– Слева, – показывает ван Клеф, – Петер Фишер, пруссак из Брауншвейга...

Фишер – загорелый до черноты, темноволосый, с залысинами.

– Он конторщик с образованием стряпчего... Хотя господин Ворстенбос говорил, вы тоже специалист высокого класса, так что у нас теперь специалистов в избытке. Рядом с ним – Кон Туми, ирландец из Корка.

У этого Туми словно вдавленный профиль и акулья улыбка; коротко стриженные волосы, грубая одежда из парусины.

– Не волнуйтесь, если новые имена забудутся; после отплытия «Шенандоа» у нас будет целая вечность, успеем со скуки выучить друг о друге все, что только можно.

– Неужели японцы не догадываются, что у нас не все из Голландии?

– Мы сказали, якобы у Туми зверский акцент, потому что он из Гронингена. Когда это компании хватало чистокровных голландцев? Тем более *теперь*. – Выделенное слово намекает на деликатную историю с заключением Даниэля Сниткера под стражу. – Обходимся тем, что есть. Туми у нас плотник, а в дни взвешивания – еще и за инспектора. Если за этими кули не смотреть в оба глаза, мешок сахара умыкнут, черти, оглянуться не успеешь. Да и стражники не лучше, а купцы – самое жулье: вчера один сукин сын подсунул каменюку в мешок, а потом будто бы «обнаружил» и нас же обвинил, стал требовать, чтобы скидку на тару понизили.

– Господин ван Клеф, мне приступить к исполнению своих обязанностей?

– Пусть сперва доктор Маринус вам кровь отворит, а как устроитесь, милости прошу на поле боя. Приемная Маринуса – в конце Длинной улицы, вот этой самой, там еще лавровое дерево растет. Не заблудитесь. На Дэдземе еще никому не удавалось заблудиться, если только грогом не нагрузиться по самую ватерлинию.

– Ваше счастье, что я по пути подвернулся, – произносит сиплый голос десять шагов спустя. – На Дэдземе заблудиться – что гусаку посрать. Ари Гроде меня зовут, а вы, стало быть, – он хлопает Якоба по плечу, – Якоб де Зут из славной Зеландии. Ух ты, лихо вас Сниткер по носу приложил, аж на сторону своротил, ага?

У Ари Гроде щербатая улыбка и шляпа из акульей кожи.

– Нравится моя шапка? Это ко мне в хижину в джунглях острова Тернате заполз боа-констриктор, когда я там ночевал с тремя туземными девицами. Я сперва подумал, кто-то из них меня этак нежно будит, понимаете? Ан нет, нет, легкие как стиснет, и три ребра хрустнули – крак! грюк! хрясь! И смотрю, при свете Южного Креста прямо в глаза мне уставился, гад ползучий. Это его и сгубило. Руки-то у меня были зажаты, зато челюсти свободны. Я его и цапнул за голову со всей дури... Когда змея визжит – такое не скоро забудешь! Гад ползучий все дрыгался, сдавил меня еще крепче – а я ему в горло вцепился и яремную вену перекусил начисто. Благодарные туземцы сделали мне из его шкуры накидку и провозгласили меня этим самым, Повелителем Джунглей – змеюка-то на все деревни в округе страх наводила. Да только... – Гроде вздыхает. – Сердце моряка навеки отдано морю, ага? В Батавии мне из той накидки

шапок наделали, по десять рейхсталеров за каждую... Только одну себе оставил, последнюю. Ни за какие деньги не отдам – разве что по доброте душевной готов поделиться с новеньким, вам же нужнее, ага? Отдам красоту такую, и не за десять рейхсталеров, не за восемь даже, всего за пять стюеров. Хорошая цена, не прогадаете!

– Увы, шляпник в Батавии подменил вам змеиную шкуру на дурно выделанную акулю.

– Спорим, вы из-за карточного стола с набитым кошельком уходите! – заулыбался Ари Гроте. – Мы тут собираемся иногда по вечерам в моей скромной квартирке, пообщаться по-дружески и рискнуть парой монет... Вроде парень вы свойский, не задайтесь. Присоединяйтесь к компании, а?

– Боюсь, вам будет скучно с пасторским сыном. Пью я мало, а в азартные игры играю и того меньше.

– Да кто на Востоке не игрок? Мы тут собственную жизнь на кон ставим! Из десяти человек хорошо если шестеро вернутся домой с прибытком, а четверо-то сгинут где-нибудь в болоте. Шестьдесят к сорока – не слишком хорошие шансы. Кстати, на дюжину дукатонов или драгоценных камней, зашитых в подкладку, одиннадцать перехватывают у Морских ворот, хорошо если один проскочит. Лучше всего их прятать в заднем проходе, и, кстати, господин де З., если ваша грешная дыра, э-э, начинена подобным образом, я вам предложу лучшую цену...

На Перекрестке Якоб останавливается. Впереди продолжается плавная дуга Длинной улицы.

– Там – Костяной переулок. – Гроте указывает вправо. – Он ведет к улице Морской Стены, а в той стороне, – он машет рукой влево, – Короткая улица и Сухопутные ворота...

...«А за Сухопутными воротами, – думает Якоб, – Сокровенная империя».

– Не-не-не, господин де З., для нас эти ворота не откроются. Управляющего с помощником и доктора М. иногда пропускают, а нам – нетушки. «Заложники сёгуна» – так нас местные называют, и прямо в точку, ага? Но послушайте, что скажу! – Гроте подталкивает Якоба в спину. – Я не только с драгоценностями да монетами дело имею. Не далее как вчера, – он переходит на шепот, – я добыл для одного проверенного клиента с «Шенандоа» коробку чистейших кристаллов камфоры, прогнившую дыхалку лечить, – на родине такие из канала не выудишь!

«Он мне приманку приготовил», – думает Якоб, а вслух отвечает:

– Господин Гроте, я не занимаюсь контрабандой.

– Да что вы, господин де З., я вас и не обвиняю, чтоб мне сдохнуть тут же на месте! Так просто, для сведения обмолвился, что обычно беру четверть продажной цены в виде комиссии, но такому прозорливому юноше, как вы, готов отдать семь десятых пирога. Люблю я дерзких зеландцев, ничего с собой поделывать не могу! Кстати, с удовольствием договорюсь насчет вашего порошочка от французской болезни. – Гроте произносит это с небрежностью человека, который старается скрыть, что речь зашла о важном. – Тут некие купцы, называющие меня «братец», взвинтили цену быстрее, чем у хорошего жеребца причиндал приходит в боевую готовность, и происходит это прямо сию минуту, господин де З., так-таки в эту самую минуту, а почему?

Якоб замирает:

– Откуда вы знаете, что я привез с собой ртуть?

– Выслушайте же мою благую весть, ага? Этой весной, – Гроте понижает голос, – один из многочисленных сыновей сёгуна испробовал лечение ртутью. Способ здесь известен уже лет двадцать, только в него никто не верил, да что делать: у княжонка огурчик уже весь протух, так что прямо позеленел и светился как гнилушка. Один курс голландского порошка и – о радость – полное исцеление! История разлетелась как лесной пожар; каждый аптекарь в Японии с воплями требует чудесного эликсира, и вдруг являетесь вы и с вами целых восемь ящичков! Доверьте переговоры мне – и получите такую прибыль, что на тысячу шляп хватит;

а если возьметесь за дело сами, друг мой, вас обдерут как липку, из вашей собственной шкуры шапок наделают.

Якоб снова идет вперед:

– Как вы узнали про мою ртуть?

– Крысы, – шепотом отвечает Ари Гроте. – Да-да, крысы. Я их прикармливаю, а они мне рассказывают то да се. Вуаля, вот и больничка; в хорошей компании дорога вдвое короче, ага? Значит, договорились: отныне я действую в качестве вашего агента, ага? Контрактов подписывать не будем, незачем – благородный человек не нарушит слово. Пока, до встречи!

Ари Гроте поворачивает назад, к Перекрестку.

Якоб кричит ему вслед:

– Я не давал вам своего слова!

За дверью госпиталя начинается узкий коридор. Впереди похожая на трап лестница ведет к открытому люку в потолке; справа вход в приемную врача – просторную комнату с распятым на раме в виде буквы «Т» потемневшим от времени скелетом. Якоб старается не думать о том, что Огава уже, быть может, нашел Псалтирь. Операционный стол заляпан кровью, к нему крепятся веревки и ремни, чтобы удерживать пациентов. У стен – подставки для хирургических пил, ножниц, скальпелей; на столе рядами ступки и пестики; в углу большой шкаф – там, наверное, лекарства; рядом тазы для кровопусканий, столики и лавки. Пахнет свежими опилками, воском, целебными травами и чуточку требухой. За дверью – больничная палата, три пустые койки. Глиняный кувшин с водой искушает; Якоб пьет прямо из половника – вода холодная и вкусная.

«Почему здесь никого нет, вдруг воры?»

В комнате возникает молодой слуга, а может быть, раб. Красивый, босой, в рубаше тонкого полотна и просторных шароварах.

Якобу хочется как-то оправдать свое присутствие.

– Раб доктора Маринуса?

– Доктор платит мне жалованье. – Юноша чисто говорит по-голландски. – Я его помощник, минеер.

– Вот как? Я новый писарь, де Зут. А как твое имя?

Юноша кланяется учтиво, но без угодливости.

– Меня зовут Элатту, минеер.

– Ты из каких краев, Элатту?

– Я родился в Коломбо, минеер, на Цейлоне.

Якоб теряется от его вежливости.

– Где твой хозяин?

– Наверху, в кабинете. Если угодно, я за ним схожу?

– Не нужно. Я сам поднимусь, представлюсь.

– Да, минеер, но доктор предпочитает принимать посетителей внизу...

– Он не будет против, когда узнает, что я ему привез...

Высунув голову в люк, Якоб рассматривает длинный, прекрасно обставленный чердак. Примерно посередине стоит клавесин доктора Маринуса – в Батавии об этом инструменте рассказывал Якобу его приятель, господин Звардекроне; будто бы это единственный клавесин, добравшийся до Японии. А в самой глубине сидит за низеньким столиком огромный, как медведь, краснолицый европеец лет пятидесяти, со связанными в хвост седоватыми волосами, и рисует огненно-рыжую орхидею.

– Добрый день, доктор Маринус! – окликает Якоб, стукнув по откинутой крышке люка.

Доктор в рубаше с распахнутым воротом не отвечает на приветствие.

– Доктор Маринус? Очень рад наконец-то с вами познакомиться...

Доктор как будто не слышит.

Писарь повышает голос:

– Доктор Маринус? Простите за беспокойство...

Маринус раздраженно сверкает глазами:

– Из какой крысиной норы вы вылезли?

– Я прибыл на «Шенандоа», четверть часа назад. Меня зовут...

– Я разве спрашивал, как вас зовут? Нет, я спрашивал про ваше *fons et origo*¹.

– Домбург, минеер. Приморский городок в Зеландии, на острове Валхерен.

– Валхерен, говорите? Я был как-то в Мидделбурге.

– Я в Мидделбурге получил образование.

Маринус отвечает лающим смехом:

– Никто не может «получить образование» в этом гнезде работоторговцев.

– Возможно, в будущем я сумею исправить ваше мнение о жителях Зеландии. Меня поселили в Высоком доме, так что мы почти соседи.

– То бишь соседство способствует общительности, вот оно как, по-вашему?

– По-моему... – Якоб теряется от явной враждебности доктора. – По-моему... Я...

– Этот экземпляр *Cymbidium kanran* был найден среди козьего корма; пока вы тут мямлите, он увядает.

– Господин Ворстенбос предположил, что вы могли бы отворить кровь...

– Средневековое шарлатанство! Еще двадцать лет назад Хантер вдребезги разнес учение о кровопусканиях, равно как и гуморальную теорию, на которой оно основано!

«Но ведь кровопускание – хлеб любого врача?» – думает Якоб.

– Но...

– Но, но, но? Но-но? Но? Но-но-но-но-но?

– Мир полон людей, которые нерушимо верят в эту теорию.

– Это только доказывает, что мир полон простофиль. У вас нос распух.

Якоб дотрагивается до искривленной переносицы:

– Бывший управляющий Сниткер меня ударил и...

– Не надо бы вам увлекаться кулачным боем, сложение не то. – Маринус встает и направляется к люку, прихрамывая и опираясь на толстую трость. – Дважды в день промывайте нос холодной водой и подеритесь с Герритсзоном, подставив ему другую сторону, пусть выровняет. Всего хорошего, Домбуржец.

Доктор Маринус метким ударом трости выбивает полено, удерживающее крышку люка открытой.

Вновь залитая солнцем улица. Возмущенного писаря мигом окружают переводчик Огава, его слуга и двое инспекторов – все четверо мрачные и в поту.

– Господин де Зут, – начинает Огава, – я хочу поговорить о книге, которую вы привозить. Дело серьезное...

Дальше несколько фраз Якоб пропускает мимо ушей, борясь с тошнотой и ужасом.

«Ворстенбос не сможет меня спасти, да и зачем ему?»

– ...Поэтому мне удивительно обнаружить у вас такой книга... Господин де Зут?

«Конец моей карьере, – думает Якоб, – свобода, прощай, и Анна потеряна...»

– Где меня заточат? – хрипит несчастный узник.

Улица качается перед глазами, вверх-вниз. Якоб зажмуривается.

¹ Источник и происхождение (лат.).

– За-то-чат? – переспрашивает Огава. – Моих ничтожных познаний в голландском не хватает...

Сердце писаря стучит, как неисправная помпа.

– Бесчеловечно так играть со мной...

– Играть? – недоумевает Огава. – Господин де Зут, это какой-то поговорка? В сундуке господина де Зута я найти книгу господина... Адам Сумиссу.

Якоб открывает глаза. Улица встала на свое место.

– Адам Смит?

– «Адам Смит», прошу меня простить. «Богатство народов» – знаете?

«Знаю, – думает Якоб, – только боюсь надеяться».

– Английский оригинал довольно сложен, поэтому я купил в Батавии голландское издание.

Огава удивлен.

– Значит, Адам Смит – англичанин, а не голландец?

– Он бы вас не поблагодарил за такие слова, господин Огава! Смит – шотландец из Эдинбурга. Так вы сейчас говорили о «Богатстве народов»?

– О чем еще? Я – *рангакуся*, изучаю голландскую науку. Четыре года назад управляющий Хеммей дал мне почитать «Богатство народов». Я начать перевод, чтобы перенести в Японию, – губы Огавы старательно готовятся, прежде чем выговорить, – «теорию политической экономии». Но даймё Сацумы предложил господину Хеммею много денег, и мне пришлось вернуть книгу. Ее продали, и я не успел закончить перевод.

Раскаленное солнце застряло, словно в клетке, в ветвях сияющего лавра.

«И воззвал к нему Бог из среды куста», – думает Якоб.

По синей глазури неба чертят крючконосые чайки и костлявые коршуны.

...«И сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я!»

– Я старался, искал другую, но... – Огава морщится. – Большие трудности.

Якоб еле сдерживается, чтобы не расхохотаться по-детски.

– Я понимаю.

– И вдруг сегодня ваш сундук я находить Адам Смит. Очень удивительно, и сказать откровенно, господин де Зут, я хотел бы купить или взять в аренду...

В саду по ту сторону улицы надрываются цикады.

– Адам Смит не продается и не сдается в аренду, – говорит голландец, – но я буду рад одолжить вам книгу, господин Огава. Весьма рад... И держите ее у себя, сколько вам будет угодно...

IV. Возле нужника при Садовом доме на Дэдзиме Перед завтраком 29 июля 1799 г.

Якоб де Зут, выйдя из жужжащей мухами тьмы, видит, как приставленного к нему переводчика Хандзабуро допрашивают два инспектора.

– Небось, прикажут мальчишке в твоём ночном горшке копать, чтоб узнать, чем ты срешь. – Младший писарь Понке Ауэханд возникает словно из ниоткуда. – Я три дня назад замучил-таки своего первого соглядатая, он безвременно почил, а мне из Гильдии переводчиков прислали вот эту подставку для шляп. – Ауэханд кивает на долговязого юнца у себя за спиной. – Китибэй по имени, но я его Лишаем прозвал, так он ко мне прилип. Ну ничего, я его изведу! Мы с Гроте поспорили на десять гульденов, что я к ноябрю с пятью пронырами разделаюсь. Ты как, ещё не завтракал?

Инспекторы заметили Китибэя и подзывают его к себе.

– Как раз собирался, – говорит Якоб, вытирая руки.

– Идем, пока ещё не все работяги тебе в кофе нассали.

Вдвоем они проходят по Длинной улице. У обочины пасутся две беременные оленихи.

– Хорошая отбивная, – замечает Ауэханд. – К рождественскому обеду.

Доктор Маринус и раб Игнаций поливают грядки с дынями.

– Сегодня опять пекло, доктор, – говорит Ауэханд через забор.

Маринус не достаивает его взглядом, хотя наверняка слышал.

– Со своими учениками он вполне любезен, – сообщает Ауэханд. – И со своим красавчиком-индусом, и когда Хеммей валялся при смерти, он был просто воплощенная доброта, мне ван Клеф рассказывал. А когда его ученые друзья притаскивают ему какой-нибудь редкий сорняк или дохлую морскую звезду, только что хвостом не виляет. Почему же с нами он такое Лихо Одноглазое? В Батавии даже французский консул – не кто-нибудь, а французский консул! – называл его «un buffalo insufferable»².

В горле Ауэханда словно что-то скрипит.

У Перекрестка собирается бригада грузчиков, чтобы перенести на берег железные чушки. Заметив Якоба, они, как водится, начинают подталкивать друг друга локтями, переглядываться и пересмеиваться. Он сворачивает в Костяной переулочек, чтобы не идти мимо них.

– Не отпирайся, тебе нравится такое внимание, господин Рыжий, – подначивает Ауэханд.

– Не нравится, – возражает Якоб. – Совсем не нравится!

Свернув на улицу Морской Стены, конторщики добираются до Кухни.

Под сенью кастрюль и сковородок Ари Гроте ошипывает какую-то птицу. Раскаленное масло шипит и брызжет, горка блинчиков растёт на глазах, кислые яблоки и совершивший далекое морское путешествие круг эдамского сыра поровну разделены меж двумя длинными столами. За столом работников сидят Пит Барт, Иво Ост и Герритсзон; старший писарь и Кон Туми, плотник, питаются за офицерским столом. Поскольку сегодня среда, Ворстенбос, ван Клеф и доктор Маринус завтракают наверху, в Комнате с эркером.

– А мы тут гадаем, куда вы подевались, – говорит Гроте.

– Приступим к трапезе, маэстро! Для начала – жаркое из соловьиных языков, – объявляет Ауэханд, тыча пальцем в черствый хлеб и прогорклое масло. – Затем пирог из перепелов с ежевикой, артишоки в сметане, а на десерт – айва и пирожные со взбитыми сливками и лепестками белых роз.

² «Невыносимый буйвол» (фр.).

– Шутки господина А. всегда свежи, – произносит Гроте, – они так украшают наши унылые будни.

Ауэханд приглядывается к нему:

– Это вы не фазану ли в зад залезли?

– Зависть – один из семи смертных грехов, – укоряет кулинар. – Верно, господин де Зут?

– Так говорят. – Якоб вытирает с яблока брызги крови.

– Мы тут вам кофейку взбодрили. – Барт ставит на стол чашку. – Вот, свеженький.

Якоб смотрит на Ауэханда, тот корчит рожу: «Я предупреждал!»

– Спасибо, господин Барт. Я, пожалуй, воздержусь.

– Мы специально для вас готовили! – уговаривает выходец из Антверпена.

Ост зеваает, раззявив пасть во всю ширь. Якоб отваживается на шутку:

– Тяжелая ночка?

– А то как же! До зари контрабанду возил и грабил родимую компанию, верно?

– Откуда мне знать, господин Ост. – Якоб разламывает ломоть хлеба.

– Я думал, вы все ответы знаете заранее, еще до того, как на берег высадиться.

– Вежливость, – остерегает на своем голландском с ирландским оттенком Туми, – это крайне...

– Это *он* тут расселся и нас всех судит! Кон, ты и сам так думаешь.

Осту единственному хватает отчаянности лепить правду-матку новому писарю в лицо, не забываясь прикрываться воздействием грога, но Якоб знает, что даже ван Клеф считает его шпионом Ворстенбоса. Все ждут, что он ответит.

– Господин Ост, чтобы набирать матросов на корабли, поддерживать численность гарнизонов и выплачивать жалованье десяткам тысяч служащих, в том числе и лично вам, Компании необходимо получать прибыль. А торговым факториям необходима отчетность. В бухгалтерских книгах Дэдзимы за последние пять лет черт-те что творится, настоящий свинарник. Обязанность господина Ворстенбоса – дать мне распоряжение разобраться в этих книгах. Моя обязанность – выполнить приказ. Почему из-за этого вдруг я становлюсь Искаротом?

Никто не снисходит до ответа. Петер Фишер жует с разинутым ртом.

Ауэханд подцепляет хлебом квашеную капусту.

– Сдается мне, – замечает Гроте, выдергивая из фазана внутренности, – весь вопрос в том, как поступит управляющий, если в ходе этого... *разбирательства*... ему попадутся какие-нибудь... *несоответствия*. Пальчиком погрозит: «Ай-яй-яй, не шалите больше, детки», – или от души надает розгами по филею? Или с должности снимет и упрячет в тюремную камеру в Батавии...

– Если...

Якоб хочет сказать «если вы ничего не нарушали, вам бояться нечего», но удерживается: правила насчет частной торговли нарушают все присутствующие.

– Я не...

Якоб хочет сказать «духовник господина Ворстенбоса», но снова удерживается.

– Вы пробовали его самого спросить?

– Рылом я не вышел, – отвечает Гроте, – хм... вышестоящих допрашивать.

– Значит, вам придется подождать – сами увидите, что решит господин Ворстенбос.

«Неудачный ответ, – немедленно понимает Якоб. – Я как будто намекаю, что знаю больше, чем говорю».

– Ав-ав, – негромко произносит Ост. – Тяф!

Смех Барта вполне может сойти за икоту.

Яблочная кожурка сползает с ножа Фишера идеальной спиралью.

– Мы можем ожидать вашего визита в контору чуть позже? Или вы продолжите *разбирательство* в пакгаузе Дорн, вместе со своим другом Огавой?

– Я буду делать то, что прикажет управляющий. – Якоб слышит, словно со стороны, свой голос на повышенных тонах.

– О-о? Никак, я задел больной зуб? Мы с Ауэхандом всего лишь хотели узнать...

– Я разве хоть слово сказал? – спрашивает Ауэханд, обращаясь к потолку.

– ...будет ли нам сегодня помогать так называемый третий писарь.

– Просто писарь, – поправляет Якоб. – Не «третий» и не «так называемый», равно как и вы не начальник канцелярии.

– Да ну? Стало быть, вы таки обсуждали с господином Ворстенбосом вопрос будущих назначений.

– Подобаает ли нам препираться? – вмешивается Гроте. – Какой пример для *низиших сословий*!

Хлопает перекошенная кухонная дверь, и входит Купидон, слуга господина управляющего.

– Что тебе надо, собака черномазая? – спрашивает Гроте. – Тебя уже покормили.

– Велено передать господину де Зуту: «Управляющий приказывает вам явиться в Парадный кабинет».

В глубинах вечно заложенного носа Барта зарождается и тут же умирает смех.

– Я ваш завтрак сберегу. – Гроте отрубает фазану лапки. – Не извольте беспокоиться!

– Мальчик, к ноге! – шепотом командует Ост невидимому псу. – Сидеть, мальчик! Мальчик, фас!

– Кофейку, всего один глоточек! – Барт протягивает чашку. – Подкрепить силы, ага?

Якоб встает, собираясь уходить.

– Меня не слишком привлекают... дополнительные *ингредиенты*.

– Не, *на диету* садиться вас никто не заставляет, – недоуменно бурчит Барт.

Племянник пастора ударом ноги выбивает чашку из рук Барта.

Чашка разбивается вдребезги о потолок; черепки сыплются на пол.

Зрители в изумлении; Ост прекращает тявкать; Барт промок насквозь.

Якоб и сам себе удивился. Он заталкивает хлеб в карман и уходит.

* * *

В Кунсткамере – преддверии Парадного кабинета – стоят на полках штук пятьдесят-шестьдесят стеклянных бутылей, прикрученных проволокой на случай землетрясения. В бутылках выставлены разнообразные твари из всех уголков некогда необъятной империи под названием «Объединенная Ост-Индская компания». Защищенные от разложения спиртом, свиным пузырем и свинцовыми пломбами, они свидетельствуют не столько о том, что всякая плоть обречена – кто в своем уме способен надолго об этом забыть? – а скорее о том, что бессмертие дается дорогой ценой.

Заспиртованная ящерица-дракон из города Канди чем-то неуловимо похожа на отца Анны. Якоб вспоминает историческую встречу с этим господином в гостиной его дома в Роттердаме. За окном громыхали проезжающие экипажи, фонарщик зажигал фонари.

– Господин де Зут, – начал ее отец, – Анна сообщила мне весьма неожиданную новость...

В соседней с драконом бутылки разевает пасть гадюка с острова Сулавеси.

– ...и я тщательнейшим образом рассмотрел как ваши достоинства, так и недостатки.

Детеныш аллигатора с острова Хальмахера скалится в дьявольской ухмылке.

– В столбце кредита: вы прекрасный работник, добросовестный, с хорошей репутацией...

Пуповина навечно связывает аллигатора со скорлупой от яйца.

– ...и не воспользовались во зло чувствами Анны.

От назначения на Хальмахеру Якоба спас Ворстенбос.

– Теперь что касается дебета: вы всего лишь писарь; не купец, не судовладелец... Черепаша с острова Диего-Гарсия как будто плачет.

– ...даже не оптовый торговец. Просто писарь. Я не сомневаюсь, что вы искренне привязаны к моей дочери.

Якоб прислоняется сломанным носом к банке с барбадосской миногой.

– Но нежные чувства – не более чем слива в пудинге. Сам пудинг – это имущество.

Рот миноги раскрыт в форме буквы «О», а внутри сплошняком красуются острые как бритва треугольные зубы.

– Однако из уважения к мнению Анны и ее способности разбираться в людях я готов дать вам шанс, де Зут. Заработайте свой пудинг. Один из директоров Ост-Индской компании бывает в моем клубе. Если вы и в самом деле так сильно хотите стать моим зятем, он может устроить вам должность на Яве, сроком на пять лет. Официальное жалованье невелико, но предприимчивый молодой человек может кое-что извлечь с пользой для себя. Ответ нужно дать сегодня: «Фадреландет»³ уходит в плавание из Копенгагена через две недели...

– Новые друзья? – Ван Клеф наблюдает за Якобом, стоя в дверях Парадного кабинета.

Якоб отрывается от созерцания миноги:

– Я не могу позволить себе роскошь привередничать, господин помощник управляющего.

Ван Клеф хмыкает на такую откровенность.

– Господин Ворстенбос готов вас принять.

– А вы разве не будете присутствовать, минеер?

– Железные чушки сами себя не взвесят, де Зут, как ни жаль.

Унико Ворстенбос, розовый от жары и блестящий от пота, щурится, разглядывая градусник на стене, рядом с портретом Вильгельма Молчаливого.

– Надо сказать Туми, пусть сделает мне такой хитрый матерчатый веер, их еще англичане из Индии привозят... Забыл название...

– Опахало?

– Точно. Опахало, и к нему бы еще опахальщика...

Входит Купидон с уже знакомым Якобу нефритовым чайничком на подносе.

– В десять явится переводчик Кобаяси, – говорит Ворстенбос, – и толпа чиновников, обучать меня придворным церемониям к долгожданной аудиенции у градоправителя. Старинный чайничек с серебром – знак, что управляющий факторией не лишен хорошего вкуса; на Востоке, де Зут, куда ни плюнь, всюду знаки. Напомните-ка, что там говорил тот еврей в Макао, для какого персонажа голубых кровей был сделан сервиз?

– Он сказал, будто бы это часть приданого жены последнего императора династии Мин.

– Точно, последнего императора династии Мин. Да, и будьте так любезны, присоединитесь к нам позже.

– Для встречи с переводчиком Кобаяси и чиновниками?

– Для беседы с градоправителем Сираи... Сило... Как бишь его?

– Градоправитель Сирояма, минеер. Мне сопровождать вас в Нагасаки?

– Если только не предпочтете остаться здесь и записывать вес железных болванок.

– Увидеть настоящую Японию... Это же... – «Петер Фишер богу душу отдаст от зависти», – думает Якоб. – Это величайшее приключение! Спасибо!

– Управляющему факторией необходим личный секретарь. Идемте, продолжим дела насущные в моем рабочем кабинете...

³ «Отчизна» (голл.).

В соседней тесной комнатке солнечный свет падает прямо на письменный стол.

– Итак... – Ворстенбос усаживается. – Как вам после трех дней на берегу жизнь на самом отдаленном аванпосте Компании?

– Полезней для здоровья, минеер, – стул Якоба скрипит, – чем должность на Хальмахере.

– Вот уж хвала без души – не лучше хулы! Что вам сильнее всего досажает: соглядатаи, ограничение свободы, утеснение прав... Или невежество соотечественников?

Якоб подумывает рассказать Ворстенбосу о сцене за завтраком, но какой смысл? Уважение не заслужить по приказу свыше.

– Служащие смотрят на меня с неким... подозрением, господин управляющий.

– Само собой! Объяви я: «Отныне частная торговля запрещена» – и они просто станут хитрить ловчее. Сейчас недомолвки – лучшее профилактическое средство. Конечно, служащие недовольны, однако на мне злость срывать не смеют. А вам отдуваться.

– Я не хочу показаться неблагодарным. Не думайте, что я не ценю ваше покровительство, минеер.

– Дэдзима – унылое местечко, что уж тут говорить. Давно прошли времена, когда можно было спокойно уйти в отставку с прибылей за два торговых сезона. В Японии крокодилы тебя не съедят и болотная лихорадка не убьет, а вот скука – запросто. Но не вешайте нос, де Зут: через год мы вернемся в Батавию, и тогда вы узнаете, как я награждаю за преданность и усердие. Кстати, об усердии – как продвигается работа с бухгалтерскими книгами?

– В книгах сам черт ногу сломит, но мне очень помогает господин Огава. Записи за девяносто четвертый и девяносто пятый годы почти полностью восстановлены.

– Дожили, на японские архивы полагаться приходится... Впрочем, есть более неотложное дело. – Ворстенбос отпирает ящик стола и достает оттуда брусок японской меди. – Самая красная в мире, самая богатая золотом... Вот уже сотню лет она – та невеста, ради которой мы, голландцы, выплясываем в Нагасаки.

Он бросает плоский слиток Якобу, тот ловит.

– Невеста, однако, с каждым годом все тощает, и характер у нее портится. По вашим же собственным подсчетам... – Ворстенбос сверяется с лежащей на столе бумажкой, – в тысяча семьсот девяностом году мы экспортировали восемь тысяч пикулей. В девяносто четвертом – шесть тысяч. Гейсберт Хеммей, чьим единственным благоразумным поступком было то, что он умер прежде, чем его успели отдать под суд за несоответствие занимаемой должности, допустил, чтобы квота упала ниже *четырёх* тысяч, а под руководством злополучного Сниткера – до жалких трех тысяч двухсот, каковые, до последнего слитка, пошли на дно вместе с «Октавией».

Настольные часы из Алмело отмеряют время драгоценными щипчиками.

– Помните, де Зут, перед отплытием я посетил Старый Форт?

– Помню, минеер. Генерал-губернатор два часа беседовал с вами.

– Это был тяжелый разговор не о чем ином, как о будущем голландской Явы. И это будущее вы сейчас держите в руках. – Ворстенбос кивает на медный слиток.

Металлическая поверхность показывает Якобу его размытое отражение.

– Я вас не понимаю, минеер...

– Увы, Сниткер не преувеличивал, живописуя печальную участь Компании. Одного только он не упомянул, потому что об этом никто не знает, кроме членов Совета Обеих Индий: казна в Батавии истощена, она пуста.

На той стороне улицы плотники стучат молотками. У Якоба ноет искривленный нос.

– Без японской меди в Батавии не могут выпускать монеты. – Ворстенбос вертит в руках нож слоновой кости для разрезания бумаги. – Без монет наемники-туземцы скоро разбегутся по своим джунглям. Пилюлю правды не подсластишь, де Зут: правительство в состоянии продержать наши гарнизоны на половинном жалованье до июля следующего года. К августу появятся первые дезертиры; к октябрю вожди местных племен проведуют о нашей слабости,

а к Рождеству в Батавии настанет разгул анархии, начнутся грабежи, массовые убийства... И Джон Буль, конечно, подсуется.

В воображении Якоба невольно возникают картины грядущих бедствий.

– Каждый управляющий факторией Дэдзимы, – продолжает Ворстенбос, – всеми силами старался выжать из Японии как можно больше драгоценных металлов. А в ответ получали заламывание рук и фальшивые обещания. Колеса коммерции все же катятся вперед, ни шатко ни валко, но, если мы с вами, де Зут, потерпим неудачу, Восток будет для Голландии потерян.

Якоб кладет медный брусок на стол.

– Как можем мы добиться успеха там...

– ...где столь многих ждало поражение? В бою помогут отвага и... письмо исторического значения. – Ворстенбос придвигает к краю стола письменный прибор. – Прошу вас, набросайте черновик.

Якоб садится за стол, снимает крышечку с чернильницы и обмакивает перо.

– «Я, генерал-губернатор Голландской Ост-Индии П. Г. ван Оверстратен...»

Якоб поднимает глаза на управляющего, но ошибки нет – он расслышал верно.

– «...Сего числа...» Когда мы вышли из Батавии, шестнадцатого мая?

Сын пастора прочищает горло.

– Четырнадцатого, минеер.

– «...Сего числа, э-э... девятого мая тысяча семьсот девяносто девятого года, обращаюсь с сердечным приветом к их августейшим превосходительствам, Совету старейшин, как искренний друг, коему позволено без всякой лести, не опасаясь впасть в немилость, высказать свои самые сокровенные мысли касательно освященной временем дружбы между Японской империей и Батавской республикой», точка.

– Японцы еще не знают о свершившейся революции.

– Тогда пусть будут пока Соединенные Провинции Нидерландов. «Слуги сёгуна в Нагасаки неоднократно меняли условия торговых соглашений, что повлекло за собой обнищание Компании»... Нет, пишите лучше «ущерб для Компании». Далее: «Так называемый цветочный налог достигает поистине ростовщических размеров; за десять лет рейхсталер трижды обесценивался, и в то же время квота на вывоз меди уменьшилась до ничтожно малой величины...» Точка.

Кончик пера обламывается от слишком сильного нажима; Якоб выбирает себе другое.

– «Однако на все обращения со стороны Компании отвечают бесконечными отговорками. Путь из Батавии в вашу отдаленную Империю изобилует опасностями – это доказывает кораблекрушение „Октавии“, при котором погибли двести голландцев. Более невозможно вести торговлю с Нагасаки без достойной компенсации затрат и риска». С новой строки. «Руководство компании в Амстердаме приняло окончательный меморандум по Дэдзиму. Суть этого документа можно коротко изложить следующим образом...» – Перо Якоба перескакивает через кляксу. – «Если квота на вывоз меди не будет повышена до двадцати тысяч пикулей...» – выделите это курсивом, де Зут, и в скобках добавьте цифрами – «...руководящая коллегия Объединенной Ост-Индской компании, Совет семнадцати, отказывается от дальнейшей торговли. Мы ликвидируем факторию на Дэдзиму, вывезем служащих, заберем скот и товары из пакгаузов, еще представляющие какую-либо ценность». Вот так! Что скажете, вызовет это переполох в курятнике?

– Не то слово, минеер. Но разве генерал-губернатор в самом деле грозил прекратить торговлю?

– Азиаты уважают силу. Припугнем – станут шелковые!

«Значит, не грозил», – понимает Якоб.

– А если блеф раскроется?

– Чтобы раскрыть блеф, нужно сперва догадаться, что противник блефует. Вы тоже участник этой страгемы, так же как ван Клеф, капитан Лейси и я, а более никто. Заканчиваем письмо: «За квоту в двадцать тысяч пикулей меди я согласен в будущем году отправить еще один корабль. Если Совет сёгуна предложит...» – выделите курсивом – «...хоть на один пикуль меньше, они тем самым срубят под корень древо коммерции, обрекут единственный крупный порт Японии на медленную смерть и наглухо заложат кирпичами свое окно во внешний мир...» Что такое?

– Кирпичи здесь не в ходу, минеер. Может быть, «заколотят досками»?

– Годится. «Тем самым сёгун лишится возможности следить за ходом прогресса в Европе, на радость русским и другим врагам, которые не сводят с Империи жадных очей. Сделайте правильный выбор – об этом умоляют вас еще не рожденные потомки, а также...» – с новой строки – «...искренне ваш, П. Г. ван Оверстратен, генерал-губернатор Ост-Индии, кавалер ордена Оранского льва» и прочие финтифлюшки, какие в голову придут. К полудню перепишите набело, в двух экземплярах – к приходу Кобаяси. На обоих поставьте подпись ван Оверстратена, по возможности похожую на подлинник. Один экземпляр запечатайте вот этим. – Ворстенбос вручает Якобу кольцо-печатку с вензелем «ООК» – Объединенной Ост-Индской компании.

Два последних приказа ввергают Якоба в изумление.

– Я должен подписать и запечатать, минеер?

– Вот вам... – Ворстенбос шарит на столе. – Образец подписи ван Оверстратена.

– Подделать подпись генерал-губернатора – это же... – Якоб сильно подозревает, что истинный ответ: «тяжкое преступление».

– Нечего кривиться, де Зут! Я бы и сам подписал, но я левша, корябаю как курица лапой, а для нашей страгемы требуется красивый росчерк. Вообразите благодарность генерал-губернатора, когда мы вернемся в Батавию с троекратно увеличенной квотой на вывоз меди! Мне, вне всякого сомнения, обеспечено место в Совете. И разве я тогда забуду своего верного секретаря? Конечно, если излишняя щепетильность... или трусость... помешает вам выполнить мою просьбу, я легко могу обратиться к господину Фишеру...

«Сначала действуй, – думает Якоб, – а терзаться будешь потом».

– Я подпишу, минеер.

– В таком случае не теряйте времени даром; Кобаяси явится через... – управляющий смотрит на часы, – сорок минут. Нужно, чтобы к тому времени воск на печати успел застыть, верно?

У Сухопутных ворот обыск уже закончен; Якоб забирается в паланкин. Петер Фишер щурится в беспощадных солнечных лучах.

– На час-другой Дэдзима ваша, господин Фишер, – сообщает ему Ворстенбос из своего начальственного паланкина. – Будьте добры вернуть ее мне в том же состоянии!

– Безусловно, – отвечает пруссак, изобразив напыщенную гримасу, словно у него пучит живот. – Безусловно.

Когда двое кули проносят мимо паланкин Якоба, Фишер провожает его неласковым взглядом.

Процессия, пройдя через Сухопутные ворота, пересекает Голландский мост.

Сейчас отлив; среди водорослей валяется дохлая собака...

...И вот уже Якоб покачивается на высоте около метра над запретной землей Японии.

Обширная квадратная площадка, усыпанная песком и мелкими камушками, пустынна, если не считать нескольких солдат. Ван Клеф говорил, что называется она «площадь Эдо» – напоминание чересчур независимым жителям Нагасаки, где на самом деле сосредоточена власть. Сбоку от площади – крепость сёгуна: каменная кладка, высокие стены и лестницы.

Через другие ворота процессия выходит на широкую тенистую улицу. Уличные торговцы расхваливают свой товар, вопят нищие, бренчат кастрюльками жестянщики, десять тысяч деревянных сандалий стучат по мостовой. Стражники покрикивают, отгоняя с дороги горожан. Якоб старается запомнить, сохранить каждое мимолетное впечатление, чтобы потом рассказать в письмах Анне, и своей сестре Гертье, и дядюшке. Из-за решетчатого окна паланкина пахнет пареным рисом, сточной канавой, благовониями, лимонами, опилками, дрожжами и гниющими водорослями. Мелькают скрюченные старушонки, рябые монахи, незамужние девушки с чернеными зубами. «Был бы у меня с собой альбом, – думает чужеземец, – и три дня за воротами, чтобы заполнить его набросками». Дети, устроившись рядком на глинобитной стене, пальцами растягивают себе веки и кричат нараспев: «*Оранда-ме, оранда-ме*»⁴. Якоб не сразу понимает, что они изображают «круглые» глаза европейцев, и ему вспоминается, как уличные мальчишки в Лондоне бежали за китайцем, делали себе глаза-щелочки и орали: «Китайса, японса, моя чесни китайса».

Толпа молящихся собралась возле храма с воротами в форме греческой буквы «π».

Вереница каменных идолов; скрученные бумажки привязаны к ветвям сливового деревца.

Уличные акробаты исполняют развеселую песенку для привлечения зрителей.

Паланкины движутся через мост над рекой, зажатой меж облицованными камнем набережными. Вода в реке воняет.

От пота чешется под мышками, в паху и под коленями; Якоб обмахивается папкой с документами.

В окно верхнего этажа выглядывает девушка; по краям кровли подвешены красные фонарики, девушка рассеянно щекочет себе шею гусиным пером. У нее тело десятилетней девочки и глаза старухи.

Над полуобвалившейся стеной вскипает пена глицинии в цвету.

Волосатый нищий, скорчившийся в луже блевотины, при ближайшем рассмотрении оказывается собакой.

Распахиваются ворота, и стражники приветствуют вплывающие во двор паланкины.

Под палящими лучами солнца тренируются двадцать воинов с пиками.

Паланкин Якоба опускают на подставку в тени под навесами.

Огава Удзаэмон открывает дверцу:

– Добро пожаловать в городскую управу, господин де Зут!

* * *

Длинная галерея заканчивается сумрачной передней.

– Здесь мы ждать, – объявляет переводчик Кобаяси, жестом предлагая усаживаться на принесенные слугами плоские подушки.

С правой стороны – ряд раздвижных дверей, украшенных изображениями полосатых бульдогов с роскошными ресницами.

– Тигры, видимо, – предполагает ван Клеф. – Там, за дверями, наша цель – Зал шестидесяти циновок.

Слева – дверь поскромнее с изображением хризантемы. Где-то в глубине дома раздается детский плач.

Впереди, поверх стен управы и раскаленных крыш, открывается вид на гавань, где в беле-сой дымке стоит на якоре «Шенандоа».

⁴ Голландские глаза (яп.).

Запах лета мешается с запахами воска и новой бумаги. Голландцы сняли обувь у входа; хорошо, что ван Клеф заранее предупредил насчет дырявых чулок. «Видел бы меня сейчас отец Анны, – думает Якоб, – на приеме у высшего должностного лица в Нагасаки». Чиновники и переводчики хранят суровое молчание.

– Доски пола устроены таким образом, что скрипят, если на них наступить, – замечает ван Клеф. – Чтобы наемные убийцы не подкрались.

– И часто в здешних краях используют наемных убийц? – спрашивает Ворстенбос.

– В наше время, наверное, не часто, но старые привычки живучи.

– Напомните мне, – говорит управляющий факторией, – почему в одном городе два градоправителя?

– Они чередуются: пока градоправитель Сирояма отправляет свои обязанности в Нагасаки, градоправитель Омацу проживает в Эдо, и наоборот. Меняются каждый год. Если один допустит промах, второй с удовольствием его изобличит. Все значительные должности в империи так поделены, чтобы не оказалось слишком много власти в одних руках.

– Должно быть, Никколо Макиавелли немногому смог бы научить сёгуна.

– Очень верно сказано, минеер. Здесь флорентинец был бы неопытным новичком.

Переводчик Кобаяси выражает неодобрение – незачем понапрасну трепать начальственные имена.

– Позвольте обратить ваше внимание, – меняет тему ван Клеф, – на древний пугач, что висит вон там, в нише.

– Боже праведный! – Ворстенбос вглядывается. – Это португальская аркебуза.

– Когда здесь впервые появились португальцы, на одном острове в провинции Сацума начали производство мушкетов. Позже сообразили, что десять крестьян с мушкетами запросто убьют десять самураев, и сёгун производство прикрыл. Попробуй какой-нибудь европейский монарх издать такой указ – можно себе представить, что с ним случилось бы...

Створка с изображением тигра отодвигается в сторону, из-за нее возникает осанистый чиновник высокого ранга с перебитым носом и подходит к Кобаяси. Переводчики низко кланяются, Кобаяси представляет Ворстенбосу чиновника, назвав его – камергер Томинэ. В голосе Томинэ та же надменность, что и в осанке.

– Господа, – переводит Кобаяси, – в Зале шестидесяти циновок вас примут градоначальник и многие советники. Нужно оказать такое почтение, как сёгуну.

– Мы окажем господину градоначальнику Сирояме такое почтение, – уверяет Ворстенбос, – какого он заслуживает.

Кобаяси это, похоже, не успокоило.

В Зале шестидесяти циновок просторно и сумрачно. Ровным прямоугольником расселись человек пятьдесят-шестьдесят чиновников, все осанистые самураи, все потеют и обмахиваются веерами. Градоправителя Сирояму можно отличить по тому, что он сидит в центре, на возвышении. Высокая должность оставила на его немолодом лице печать усталой суровости. Свет проникает в помещение из озаренного солнцем дворика с южной стороны. Там белый гравий, искореженные сосны и замшелые камни. Занавеси с восточной и западной стороны чуть покачиваются от легкого ветерка. Стражник с мясистым загривком объявляет:

– Оранда капитан! – и препровождает голландцев к трем алым подушкам внутри огороженного чиновниками прямоугольника.

Кобаяси переводит слова камергера Томинэ:

– Голландцы сейчас должны оказать уважение.

Якоб становится коленями на подушку, рядом кладет папку и отвешивает поклон. Справа от него то же самое делает ван Клеф, но, выпрямившись, Якоб замечает, что Ворстенбос остался стоять.

– Где мой стул? – спрашивает управляющий факторией, обращаясь к переводчику Кобаяси.

Вопрос вызывает тихий переполох. Ворстенбос на это и рассчитывал.

Камергер Томинэ бросает переводчику Кобаяси короткий вопрос.

– В Японии, – багровея, сообщает Ворстенбосу Кобаяси, – на полу сидеть – нет бесчестья.

– Весьма похвально, господин Кобаяси, но на стуле *удобнее*.

Кобаяси и Огава обязаны умаслить разгневанного камергера и уговорить строптивого управляющего факторией.

– Пожалуста, господин Ворстенбос, – говорит Огава. – У нас в Японии нет стульев.

– А нельзя что-нибудь этакое соорудить ради почетного гостя из дальних стран? Ты!

Чиновник, на которого указали, вздрагивает и дотрагивается до собственного носа.

– Да, ты. Принеси *десять* подушек. *Десять*. Слово «десять» понимаешь?

Чиновник ошарашенно переводит взгляд с Кобаяси на Огаву и обратно.

– Посмотри на меня! – Ворстенбос размахивает подушкой, снова бросает ее на пол и поднимает вверх десять растопыренных пальцев. – Десять подушек принеси, ну! Кобаяси, объясните этому недоделку, что мне нужно.

Камергер Томинэ требует ответов. Кобаяси объясняет, почему чужеземец отказывается преклонить колени, а Ворстенбос тем временем улыбается с выражением вселенской снисходительности.

В Зале шестидесяти циновок воцаряется мертвая тишина. Все ждут реакции градоправителя.

Долгую минуту Сирояма и Ворстенбос неотрывно смотрят друг другу в глаза.

Наконец Сирояма улыбается небрежной улыбкой победителя и кивает. Камергер хлопает в ладоши: двое слуг приносят подушки и складывают их стопкой. Ворстенбос лучится довольством.

– Обратите внимание, – говорит он своим спутникам, – вот награда за твердость! Хеммей и Даниэль Сниткер только лебезили и подрывали наш престиж. Моя задача, – Ворстенбос прихлопывает ладонью неустойчивую грудку, – вновь завоевать уважение!

Сирояма что-то говорит Кобаяси.

– Градоправитель спрашивать, – переводит тот, – удобно теперь?

– Поблагодарите его милость от моего имени. Теперь мы сидим лицом к лицу, как равные.

Насколько может понять Якоб, Кобаяси при переводе опускает последние два слова.

Сирояма, кивнув, изрекает длинную фразу.

– Он сказать, – начинает Кобаяси, – новому управляющему факторией: «Поздравляю с назначением», – а помощнику управляющего: «Добро пожаловать в Нагасаки» и «Мы рады вновь видеть вас в городской управе».

Якоб, ничтожный писарь, остается без отдельного приветствия.

– Господин градоправитель надеяться, что путешествие не слишком... утомительное и солнце не слишком жаркое для слабая голландская кожа.

– Поблагодарите господина градоправителя за беспокойство, – отвечает Ворстенбос, – но он может не волноваться: по сравнению с июльским солнцем в Батавии здешнее – просто детская игрушка.

Выслушав перевод, Сирояма кивает с таким видом, словно ему подтвердили некие давние подозрения.

– Спросите, – приказывает Ворстенбос, – как его милости понравился кофе, который я подарил.

При этом вопросе чиновники в свите градоправителя многозначительно переглядываются. Сирояма несколько мгновений обдумывает ответ.

– Господин градоправитель сказать, – переводит Огава, – «Кофе на вкус не похожий ни на что другое».

– Скажите ему: наши плантации на острове Ява могут произвести столько кофе, что хватит даже на японский бездонный желудок. Скажите: будущие поколения станут благословлять имя Сироямы – человека, который открыл для их родины этот волшебный напиток.

Огава переводит, и ему отвечают сдержанным отрицанием.

– Господин градоправитель сказать, – объясняет Кобаяси, – в Японии нету аппетита для кофе.

– Чепуха! Когда-то кофе и в Европе не знали, а сейчас в наших столицах на каждой улице имеется кофейня, да не одна, а десять! Немалые деньги на этом зарабатывают.

Сирояма, не дав Огаве перевести, подчеркнуто меняет тему.

– Господин градоправитель выражать сочувствие, – излагает Кобаяси, – о крушении «Октавии» на обратном пути от нас, прошлой зимой.

– Скажите ему, – отвечает Ворстенбос, – любопытно, что речь зашла о тяготах, какие переносит наша многоуважаемая Компания в своем стремлении способствовать процветанию Нагасаки...

Огава чувствует подводные камни, которых не обойти при переводе, но деваться некуда.

Лицо градоправителя выражает понимающее «О!».

– У меня с собой циркуляр от генерал-губернатора – неотложной важности, как раз по этому вопросу.

Огава обращается за помощью к Якобу:

– Что есть «циркуляр»?

– Письмо, – вполголоса отвечает Якоб. – Официальное сообщение.

Огава переводит слова управляющего. Сирояма жестом показывает: «Давайте».

Ворстенбос со своей подушечной башни кивает секретарю.

Якоб развязывает тесемки на папке и двумя руками подает камергеру свежесфальсифицированное письмо его превосходительства П. Г. ван Оверстратена.

Камергер Томинэ кладет конверт перед своим суровым господином.

Все чиновники в зале с неприкрытым любопытством наблюдают за происходящим.

– Итак, господин Кобаяси, – начинает Ворстенбос, – нужно предупредить этих милых господ, и даже самого господина градоправителя, что наш генерал-губернатор шлет им ультиматум.

Кобаяси косится на Огаву, и тот спрашивает:

– Что такое ультим...

– Ультиматум, – говорит ван Клеф. – Требование; угроза; строгое предупреждение.

Кобаяси качает головой:

– Очень плохое время для строгое предупреждение.

– Однако градоправитель Сирояма должен узнать как можно скорее, – опасно-вкрадчиво отвечает управляющий Ворстенбос, – что фактория на Дэдзиме будет ликвидирована сразу по окончании нынешнего торгового сезона, если только Эдо не даст нам квоту на двадцать тысяч пикулей.

– «Ликвидировать», – поясняет ван Клеф, – значит «прекратить», «закрыть», «уничтожить».

У обоих переводчиков кровь отливает от лица.

Якоб внутренне корчится от сочувствия к Огаве.

– Пожалуста, господин... – У Огавы, кажется, горло перехватило. – Не такое известие, не здесь, не сейчас...

Камергер Томинэ в нетерпении требует перевода.

– Лучше не заставляйте его милость ждать, – говорит Ворстенбос, обращаясь к Кобаяси.

Тот, запинаясь, излагает ужасающую новость.

Со всех сторон сыплются вопросы, но ответов никто не смог бы услышать, даже если бы Кобаяси и Огава рискнули ответить. Среди общего гвалта Якоб вдруг замечает человека, что сидит по левую руку от градоправителя, через три места. Лицо его отчего-то тревожит секретаря. Возраст угадать невозможно, бритая голова и синее одеяние заставляют предположить в нем монаха или даже настоятеля. Плотные сжатые губы, высокие скулы, крючковатый нос, в глазах – беспощадный ум. Якоб не в силах уклониться от этого взора, как не может книга по собственной воле помешать, чтобы ее прочитали. Молчаливый наблюдатель склоняет голову к плечу, словно охотничий пес, почуявший добычу.

V. Пакгауз Дорн на Дэдзиме Послеобеденный час, 1 августа 1799 г.

Рычаги и шестеренки Времени сбоят от жары. В горячих влажных сумерках Якоб почти слышит, как сахар в ящиках, шипя, спекается комками. В день аукциона они пойдут за гроши торговцам пряностями, а иначе – вернуться в трюмы «Шенандоа» и осядут мертвым грузом в пакгаузах Батавии. Секретарь залпом приканчивает чашку зеленого чая. От горького осадка пробирает дрожь и головная боль усиливается, зато соображается лучше.

Хандзабуро прикорнул на ложе из ящиков с гвоздикой, накрытых мешковиной.

От его ноздри к выпирающему кадыку тянется липкий след, похожий на след слизи.

Скрипу пера по бумаге вторит очень похожий звук с потолочной балки.

Ритмичное царапанье вскоре заглушает еле слышное повторяющееся попискивание, словно визг крошечной пилы.

«Самец крысы залез на свою самку», – догадывается Якоб.

И его окутывают воспоминания о женском теле.

Этими воспоминаниями он совсем не гордится и никогда о них не говорит...

«Такие мои мысли, – думает Якоб, – бесчестят Анну».

...Но образы не отступают и сгущают кровь подобно корню маранты.

«Сосредоточься, осел, – приказывает себе секретарь. – Думай о работе...»

С усилием он возвращается к погоне за полусотней рейхсталеров, которые затерялись в чащобе поддельных квитанций, найденных в сапоге Даниэля Сниткера. Якоб пробует налить себе еще чаю, но чайник пуст.

– Хандзабуро? – зовет Якоб.

Слуга и не думает пошевелиться. Похотливые крысы затихли.

– *Хай!* – Спустя долгие мгновения слуга подскакивает на своей лежанке. – Господин Дадзудо?

Якоб приподнимает чашку в чернильных пятнах.

– Хандзабуро, принеси, пожалуйста, еще чаю.

Хандзабуро щурится и трет затылок.

– *Ха?*

– Еще чаю, пожалуйста. – Якоб взмахивает чайником. – *О-тя.*

Хандзабуро со вздохом встает, берет чайник и плетется прочь.

Якоб принимается чинить перо и тут же начинает клевать носом...

...Посреди Костяного переулка в ослепительном сиянии проступает силуэт – горбатый карлик.

В его волосатой руке зажата дубина... Нет, окровавленный окорок на косточке.

Якоб поднимает отяжелевшую голову. Шея затекла, в ней что-то хрустнуло.

Горбун входит в двери пакгауза, неясно бурча и шаркая ногами.

Окорок на самом деле не окорок, а отрезанная часть человеческой ноги со щиколоткой и ступней.

Да и горбун не горбун, а Уильям Питт, ручная обезьяна.

Якоб резко вскакивает и стучается коленом. От боли темнеет в глазах.

Уильям Питт взлетает на груды ящиков, не выпуская из лап свою жуткую добычу.

– Господь всемогущий! – Якоб потирает коленку. – Где ты это взял?

Ответом ему – только ровное, спокойное дыхание моря...

...И тут Якоб вспоминает: вчера доктора Маринуса вызвали на «Шенандоа»; матросу-эстонцу раздавило ногу упавшим ящиком. В японском августовском климате гангрена

распространяется быстрее, чем прокисает молоко. Доктор назначил ампутацию и проводить ее собирался сегодня, у себя в больничке, в присутствии четырех студентов и еще каких-то местных высокоученых медиков. Должно быть, Уильям Питт пробрался туда и стащил ногу, хоть это и кажется невероятным; иначе не объяснишь.

Входит еще кто-то и останавливается на пороге, ненадолго ослепнув в темноте пакгауза. Грудь незнакомца вздымается от быстрого бега, поверх синего кимоно – грубый фартук в темных пятнах, из-под платка, скрывающего правую сторону лица, выбились несколько прядей. Незнакомец делает шаг вперед, оказываясь в луче света из окошка под самым потолком, и становится видно, что это – девушка.

Женщинам через Сухопутные ворота вход заказан; исключение делается только для прачек и нескольких «тетушек», что прислуживают переводчикам, а кроме того – для проституток, приходящих на одну ночь, да еще для «жен» – те живут подолгу в домах старших служащих. Эти дорогостоящие куртизанки держат при себе прислужниц; Якоб предполагает, что перед ним как раз такая прислужница. Не сумела отнять у Питта отрезанную ногу и в погоне за обезьяной прибежала в пакгауз.

Она замечает рыжего зеленоглазого чужестранца и тихо, испуганно ахает.

– Барышня, – умоляюще произносит Якоб по-голландски, – я... я... пожалуйста, не тревожьтесь... я...

Девушка присматривается и решает, что он не представляет серьезной угрозы.

– Скверная обезьяна, – говорит, успокаиваясь. – Воровать ногу.

Якоб сперва кивает и только потом спохватывается:

– Вы говорите по-голландски?

Она пожимает плечами: «Немного». Вслух говорит:

– Скверная обезьяна – сюда приходить?

– Да-да, косматый бес вон там. – Якоб показывает вверх. Рисуясь перед девушкой, подходит к грудке ящиков. – Уильям Питт, отдай ногу! Дай сюда, я сказал!

Обезьяна откладывает ногу в сторону и, ухватив себя за желтовато-розовый пенис, дергает, будто безумный арфист за струны. При этом тварь скалится и хрипло хихикает.

Якоб опасается за скромность своей гостыи, но та лишь отворачивается, скрывая смех. От этого движения становится виден ожог, покрывающий почти всю левую половину лица. Темное неровное пятно бросается в глаза, особенно вблизи. «Как может девушка с таким уродством работать прислужницей куртизанки?» – удивляется Якоб и слишком поздно понимает, что она заметила, как он на нее уставился. Она сдвигает платок и нарочно поворачивается к Якобу щекой, словно говоря: «На, любуйся!»

– Я... – лепечет Якоб, сгорая от стыда. – Простите мою грубость, барышня...

Поняла ли она? Якоб на всякий случай склоняется в глубоком поклоне, распрямляясь на счет «пять».

Девушка поправляет платок и, не глядя на Якоба, что-то говорит по-японски нараспев, обращаясь к Уильяму Питту.

Воришка тискает ногу в объятиях, словно бездетная мать, прижимающая к груди куклу.

Якоб, стремясь реабилитироваться, подходит к башне из ящиков. Запрыгивает на ящик у подножия.

– Слушай, ты, блохастое ничтожество...

Щеку обжигает горячая струя, от которой пахнет ростбифом.

В попытке увернуться Якоб теряет равновесие...

...И с грохотом рушится вверх тормашками на земляной пол.

«Чтобы испытывать унижение, – думает Якоб, когда боль немного отступает, – нужно, чтобы сохранились хоть какие-то остатки гордости...»

Девушка прислонилась к импровизированному лежбищу Хандзабуру.

«...Но о какой гордости может идти речь, после того как меня обоссал Уильям Питт». Незнакомка утирает глаза, вздрагивая от почти беззвучного смеха.

«Анна смеется так же, – думает Якоб. – Анна смеется точно так же».

– Простите! – Она глубоко вздыхает, губы чуть-чуть кривятся. – Простите мою... глупость?

– «Грубость». – Якоб подходит к ведру с водой. – Через «эр».

– «Грубость», – повторяет она. – Через «эр». Совсем нет смешно.

Якоб ополаскивает лицо, но чтобы отмыть от обезьяньей мочи свою вторую по качеству сорочку, ее сперва нужно снять, а об этом не может быть и речи.

– Хотите... – Она вытаскивает из кармашка в рукаве сложенный веер и, пристроив его на ящике сахара-сырца, извлекает следом листок бумаги. – Вытираться?

– Вы очень добры. – Якоб берет листок, утирает лоб и щеки.

– Поменяться с обезьяна, – предлагает девушка. – Какой-то вещь за нога.

Якоб не может не признать, что это здравая мысль.

– Зверюга обожает табак.

– Та-ба-ко? – Девушка решительно хлопает в ладоши. – У вас есть?

Якоб протягивает ей кожаный кисет с остатками яванского листового табака.

Она подцепляет кисет на швабру и поднимает вверх, к самому насесту Уильяма Питта.

Обезьяна тянется к приманке. Девушка отводит швабру в сторону, продолжая тихонько уговаривать...

...и наконец Уильям Питт, выпустив ногу из лап, хватает новую добычу.

Ампутированная конечность со стуком валится на землю, прямо к ногам девушки. Та, метнув победный взгляд на Якоба, отбрасывает швабру и поднимает жуткий приз будничным жестом, каким крестьянка подбирает репу на огороде. В кровавых ножнах из плоти торчит отпиленная кость, пальцы грязные. Сверху доносится дребезжание: Уильям Питт сбежал через окно и поскакал по крышам вдоль Длинной улицы.

– Табак пропадать, господин, – говорит девушка. – Простите, пожалуйста.

– Ничего страшного, барышня. Зато ваша нога у вас. То есть не ваша, конечно...

В Костяном переулке раздаются громкие голоса, кто-то выкрикивает вопросы и ответы.

Якоб и его гостя пятятся в разные стороны.

– Простите, барышня... Вы – прислужница куртизанки?

Та озадачена:

– Пури-су-лу-жи-ни-ца-ку-ро-ти-зан-ки? Что это?

– Это... это... – Якоб ищет слово попроще. – Помощница... проститутки...

Девушка обертывает ногу куском ткани.

– Зачем утке помощница?

В дверях появляется стражник. Видит голландца, девушку и утерянную ногу, ухмыляется, что-то кричит через плечо, и вмиг из переулка прибегают еще стражники, чиновники, за ними следует помощник управляющего ван Клеф. Вальняжной походкой приближается комендант Дэдзимы по имени Косуги. К собравшемуся обществу присоединяются помощник Маринуса Элатту – его фартук заляпан кровью, как и у девушки с обожженным лицом; Ари Гроде и японский торговец с бегающими глазками; несколько высокоученых медиков и Кон Туми, который держит в руках плотницкую линейку и спрашивает Якоба по-английски:

– Слушайте, чем это от вас так зверски воняет?

Якоб спохватывается, что на столе, у всех на виду, лежит наполовину восстановленная бухгалтерская книга. Пока он торопливо прячет ее, появляются еще четверо молодых людей с бритыми головами, как положено студентам-медикам, и в таких же фартуках, как девушка с ожогом. Они тут же засыпают ее вопросами. Должно быть, это «студиозусы», по выражению доктора Маринуса. Девушка рассказывает захватывающую историю, показывает на груду ящи-

ков, где спасался от преследования Уильям Питт, потом на Якоба – тот краснеет, когда двадцать или тридцать человек поворачивают к нему голову. Девушка говорит по-японски со спокойной уверенностью. Секретарь ждет взрыва хохота после эпизода с писающей обезьяной, но девушка, видимо, его пропустила. Под конец слушатели одобрительно кивают, и Туми уносит ногу, чтобы снять с нее мерку для деревянного протеза.

– Я все видел! – Ван Клеф вдруг хватается стражника за рукав. – Проклятый ворюга!

По полу рассыпаются дождем ярко-красные ядрышки мускатного ореха.

– Барт! Фишер! Немедленно выпроводить этих разбойников из пакгауза!

Помощник управляющего ван Клеф машет руками в сторону двери, покрикивая:

– Вон отсюда! Пошли вон! Гроте, обыскивай каждого, кто покажется подозрительным! Да-да, точно так же, как они нас обыскивали. Де Зут, присматривайте за товарами, не то им живо ноги приделают.

Якоб влезает на ящик, чтобы удобней было наблюдать за покидающими дом гостями.

Девушка с ожогом выходит в залитый солнцем переулок, поддерживая дряхлого ученого.

Неожиданно оборачивается и машет рукой.

Обрадованный таким знаком внимания, Якоб машет ей в ответ.

И вдруг понимает: «Нет, она просто заслонила глаза от солнца»...

Зевая, входит Хандзабуро с чайничком в руках.

«Ты даже имени ее не спросил! – спохватывается писарь. – Якоб Тупая Башка».

На ящике сахара-сырца лежит забытый веер.

Последним уходит мрачный как туча ван Клеф, отпихнув с дороги Хандзабуро, так и застывшего в дверях с чайником.

– Какой вещь случиться? – спрашивает Хандзабуро.

* * *

К полуночи столовая управляющего полна дыма от курительных трубок. Слуги Купидон и Филандер играют «Яблоки Дельфты» на флейте и виоле да гамба.

– Да, господин Гото, президент Адамс – наш сёгун. – Капитан Лейси стряхивает с усов крошки от пирога. – Но он был *избран* американским народом. В этом суть демократии.

Пятеро переводчиков настороженно переглядываются – Якобу уже хорошо знакомо это выражение лица.

– Высокие лорды *et cetera*⁵, – пытается прояснить Огава, – *выбирать* президента?

– Нет, не лорды. – Лейси ковыряет в зубах. – Граждане. Каждый из них.

– Даже... – взгляд переводчика Гото падает на Кона Туми, – плотник?

– И плотник. – Лейси рыгает. – Сапожник, портной...

– Рабы Вашингтона и Джефферсона тоже голосуют? – спрашивает Маринус.

– Нет, доктор, – усмехается Лейси. – Так же как их лошади, волю, пчелы и женщины.

«Но какая гейша или майко, – думает тем временем Якоб, – станет отнимать у обезьяны отрезанную человеческую ногу?»

– Что, если люди ошибаться, – спрашивает Гото, – и выбирать плохой человек в президенты?

– Через четыре года, самое большее, будут новые выборы и президента сменят.

– Старый президент казнить? – Переводчик Хори от рома такой красный, что практически бурый.

– Не казнят, – отвечает Туми. – Просто выберут другого.

⁵ И так далее (*лат.*).

– Уж конечно это лучше, – Лейси подставляет стакан, и раб ван Клефа по имени Вех заново его наполняет, – чем ждать, пока смерть избавит вас от развращенного, глупого или безумного сёгуна?

Переводчики беспокойно переглядываются; согладаясь не хватит познаний в голландском языке, чтобы понять изменнические речи капитана Лейси, но кто поручится, что один из четверых не состоит у градоправителя на жалованье и не донесет на своих коллег?

– Я думаю, демократия, – говорит Гото, – это цветок, который не цветет в Японии.

– Азиатская почва, – соглашается с ним переводчик Хори, – не подходит для европейских и американский цветы.

– Господин Вашингтон, господин Адамс... – Переводчик Ивасэ переводит разговор на другое. – Они королевской крови?

– Наша революция, в которой я тоже сыграл свою роль, еще до того, как брюхо отрастил, – капитан Лейси щелкает пальцами, приказывая рабу Игнацию принести плевательницу, – как раз и затевалась, чтобы *очистить* Америку от всякой там королевской крови. – Он отправляет в подставленную емкость плевков, длинный, словно дракон. – Бывает, великий человек, такой как генерал Вашингтон, способен возглавить страну, но кто сказал, что и дети унаследуют его лидерские качества? Королевские семьи вырождаются, у них куда больше никчемных недоумков, этаких, можно сказать, «королей Георгов», чем среди тех, кто своими силами карабкается к вершине, используя Богом данные способности.

И шепотом, по-английски, в сторону тайного здесь подданного британской монархии:

– Без обид, мистер Туми.

– Да уж кто-кто, а я-то не в обиде, – хмыкает ирландец.

Купидон и Филандер играют «Семь белых роз для милой моей».

Пьяный Барт роняет голову в тарелку с фасолью.

«Интересно, что она чувствует, если коснуться ожога? – размышляет Якоб. – Тепло, холод или онемение?»

Маринус берется за трость:

– Прошу общество меня извинить: я оставил Элатту обрабатывать берцовую кость эстонца. Как бы он там без пригляда всю комнату вытопленным жиром не залил, так что с потолка будет капать. Господин Ворстенбос, мое почтение...

Доктор кланяется переводчикам и прихрамывая уходит.

– А скажите, – масляно улыбается капитан Лейси, – по японским законам разрешена полигамия?

– Что есть по-ри-га-ми? – Хори набивает трубку. – Почему нужно разрешать?

– Объясните вы, господин де Зут, – предлагает ван Клеф. – Вы в словах сильны.

– Полигамия – это... – Якоб задумывается. – Один муж, много жен.

– А! О! – Хори ухмыляется, его коллеги кивают. – Полигамия!

– У последователей Магомета дозволяется иметь четыре жены. – Капитан Лейси подбрасывает в воздух ядрышко миндального ореха и ловит его ртом. – Китайцы могут семь жен под одной крышей собрать. А сколько японцу можно держать в своей частной коллекции?

– Во всех странах одно, – говорит Хори. – Япония, Голландия, Китай – везде одно. Я скажу почему. Каждый мужчин жениться первая жена. Он... – Хори, ослабившись, изображает непристойный жест при помощи кулака и пальца. – Пока она... – Он очерчивает руками в воздухе беременный живот. – Да? Потом каждый мужчин берет столько жена, сколько позволять его кошелек. Капитан Лейси хочет держать местная жена на Дэдзима весь торговый сезон, как господин Сниткер и господин ван Клеф?

– Я бы лучше... – Лейси прикусывает большой палец, – посетил знаменитый район Мура-яма.

– Господин Хеммей, – вспоминает переводчик Ёнэкидзу, – когда устраивать у себя пир, заказывать куртизанок.

– Господин Хеммей, – зловеще отзывается Ворстенбос, – позволял себе много разных удовольствий за счет Компании, как и мистер Сниткер. Поэтому последний сегодня грызет на обед сухари, в то время как мы наслаждаемся трапезой, какая положена честным труженикам.

Якоб косится на Иво Оста; тот отвечает хмурым взглядом.

Барт поднимает голову; лицо его заляпано фасолью.

– Но сударь, на самом деле она не моя тетка!

Хихикает, как школьница, и падает со стула.

– Предлагаю тост! – объявляет ван Клеф. – За отсутствующих здесь дам!

Участники застолья подливают друг другу в стаканы.

– За отсутствующих здесь дам!

– И особенно, – пыхтит Хори – джин обжигает ему нутро, – за нашего господина Огаву! Господин Огава в этот год взять себе красавица-жена. – Локоть Хори измазан муссом из ревения. – Каждый ночь... – Он показывает жестами лихую скачку. – Во весь опор – три, четыре, пять раз!

Раздается громовой хохот. Огава слабо улыбается.

– Вы предлагаете голодному пить за здоровье обжоры, – возражает Герритсзон.

– Господин Герритсзон хотеть девушка? – Хори – воплощенная заботливость. – Мой слуга приводить. Сказать, какая надо. Толстая? Узкая? Тигрица? Котенок? Ласковая сестра?

– Мы бы все не отказались от ласковой сестрицы, – вздыхает Ари Гроте, – да где денег взять? Сколько с тебя сдерут за то, чтобы разок покувыркаться с девкой из Нагасаки, это ж можно в Сиаме целый бордель купить. Господин Ворстенбос, а нельзя ли какую субсидию на этот счет организовать от Компании? Пожалейте беднягу Оста: если брать официальное жалование, ему на это женское утешение год горбатиться.

– Воздержание никому еще не вредило, – отвечает Ворстенбос.

– Но господин управляющий, если здоровый мужчина не дает выход своим, э-э... естественным потребностям, это может его толкнуть в объятия порока!

– Господин Гроте, вы скучать без своя жена, – спрашивает Хори, – которая там, в Голландии?

– «К югу от Гибралтара, – цитирует капитан Лейси, – все мужчины – холостяки».

– Вот только Нагасаки, – замечает Фишер, – значительно *севернее* Гибралтара.

– Гроте, – говорит Ворстенбос, – а я и не знал, что вы женаты.

– Да он не любит об этом говорить, – поясняет Ауэханд.

– Тупая коровица с Западной Фрисландии. – Повар облизывает потемневшие зубы. – Я, господин Хори, только и вспоминаю о ней, когда молюсь, чтоб турки устроили набег на их деревню и умыкнули эту гадину.

– Если жена не по нраву, – спрашивает переводчик Ёнэкидзу, – почему не развестись?

– Легче сказать, чем сделать, – вздыхает Гроте, – в так называемых христианских странах.

– Тогда, – Хори кашляет, поперхнувшись табачным дымом, – зачем жениться?

– О-о, господин Хори, это долгая и грустная повесть, вам будет неинтересно...

– В свой прошлый приезд домой, – любезно начинает Ауэханд, – господин Гроте стал ухаживать за юной наследницей, проживающей в солидном особняке на Ромоленстрат. Девушка рассказывала, что ее папенька, будучи слабого здоровья и не имея наследников мужского пола, мечтает передать ферму в надежные руки зятя; при этом она горько жаловалась – дескать, разные прощелыги выдают себя за достойных женихов, а сами – голь перекатная. Господин Гроте согласился с тем, что море Брачных игр кишит хищными акулами, в то же время сетуя, что

к молодому *parveni*⁶ из колоний относятся с предубеждением, будто ежегодный доход с плантаций на Суматре отчего-то хуже наследных денег в старой доброй Голландии. Через неделю голубков поженили. Наутро после свадьбы хозяин таверны выставил им счет, и тут каждый из них говорит супругу: «Заплати по счету, радость души моей». Но к их неподдельному ужасу, ни тот ни другая сделать этого не смогли, поскольку и жених, и невеста потратили последние гроши, чтобы добиться брака! Плантации на Суматре мигом испарились, дом на Ромоленстрат превратился в декорацию, хитроумно подготовленную соучастником заговора, а болезненный тесть оказался здоровяком-грузчиком...

Капитан Лейси оглушительно рыгает.

– Прошу прощения! Это, видать, фаршированные яйца действуют...

– Господин ван Клеф? – спрашивает Гото с тревогой. – Турки делать набеги в Голландия? Этого нет в последняя сводка новостей *фусэцуки*.

– Господин Гроте пошутил. – Ван Клеф стряхивает крошки с салфетки.

– Пошутил? – Старательный молодой переводчик моргает и хмурит брови. – Пошутил...

Купидон и Филандер наигрывают изысканно-томную мелодию Боккерини.

– Грустно думать, – печалится Ворстенбос, – что, если власти в Эдо не повысят квоту на медь, в этих комнатах навеки воцарится тишина.

Ёнэкидзу и Хори морщатся; Гото и Огава сохраняют неподвижные физиономии.

Голландцы почти все уже спрашивали Якоба, не блеф ли тот необыкновенный ультиматум. Он всем отвечал – пусть обращаются к управляющему, прекрасно зная, что ни один не рискнет. Многие потеряли свой личный груз за прошлый сезон, когда «Октавия» пошла ко дну, и теперь им предстоит вернуться в Батавию беднее, чем были вначале.

– Что за странная девица, – ван Клеф выжимает лимон в кубок венецианского стекла, – мелькала там, в пакгаузе?

– Барышня Аибагава, – отвечает Гото. – Дочка ученого доктора.

«Аибагава. – Якоб мысленно повторяет по слогам. – Аи-ба-га-ва...»

– Градоправитель давать разрешение, – дополняет Ивасэ, – учиться у голландский доктор.

«А я ее обозвал помощницей продажной женщины», – содрогается Якоб.

– Что за странная Локуста, – говорит Фишер. – В хирургической как дома!

– Прекрасный пол не меньше безобразного одарен силой духа, – возражает Якоб.

– Господин де Зут, вам бы книжки писать! – Пруссак задумчиво ковыряет в носу. – Ваши блестящие эпиграммы непременно публиковать надо.

– Барышня Аибагава – акушерка, – сообщает Огава. – Она привыкла к виду крови.

– А я думал, – вмешивается Ворстенбос, – женщине запрещено находиться на Дэдзиме, если только она не куртизанка, помощница оной или старая карга из тех, что прислуживают переводчикам.

– Запрещено, – с возмущением подтверждает Ёнэкидзу. – Никогда не бывало.

– Барышня Аибагава, – вновь подает голос Огава, – много трудиться как акушерка, помогать и богатым господам, и беднякам, кто не мог платить. Недавно она принимать сын градоправителя Сироямы. Трудные роды, другие доктора отказаться, а она постараться и сохранить жизнь ребенку. Градоправитель Сирояма очень радостен. Подарить барышне Аибагава исполнение один желаний. Ее желаний – учиться на Дэдзиме у доктор Маринус. Градоправитель сдержать слово.

– Чтобы женщин учиться в госпитале... – изрекает Ёнэкидзу. – Не хорошо.

⁶ Выскочка (*фр.*).

– Между прочим, таз для крови она держала твердой рукой, – замечает Кон Туми. – С доктором говорила на хорошем голландском и гонялась за обезьяной, пока студенты-мужчины страдали морской болезнью.

«Хочется задать дюжину вопросов, – думает Якоб. – Если бы я только посмел... Дюжину дюжин».

– А не слишком ли присутствие девушки, – спрашивает Ауэханд, – будоражит юношей... в неудобьсказуемых местах?

– Не в тех случаях, – Фишер покачивает джин в стакане, – когда у нее на лице шматок бифштекса прилеплен.

– Господин Фишер, так говорить неучтиво, – вспыхивает Якоб. – Эти слова не делают вам чести.

– Не притворяться же, будто этого нету, де Зут! В моем родном городе такую называли бы «тросточкой слепца»; только незрячий вздумает ее коснуться.

Якоб представляет себе, как расквашивает пруссаку лицо кувшином дельфтского фарфора.

Свеча кренится на сторону; воск стекает по подсвечнику, застывая каплями.

– Я уверен, – произносит Огава, – когда-нибудь барышня Аибагава выйдет замуж на радость.

– Знаете, какое самое верное лекарство от любви? – спрашивает Гроте. – Свадьба – вот какое!

Мотылек, беспорядочно взмахивая крыльями, стремится в пламя свечи.

– Бедолага Икар! – Ауэханд прихлопывает его кружкой. – Ничему-то ты не учишься...

* * *

Ночные насекомые трещат, звенят, хлопочут; зудят, свербят, стрекочут.

Хандзабуро храпит в каморке рядом с дверью в комнату Якоба.

Якоб лежит без сна под сеткой от комаров, одетый в одну лишь простыню.

Аи, губы приоткрываются; *ба*, смыкаются вновь; *га*, у корня языка; *ва*, нижняя губа прикушена.

В который уже раз он заново переживает сцену в пакгаузе.

Ежится, понимая, что выставил себя настоящим чурбаном, и тщетно пытается переписать пьесу по-другому.

Раскрывает забытый ею веер. Обмахивается.

Белая бумага. Ручка и боковые планки – из древесины павлонии.

Где-то стучит колотушка стражника, отмечая время по японскому счету часов.

Блеклая Луна попала в клетку полуяпонского-полуголландского окошка...

...Лунный свет плавится в стеклянных квадратах окна, а процеженный сквозь бумажные – рассыпается меловой пылью.

Скоро, должно быть, рассвет. В пакгаузе Дорн ждут бухгалтерские книги за 1796 год.

«Анна, я люблю Анну, – твердит мысленно Якоб, – а милая Анна любит меня».

Он потеет, уже покрытый тонкой пленкой пота. Простыни влажные.

«Барышня Аибагава недостижима, ее нельзя коснуться, она как девушка на портрете...»

Ему чудятся звуки клавесина.

«...Когда смотришь на нее в замочную скважину уединенного домика, на который наткнулся случайно и никогда в жизни больше не увидишь...»

Мелодия хрупка и эфемерна, соткана из стекла и звездного света.

Якобу она не мерещится: это доктор играет у себя в длинной узкой комнате на чердаке. Ночная тишина и причуды слышимости сделали Якобу такой подарок: Маринус на все просьбы

сыграть отвечает отказом, даже если просят друзья-ученые или высокопоставленные гости Дэд-зимы.

Музыка пробуждает сердечную тоску, музыка приносит утешение.

«Уму непостижимо, – думает Якоб, – такой зануда, и так божественно играет».

Ночные насекомые трещат, звенят, хлопочут; зудят, свербят, стрекочут...

VI. Комната Якоба в Высоком доме на Дэдзиме

Раннее утро 10 августа 1799 г.

Рассвет сочится кровью сквозь частый оконный переплет; Якоб странствует по архипелагу ярких пятен на низком дощатом потолке. На улице рабы д'Орсэ с Игнацием задают корм скотине и болтают между делом. Якоб вспоминает, как незадолго до его отъезда праздновали день рождения Анны. Ее отец пригласил полдюжины весьма завидных женихов. Гостям подали столь изысканное угощение, что курицу на вкус можно было принять за рыбу, а рыбу – за курицу. Глава семьи провозгласил иронический тост: «За успех Якоба де Зута, купеческого принца Обеих Индий!» Анна вознаградила Якоба улыбкой за терпение; пальчики девушки погладили ожерелье из шведского белого янтаря, которое Якоб ей привез из Гётеборга.

На дальнем краю мира Якоб вздыхает с печалью и тоской.

Вдруг слышится крик Хандзабуро:

– Господин Дадзуту надо что?

– Ничего не нужно. Совсем рано, Хандзабуро, можешь еще поспать. – Якоб показывает, что храпит.

– Копать? Надо копать? А-а, *супати*! Да-да... *Супати*, это я люблю!

Якоб встает, отпивает воды из щербатого кувшина, потом взбивает мыльную пену.

Из рябого зеркала на него смотрят зеленые глаза, чуть ниже – россыпь веснушек.

Тупое лезвие бритвы скребет по щетине, цепляет ямочку на подбородке.

Капелька крови, алая, как тюльпаны, смешивается с мылом, и пена становится розовой.

Не отрастить ли бороду, с ней хлопот меньше...

...Но тут Якоб вспоминает слова сестрицы Гертье, когда он вернулся из Англии с усами: «Ой, братец, ты их в ваксу обмакни – и можно башмаки чистить!»

Он трогает свой нос, недавно подправленный презренным Сниткером.

Шрамик возле уха – памятка о том, как его укусила собака.

«Когда мужчина бреется, – думает Якоб, – он перечитывает свои самые подлинные мемуары».

Он проводит пальцем по губам, вспоминая утро своего отплытия. Анна уговорила отца отвезти их в Роттердамскую гавань в своем экипаже.

– Три минуты, – сказал тот Якобу, вылезая из кареты, чтобы поговорить со своим старшим клерком. – И ни мгновением больше!

Анна заранее продумала, что сказать.

– Пять лет – долгий срок, но многие женщины целую жизнь ищут, пока не найдут доброго и честного человека.

Якоб хотел что-то ответить, но Анна знаком остановила его.

– Я знаю, как ведут себя мужчины за морем. Наверное, иначе нельзя. Молчите, Якоб де Зут! Поэтому я прошу только об одном: смотрите, чтобы там, на Яве, ваше сердце осталось моим и только моим. Я не стану дарить вам колечко или медальон – их можно потерять, зато вот это не потеряется...

Анна поцеловала его – в первый и последний раз. Это был долгий печальный поцелуй. Они смотрели в залитое дождем окно на корабли и слюдяное серое море, пока не настала пора подниматься на корабль...

Бритье окончено. Якоб промокает лицо полотенцем, одевается, берет яблоко и обтирает его о рукав.

«Барышня Аибагава, – он вгрызается в яблоко, – ученица врача, а никакая не куртизанка...»

За окном д'Орсэ поливает грядки с фасолью.

«...В здешних краях невозможны тайные свидания и тем более – тайный роман».

Он доедает яблоко вместе с сердцевинкой и сплевывает зернышки, подставив тыльную сторону ладони.

«Я просто хочу с ней поговорить, – уверяет себя Якоб, – узнать ее чуть лучше».

Он снимает с шеи ключ на цепочке, отпирает сундук.

«Дружба между мужчиной и женщиной возможна; вот как у нас с сестрой».

Предприимчивая муха жужжит над мочой в ночном горшке.

Якоб разгребает вещи в сундуке, почти до Псалтири, и находит книгу в тяжелом переплете. Отстегнув ремешки, разглядывает первую страницу чарующей сонаты.

Нотные знаки свисают виноградными гроздьями.

Для Якоба умение читать музыку с листа ограничивается сборником гимнов.

«Может быть, сегодня у меня получится заново навести мосты к доктору Маринусу...»

Якоб отправляется на короткую прогулку по Дэдзиме – здесь все прогулки короткие, – на ходу продумывая свой план и оттачивая заготовленные фразы. На крыше Садового дома сварливо галдят чайки и вороны.

В саду отцветают кремовые розы и алые лилии.

У Сухопутных ворот собрались поставщики с очередной партией хлеба.

На площади Флага, на ступенях Дозорной башни сидит Петер Фишер.

– Де Зут! – окликает он. – Утром час потеряешь, потом весь день ищи – не найдешь!

В окне второго этажа нынешняя «жена» ван Клефа расчесывает волосы.

Она улыбается Якобу. Рядом появляется Мельхиор ван Клеф; грудь у него волосатая, как у медведя.

– Ибо сказано, – кричит он на всю улицу, – не обмакивай перо свое в чернильницу ближнего своего!

И задвигает *сёдзи*, не дав Якобу времени заверить его в своей невинности.

Около Гильдии переводчиков сидят в теньке носильщики паланкина. Пристроились на корточках и провожают глазами рыжего иностранца.

Сидящий на Морской Стене Уильям Питт любит облаками, похожими на китовые ребра.

Когда Якоб проходит мимо кухни, Ари Гроте говорит:

– Вы, господин де Зут, в этой плетеной шляпе похожи на китайца. А вы подумали насчет...

– Нет, – говорит писарь, не останавливаясь.

Комендант Косуги кивает Якобу, стоя возле своего домика на улице Морской Стены.

Иво Ост и Вейбо Герритсзон молча перебрасываются мячом.

– Гав-гав! – кричит кто-то из них, когда Якоб проходит мимо; тот делает вид, что не слышал.

Под сосной курят трубку Кон Туми и Понке Ауэханд.

– В столице какой-то важный начальник помер, – шмыгает носом Ауэханд. – Так на два дня музыку запретили и молотком стучать нельзя. Работа встала, не только у нас, а во всей империи. Ван Клеф клянется, что это нарочно подстроено, дабы пакгауз Лели подольше не восстанавливали и мы спешили бы продать товары за любую цену...

«Никакой план я не продумываю, – признается сам себе Якоб. – Просто трушу...»

Доктор Маринус растянулся на операционном столе и с закрытыми глазами напевает про себя какую-то барочную мелодию.

Элатту с почти женской бережностью расчесывает ему бакенбарды, умачивая их душистым маслом.

От миски с горячей водой поднимается пар; свет дрожит на бритвенном лезвии.
На полу тукан клюет бобовые зерна с оловянного блюдечка.

В глиняной миске горкой лежат словно запотевшие темно-синие сливы.

Элатту вполголоса на малайском наречии объявляет о приходе Якоба.

Маринус недовольно приоткрывает один глаз.

– Что?

– Я хотел бы с вами побеседовать об... одном деле.

– Элатту, продолжай бритье. Ну беседуйте, Домбуржец.

– Мне, доктор, удобнее было бы конфиденциально...

– Элатту и есть «конфиденциально». В нашей маленькой Шангри-Ла его знания в области анатомии и патологии уступают разве только моим. Или это вы тукану не доверяете?

– В таком случае... – Делать нечего, придется положиться на молчание не только Маринуса, но и его слуги. – Меня заинтересовал кое-кто из ваших учеников...

– А какое вам дело... – доктор открывает второй глаз, – до барышни Аибагавы?

– Ровным счетом никакого. Я просто... хотел бы с нею поговорить.

– Тогда почему вы вместо этого со мной здесь разговариваете?

– ...Хотел бы поговорить не на глазах у десятка согладатаев.

– Ага-а. То есть вы желаете, чтобы я устроил вам тайную встречу?

– Это выражение, доктор, слишком отдает интригой, а я бы ни в коей мере не хотел...

– Мой ответ: никогда. Причина первая: барышня Аибагава не какая-нибудь наемная Ева, чтобы успокаивать Адамов, у которых кое-где зачесалось. Она – дочь благородного человека. Причина вторая: даже будь такая возможность, чтобы барышня Аибагава осталась на Дэдзиме временной женой, – а такой возможности, повторяю, нет...

– Я все это прекрасно понимаю и клянусь честью, не для того сюда пришел...

– Но если бы такое и случилось, о вашей связи донесут, не пройдет и получаса, и тогда меня лишат с таким трудом полученного права преподавать, собирать гербарий и заниматься исследованиями в окрестностях Нагасаки. Так что – изыдите! Утоляйте свой зуд как все: прибегните к услугам местных сводниц или к греху Онана.

Тукан постукивает клювом по блюду и выкрикивает что-то вроде: «Кро-о!»

– Минеер! – Якоб заливается краской. – Вы меня *совершенно* неправильно поняли! Я бы никогда...

– И ведь на самом-то деле вы вовсе не барышни Аибагавы возжаждали. Вас увлекает само по себе явление «восточная женщина». Да-да, загадочные очи, камелия в волосах, кажущаяся покорность. Сколько сотен одуревших от страсти белых мужчин на моих глазах увязли в этом приторном болоте!

– Доктор, на сей раз вы ошибаетесь. Нет никакого...

– Натурально, я ошибаюсь! Наш Домбуржец восторгается жемчужиной Востока исключительно из рыцарственных чувств. Вот она, несчастная обезображенная девица, отвергнутая соплеменниками, и вот вам западный кавалер – он один способен разглядеть красоту ее души!

– Позвольте с вами проститься. – Якоб не в силах долее выносить эти издевательства. – Хорошего дня.

– Уже уходите? И даже не предложите взятку, что зажата у вас под мышкой?

– Это не взятка, – отвечает Якоб полуложью. – Просто подарок из Батавии. Я надеялся – как понимаю теперь, глупо и напрасно – подружиться со знаменитым доктором Маринусом, и Хендрик Звардекроне из Батавского научного общества посоветовал мне привезти вам ноты. Но, как видно, простой невежественный писарь недостоин вашего августейшего внимания. Не смею более докучать.

Маринус внимательно смотрит на Якоба:

– Что же это за подарок такой, если его предлагают, только когда от получателя что-то понадобилось?

– Я пытался вручить его при нашей первой встрече. Вы захлопнули крышку люка прямо мне на голову.

Элатту окунает бритву в миску с водой и вытирает листком бумаги.

– Я подвержен приступам раздражительности, – признается доктор и машет рукой в сторону книги. – А кто композитор?

Якоб зачитывает вслух надпись на титульном листе:

– «Доменико Скарлатти, произведения для клавесина или фортепьяно; отобраны из числа рукописей изящного собрания Муцио Клементи... Лондон... Продаются в мастерской мистера Бродвуда, изготовителя клавесинов, Грейт-Палтни-стрит, Гольдн-сквер».

Из-за окна доносится крик петуха. Кто-то шумно топает по Длинной улице.

– Доменико Скарлатти, говорите? Далеко же его занесло.

Равнодушие Маринуса слишком беспечно, чтобы быть непритворным.

– Как занесло, так и унесет. – Якоб поворачивается к двери. – Не смею долее беспокоить.

– Постойте, не дуйтесь, Домбуржец, вам не идет. Барышня Аибагава...

– Не женщина легкого поведения, знаю. Я и не смотрю на нее в таком свете. – Якоб рассказал бы Маринусу про Анну, но недостаточно доверяет доктору, чтобы раскрыть перед ним душу.

– В каком же тогда свете, – осведомляется Маринус, – вы на нее смотрите?

– Как на... – Якоб ищет подходящее сравнение. – Как на книгу, чья обложка способна заинтересовать и в которой хотелось бы прочесть несколько страниц. Ничего больше.

Сквознячок приоткрывает скрипучую дверь лазарета на две койки.

– Тогда я вам предлагаю вот какую сделку: возвращайтесь сюда к трем часам и сможете в течение двадцати минут в лазарете ознакомиться с теми страницами, какие барышня Аибагава сочтет нужным вам показать. Однако все это время дверь будет открыта, и если вы проявите к ней хоть на йоту меньше уважения, чем оказали бы своей сестре, месть моя будет иметь библейские масштабы.

– По тридцать секунд за сонату – не слишком-то щедрая цена.

– А тогда вы с вашим будто бы подарком знаете, где дверь.

– Значит, не договорились. Всего наилучшего!

Выйдя на улицу, Якоб моргает от яркого света.

Останавливается около Садового дома и ждет.

В горячем воздухе звенит яростная первобытная песня цикад.

Невдалеке, под соснами, хохочут Ауэханд и Туми.

«Боже милосердный, – думает Якоб, – как здесь одиноко».

Элатту так и не приходит с поручением. Якоб возвращается в операционную.

– Значит, договорились. – Маринус уже закончил бритье. – Только нужно отвести глаза шпиону из числа моих учеников. Сегодня намечена лекция о дыхательной системе человека, и я намерен сопроводить ее наглядной демонстрацией на живом примере. Попрошу Ворстенбоса одолжить мне вас для этой цели.

Якоб слышит себя как будто со стороны:

– Согласен...

– Вот и славно. – Маринус вытирает руки. – Вы позволите – маэстро Скарлатти?

– Но плата после доставки товара.

– Ах так? Моего честного слова недостаточно?

– Всего хорошего, доктор. Встретимся без четверти три.

Когда Якоб входит в помещение архива, Фишер и Ауэханд мгновенно замолкают.

– Приятно и прохладно, – замечает вновь прибывший. – По крайней мере, здесь.

– А по-моему, – Ауэханд обращается к Фишеру, – здесь жарога и духота.

Фишер фыркает, как конь, и удаляется к своей конторке – самой высокой в комнате.

Якоб нацепляет на нос очки и рассматривает полку с бухгалтерскими книгами за последние десять лет.

Вчера он вернул на место записи с 1793 по 1798 год, а сейчас они куда-то делись.

Якоб смотрит на Ауэханда; Ауэханд кивает на согбенную спину Фишера.

– Господин Фишер, вы, случайно, не знаете, где книги с девяносто третьего по девяносто восьмой?

– Я у себя в конторе обо всем знаю, где что лежит.

– Не будете ли так добры сказать мне, где я могу их найти?

– А вам зачем? – оглядывается Фишер.

– Чтобы выполнять свои обязанности, которые мне определил управляющий Ворстенбос.

Ауэханд нервно напевает мелодию карнавальнoй песенки.

– Вот здесь, – Фишер стучит пальцем по стопке грoссбухов, – попадаютс я ошибки, – цедит он сквозь зубы, – не потому, что мы зажуливаем Компанию, – он словно вдруг разучился грамотно говорить по-голландски, – а потому, что Сниткер *запретил* нам вести записи как положено.

Дальнозоркий Якоб снимает очки, чтобы лучше видеть Фишера.

– Разве кто-нибудь вас обвинял в нечестности, господин Фишер?

– Мне надоело... Слышите, вы? Надоело! Что в наши дела без конца лезут все кому не лень!

За Морской Стеной тихо плещут сонные волны.

– Почему, – гневно вопрошает Фишер, – управляющий не поручил *мне* исправить записи?

– Логично поручить проверку человеку, который не был в подчинении у Сниткера, вы согласны?

– Значит, меня тоже в мошенники записали? – У Фишера раздуваются ноздри. – Вы признаете! Это заговор против нас всех! Посмейте только отрицать!

– Управляющий, – возражает Якоб, – всего только хочет получить *одну* версию правды.

– Моя неумолимая логика, – Фишер воздевает кверху указательный палец, – сокрушит вашу ложь! Предупреждаю, в Суринаме я застрелил столько черных, что вам, де Зут, не пересчитать на ваших счётах! Только троньте меня – растопчу! Держите, вот. – Пруссак сует в руки Якобу стопку бухгалтерских книг. – Вынюхивайте «ошибки»! А я иду к господину ван Клефу, обсудить... как получить в этом году прибыль для Компании!

Фишер удаляется, на ходу нахлобучив шляпу и хлопнув дверью.

– В своем роде комплимент, – комментирует Ауэханд. – Он из-за тебя нервничает.

«Я всего лишь хочу выполнять свою работу», – думает Якоб.

– По какому поводу нервничает?

– По поводу отгруженных в девяносто шестом и девяносто седьмом десяти дюжин ящиков с пометкой «камфора Кумамото».

– А на самом деле там была не камфора?

– Камфора, но в наших бухгалтерских книгах на странице четырнадцать указано: «ящики по двенадцать фунтов»; а у японцев, как вам Огава может сообщить, в записях отмечено: «по тридцать шесть фунтов». – Ауэханд подходит налить себе воды из кувшина. – Излишек продает в Батавии некто Иоханнес ван дер Брук, зять председателя ван дер Брука из Совета Обеих Индий. Чистейшее надувательство! Водички?

– Да, пожалуйста. – Якоб отпивает из чашки. – И почему вы мне об этом рассказываете?

– Исключительно в собственных интересах. Господин Ворстенбос приехал к нам на целых пять лет, правильно?

– Да, – лжет Якоб, потому что иначе нельзя. – Я буду отрабатывать свой контракт под его началом.

Жирная муха не спеша описывает дугу, переползая из света в тень.

– Когда Фишер наконец сообразит, что обхаживать нужно не ван Клефа, а Ворстенбоса, он не задумываясь воткнет мне нож в спину.

– И какой же это нож? – задает Якоб напрашивающийся вопрос.

– Ты можешь пообещать, – Ауэханд потирает шею, – что со мной не обойдутся как со Сниткером?

– Обещаю, – ощущение власти оставляет неприятный привкус во рту, – довести до сведения господина Ворстенбоса, что Понке Ауэханд ему помогает, а не противодействует.

Ауэханд взвешивает сказанное Якобом.

– В записях о частной торговле за прошлый год можно прочесть, что я привез с собой пятьдесят штук индийского ситца. Между тем в японских отчетах о частной торговле указано, что я их продал сто пятьдесят. Половину излишка забрал себе капитан «Октавии», господин Хофстра, хотя доказать это я, конечно, не смогу и сам он тоже не подтвердит – упокой, Господи, его утопшую душу.

– Вы помогаете, господин Ауэханд. – Жирная муха усаживается на пресс-папье. – Помогаете, а не противодействуете.

* * *

Ученики доктора Маринуса прибывают ровно в три.

Дверь в лазарет распахнута, но Якобу не видно, что происходит в операционной.

Четыре мужских голоса, хором:

– Добрый день, доктор Маринус!

– Сегодня, студиозусы, – говорит доктор Маринус, – мы проведем практический опыт. Мы с Элattu все подготовим, а вам пока я раздам тексты на голландском – каждому свой. Прочтите и переведите на японский язык. Мой друг доктор Маэно согласился на этой неделе проверить результат ваших трудов. Отрывки я выбирал близкие вашим интересам: господину Мурамото, нашему главному костоправу, – из работы Альбинуса *Tabulae sceleti et musculorum corporis humani*; господину Кадзиваки – отрывок из сочинения на тему рака, автор – Жан-Луи Пети; в его честь возникло наименование *trigonum Petiti*. Что это и где расположено?

– Просвет между мышцами спины, доктор.

– Вам, господин Яно, – доктор Олоф Аксель, мой наставник в Упсале; я перевел с шведского его работу о катаракте. Господину Икэмацу – страничку из сочинения Лоренца Гейстера «Хирургия», о кожных болезнях... И наконец, барышня Аибагава будет работать с трактатом достойнейшего доктора Смелли. Однако этот отрывок довольно трудный. В лазарете сейчас ожидает доброволец, который вызвался нам помочь с наглядной демонстрацией. Он может объяснить особенно сложные голландские обороты...

Из-за двери высовывается шишковатая голова доктора Маринуса.

– Домбуржец! Позвольте вам представить барышню Аибагаву. И я вас всячески призываю: *Orate ne intretis in tentationem*⁷.

Барышня Аибагава сразу же узнает рыжего зеленоглазого чужестранца.

– Добрый день, – у Якоба пересохло в горле, – барышня Аибагава.

– Добрый день, – отвечает она ясным голосом, – господин... Домбу-рожец?

⁷ Молитесь, чтобы не впасть в искушение (лат.; Лука, 22: 40).

- Домбуржец... Это у доктора шутка такая. Мое имя – де Зут.
Она ставит перед собой подставку для письма: поднос на ножках.
- «Домбу-рожец» – смешная шутка?
- Доктор Маринус считает, что да: мой родной город называется Домбург.
Она с сомнением произносит: «Хmmm».
- Господин де Зут болен?
- Э-э... Да, немного. У меня вот здесь болит... – Он хлопает себя по животу.
- Стул как вода? – деловито спрашивает акушерка. – Плохой запах?
- Нет... – Якоб теряется от такой прямоты. – У меня болит... печень.
- Болит... – она очень тщательно выговаривает звук «л», – печень?
- Да-да, печень. А вы, надеюсь, в добром здравии?
- Да, я здорова. Надеюсь, ваш друг-обезьяна тоже здоров?
- Мой... А-а, Уильям Питт? Мой друг-обезьяна... Его больше нет.
- Простите, я не понимаю. Обезьяна... Что нет?
- Нет в живых. Я... – Якоб показывает жестами, как будто сворачивает курице шею, – убил мерзавца, а из шкуры сделал себе кисет для табака.
- Девушка приоткрывает рот, глаза полны ужаса.
- Якоб готов застрелиться на месте, будь у него пистолет.
- Шучу, шучу! Уильям Питт жив, здоров и счастлив, безобразничает где-нибудь в свое удовольствие...
- Верно, господин Мурамото, – слышится из-за двери голос Маринуса. – Вначале нужно выпотить подкожный жир, а потом ввести в кровеносные сосуды цветной воск...
- Что ж... – Якоб проклинает свою неудачную шутку. – Приступим к изучению текста?
- Барышня Аибагава пытается сообразить, как сделать это, оставаясь на безопасном расстоянии.
- Вы можете сесть сюда. – Он указывает на дальний край кровати. – Читайте вслух, а если попадется трудное слово, мы его обсудим.
- Она удовлетворенно кивает, садится и начинает читать.
- Куртизанка ван Клефа говорит высоким пронзительным голосом – видимо, считается, что это женственно. У барышни Аибагавы голос ниже, негромкий и успокаивающий. Якоб, пользуясь благовидным предлогом, рассматривает ее обожженное лицо и губы, старательно выговаривающие слова.
- «Вскоре после этого про-ис-шест-вия»... Простите, что это есть?
- Происшествие – это... случай, событие.
- Спасибо. «...Я изучил все, что Рюйш пишет о женском организме... Он высказывается против преждевременного извлечения плаценты. Его ученое мнение подтверждает мои выводы... и потому я избрал путь ближе к природе. Разрезав *funis*...⁸ и передав ребенка в руки помощников... я ввожу палец во влагалище...»
- Якоб впервые в жизни слышит, чтобы это слово произносили вслух.
- Барышня Аибагава, уловив его изумление, вскидывает голову:
- Я ошибаться?
- «Доктор Лукас Маринус, – думает Якоб, – вы бесчеловечное чудовище».
- И отвечает:
- Нет.
- Нахмурившись, она ищет в тексте место, на котором остановилась.

⁸ Пуповина (лат.).

– «...С целью убедиться, что плацента располагается неподалеку от *os uteri*...⁹ В этом случае, я уверен, она сама выйдет наружу... Нужно лишь подождать и, как правило, через десять-пятнадцать минут... начинаются последовые схватки... Матка сокращается и выталкивает плаценту... Если слегка потянуть за *funis*, плацента опускается... – барышня Аибагава бросает взгляд на Якоба, – во влагалище, и я извлекаю ее через *os externum*»¹⁰. Все. Я закончить отрывок. Печень сильно болит?

– Доктор Смелли очень... – Якоб с трудом проглатывает комок в горле, – прямолинейно изъясняется.

Барышня Аибагава сводит брови.

– Голландский – чужой язык. В словах нет такая... сила, кровь, запах. Помогать при родах – мое... «признание» или «призвание»?

– Полагаю, «призвание».

– Помогать при родах – мое призвание. Если акушерка бояться крови, от нее никакая польза.

– Дистальная фаланга, – доносится из соседней комнаты голос Маринуса. – Средняя и проксимальная фаланги...

– Двадцать лет назад, – решившись, начинает Якоб, – когда родилась моя сестра, повитуха не смогла остановить у матери кровотечение. Мне поручили греть воду в кухне.

Он боится, что барышня Аибагава заскучает, но она слушает спокойно и внимательно.

– «Если только я смогу нагреть довольно воды, – так я думал, – мама не умрет». К сожалению, я ошибался.

Якоб хмурится. Он сам не знает, для чего затронул настолько личную тему.

В изножье кровати садится огромная оса.

Барышня Аибагава достает из рукава кимоно квадратный листок бумаги. Якоб, зная о восточных верованиях в перерождение души от насекомого до святого, ждет, что она выгонит осу в окно. Но акушерка давит осу бумажкой и, скомкав плотный шарик, выбрасывает его в то самое окошко.

– У вашей сестры тоже рыжие волосы и зеленые глаза?

– Волосы у нее еще рыжее моих, к большому смущению нашего дяди.

– Сму-зе-нию? – повторяет она незнакомое слово.

«Надо бы потом спросить Огаву, как это будет по-японски», – думает Якоб.

– «Смущение», стыд.

– Почему дядя испытывать стыд от рыжие волосы у сестры?

– В народе верят... Суеверие, понимаете?

– *Мэйсин* по-японски. Доктор это называть «враг разума».

– Так вот, согласно суеверию, женщины легкого поведения... то есть проститутки... всегда рыжеволосые.

– «Легкого поведения»? «Проститутки»? То же, что «куртизанки» и их помощницы?

– Простите меня за эти слова. – Якоб ничего не слышит из-за шума в ушах. – Теперь уже мне стыдно.

Ее улыбка – и крапива, и подорожник.

– Сестра господин де Зут – честная девушка?

– Гертъе... очень мне дорога. Она добрая, умная и терпеливая.

– Пястные кости, – разъясняет доктор, – а вот здесь – хитро соединенные кости запястья...

– У барышни Аибагавы, – отваживается спросить Якоб, – большая семья?

⁹ Зев матки (*лат.*).

¹⁰ Наружный зев матки (*лат.*).

– Была большая, теперь маленькая. Отец, новая жена отца, сын новой жены отца. – Короткая заминка. – Мать, братья и сестры умер от холеры. Много лет давно. Тогда много умер. Не только моя семья. Много, много горя.

– Однако ваше призвание... то есть акушерство... Это... Это искусство жизни.

Черная пряжка выбилась из-под платка. Так и тянет дотронуться.

– В старые времена, – говорит барышня Аибагава, – когда еще не построить большие мосты через широкие реки, путники тонуть часто. Люди говорить: «Умер, потому что речной бог сердитый». Не говорить: «Умер, потому что большие мосты построить не умеем». Не говорить: «Люди умирать, потому что много невежество». Однажды мудрые предки наблюдать паутина, плести мосты из гибкая лоза. Или еще, видеть, как дерево упал через река, строить каменный островок посреди широкая река и соединить островок к островку. Строить такие мосты. Люди больше не тонуть в этот опасный река, много меньше люди тонуть. Мой плохой голландский понимать?

– Прекрасно понимаю, – уверяет Якоб. – Каждое слово.

– Сегодня в Японии, когда мать или ребенок умирать при родах или мать и ребенок вместе, люди говорить: «Ах, они умер, потому что боги так решить». Или: «Потому что плохая карма». Или: «Умер, потому что мало платить за *о-мамори* – магия из храма». Господин де Зут понимать, это как мост. На правде – много, много смерть из-за невежество. Я хотеть построить мост от невежество, – тонкая рука рисует в воздухе мост, – к знание. Это, – она с почтением поднимает вверх листок с текстом доктора Смелли, – кусочек для мост. Когда-нибудь я учить этот знание... Создать школа... Ученики учить другой ученики... И тогда, потом, в Японии много, много меньше матерей умирать из-за невежество. – Несколько мгновений она созерцает свою мечту, потом опускает глаза. – Глупый план.

– Нет-нет-нет! Более благородных устремлений и представить невозможно.

– Простите... – Она хмурится. – Что есть «благородных утомлений»?

– «Устремление». Я хотел сказать – план. Цель в жизни.

– А-а... – На ее ладонь садится белая бабочка. – Цель в жизни...

Она сдувает бабочку; та летит к свече в бронзовом подсвечнике.

Бабочка складывает и раскрывает крылышки; складывает и раскрывает.

– По-японски зовут *монсиро*, – говорит барышня Аибагава.

– У нас в Зеландии таких бабочек называют «капустница». Мой дядя...

– «Жизнь коротка, а путь искусства долог». – В лазарет прихрамывающей седовласой кометой врывается доктор Маринус. – «Удобный случай скоропребоя. Опыт...» Ну что, барышня Аибагава? Продолжите наш первый гиппократовский афоризм?

– «Опыт обманчив». – Она встает и кланяется. – «Суждение трудно».

– Истинная правда!

Он жестами подзывает других учеников, смутно знакомых Якобу по встрече в пакгаузе.

– Домбуржец, знакомьтесь, мои студюзусы: господин Мурамато из Эдо...

Самый старший и унылый на вид учтиво кланяется.

– Господин Кадзиваки, его прислали из княжества Тёсю, из Хаги...

Кланяется, улыбаясь, еще один ученик, еще не переросший юношескую худобу.

– Далее, господин Яно из Осаки...

Яно разглядывает зеленые глаза Якоба.

– И наконец, господин Икэмацу, истинный сын Сацумы.

Икэмацу бодро кланяется; его лицо испещрено следами перенесенной в детстве золотухи.

– Студюзусы, Домбуржец отважно вызвался помочь нам сегодня. Поздоровайтесь с ним, пожалуйста!

От беленых стен лазарета отдается дружное:

– Здравствуйте, Домбуржец!

Якоб никак не может поверить, что отведенные ему минуты уже истекли.

Маринус держит в руках металлический цилиндрик около восьми дюймов в длину, с поршнем на одном конце и заостренным рыльцем – на другом.

– Господин Мурамото, что это?

Старообразный ученик отвечает:

– Это называется «клистир», доктор.

– Клистир. – Маринус цепко ухватывает Якоба за плечо. – Господин Кадзиваки, как применяют клистир?

– Ввести в прямую кишку, затем впрай... нет, впрас... а-а-а, *нан'даттака*?¹¹ Вопрос...

– Впрыснуть, – комически-театральным шепотом подсказывает Икэмацу.

– Впрыснуть лекарство от запор, или кишечные колики, или многих другой заболевание.

– Именно-именно. Господин Яно, в чем преимущество *ректального* введения лекарств по сравнению с *оральным*?

После того как ученики-мужчины разобрались со значением слов «ректальный» и «оральный», Яно отвечает на вопрос:

– Организм быстрее усвоит лекарство.

– Хорошо! – Маринус улыбается чуточку угрожающе. – Кто знает, что такое «дымовой клистир»?

Ученики-мужчины совещаются, не включая в свой разговор барышню Аибагаву.

Наконец Мурамото отвечает за всех:

– Мы не знаем, доктор.

– Вам и неоткуда об этом узнать, господа. В Японии до сего дня не видели дымового клистира. Элатту, будьте так добры!

Входит помощник Маринуса. Он несет сшитую из кожи кишку длиной в человеческую руку, а также раскуренную трубку. Кишку вручает хозяину, и тот размахивает ею, словно ярмарочный фигляр.

– На нашем клистире, господа, вот здесь, посередине, имеется клапан, в который вставляется кожаный рукав – вот так, – и через него цилиндр наполняется дымом. Прошу вас, Элатту!

Уроженец Цейлона вдыхает табачный дым из трубки и выдыхает в кожаный рукав.

– Заболевание, которое излечивают при помощи этого орудия, называется «интуссусцепция». Давайте все вместе повторим это название, господа студиозусы, ибо кто сумеет излечить то, чего не умеет произнести? Ин-тус-су-*сцеп*-ция! – Маринус взмахивает указательным пальцем, как дирижерской палочкой. – И раз, и два, и три!

– Ин-тус-су-*сцеп*-ция! – запинаясь, выговаривают ученики. – Ин-тус-су-*сцеп*-ция!

– При этом заболевании верхняя часть кишечника погружается в нижнюю, примерно таким образом...

Доктор берет в руки кусок полотна, сшитый трубой, вроде штанины.

– Это – толстая кишка. – Зажав один конец «штанины» в кулаке, он пропихивает ее внутрь, к другому концу. – Диагноз поставить трудно, поскольку симптомы – классическая триада, связанная с пищеварительным трактом. А именно... Господин Икэмацу?

– Боли в животе, вздутие живота... – Он трет виски, вспоминая третий признак. – А! Кровь в фекалиях.

– Прекрасно! Смерть от интуссусцепции, – он оглядывается на Якоба, – или, в просторечии, «высрать собственные потроха», как вы легко можете себе представить, весьма мучительна. По-латыни это называют *miserere mei*, то есть «пощади, Господи». Однако дымовой клистир позволяет справиться с этой бедой.

Доктор вытягивает наружу конец «штанины».

¹¹ Как это будет? (*яп.*)

– Если закачать внутрь достаточно дыма, кишечник под давлением расправится до своего первоначального состояния. Домбуржец, в отплату за оказанную любезность, предоставит в распоряжение медицинской науки свой *gluteus maximus*¹², чтобы я мог вам продемонстрировать, как дым проходит «сквозь мглу пещер», от анального отверстия до пищевода, и в конце концов просачивается наружу через ноздри, словно фимиам из каменного дракона, хотя, увы, не столь благоуханный, учитывая пройденный путь...

Якоба постепенно настигает осознание.

– Вы же не намерены...

– Снимайте штаны. Все мы здесь люди науки, закаленные мужчины... ну и одна дама.

– Доктор! – В комнате промозглый холод. – На такое я не соглашался!

– Лучшее средство от нервов... – Маринус с неожиданной ловкостью опрокидывает Якоба на койку, – не обращать на них внимания. Элатту, дайте студиязусам осмотреть инструмент, а затем приступим!

– Отличная шутка, – хрипит Якоб, придавленный тушей врача, – но...

Маринус отцепляет подтяжки своей извивающейся жертвы.

– Доктор, нет! Прекратите! Комедия зашла слишком далеко!..

¹² Большая ягодичная мышца (лат.).

VII. Высокий дом на Дэдзиме

Раннее утро, вторник, 27 августа 1799 г.

Якоб просыпается оттого, что у кровати подламываются две ножки из четырех и он рушится на пол, больно стукнувшись подбородком и коленкой. Его первая мысль: «Боже милосердный! Пороховой погреб на „Шенандоа“ взорвался». Но Высокий дом все сильнее сотрясают спазмы. Стонут перекрытия; куски штукатурки разлетаются, точно шрапнель; оконная рама выскакивает из проема, и качающуюся комнату заливают абрикосово-оранжевое сияние; противомоскитная сетка падает Якобу на лицо, тряска усиливается втрое, впятеро, в десять раз, и кровать мечется по комнате раненым зверем. «В нас палят с фрегата, изо всех пушек», – думает Якоб. Подсвечник неистово скачет по комнате, с верхних полок веером рассыпаются стопки бумаг. «Боже, не дай мне погибнуть!» – молится Якоб. Он уже видит, как упавшие стропила сплюсывают ему череп и как мозги яичным желтком растекаются в пыли Дэдзимы. Сын пастора молится истово, срывая горло, молится Иегове ранних псалмов. «Боже! Отринул Ты нас и низложил нас, разгневался, но и помиловал нас». Ответом ему – грохот сыплющейся с крыш черепицы, мычание коров и блеяние коз. «Сотряс землю и сокрушил ее: исцели раны ее, ибо она поколебалась». Оконные стекла осыпаются фальшивыми бриллиантами, доски трещат, будто кости, вздыбившийся пол подбрасывает кверху сундук Якоба, из кувшина льется вода, ночной горшок опрокидывается, мироздание разваливается на части, и – Господи, Господи, Господи – хоть бы это прекратилось, хоть бы, хоть бы прекратилось!

«Господь сил с нами, Бог Иакова заступник наш». Якоб закрывает глаза. Тишина дарит покой. Якоб благодарит небо за то, что уладило землетрясение, и вдруг думает: «Господи, пакгаузы! Моя каломель!» Схватив одежду, он перешагивает через обломки двери. Навстречу из своей норки выбирается Хандзабуро. «Охраняй мою комнату!» – рывкает Якоб, но мальчишка не понимает. Голландец замирает на пороге, расставив ноги и раскинув руки буквой «икс».

– Чтобы никто не входил! Понимать?

Хандзабуро испуганно кивает, как будто успокаивает сумасшедшего.

Якоб с грохотом сбегает по лестнице и распахивает дверь. По Длинной улице словно прошел отряд британских мародеров. Повсюду валяются обломки ставней, осколки черепицы, в одном месте садовая стена целиком рухнула. В воздухе, затмевая солнце, висит густая пыль. Над восточным краем города клубится черный дым. Где-то истошно кричит женщина. Писарь начинает пробираться к дому управляющего и на перекрестке сталкивается с Вейбо Герритсзоном.

Тот бормочет, пошатываясь:

– Французы, твари, высадились и все здесь, твари, заполонили!

– Господин Герритсзон, проверьте Дорн и Эйк, а я посмотрю в других пакгаузах.

– Вы что, – выплевывает, весь в татуировках, силач, – переговоры со мной ведете, *месье Жак?*

Якоб, обойдя вокруг него, проверяет дверь пакгауза Дорн – заперто надежно.

Герритсзон с ревом хватает Якоба за горло:

– Не трожь *грязными французскими лапами* мой дом и не трожь *грязными французскими лапами* мою сестру!

Он отпускает Якоба, чтобы получше размахнуться; будь удар точен, мог бы убить, но в результате Герритсзон сам валится на землю.

– Французы, твари! С ног меня сшибли!

На площади Флага колокол звонит общий сбор.

- Не слушайте колокол!
- По улице широкими шагами движется Ворстенбос, по бокам от него – Купидон и Филандер.
- Эти шакалы хотят, чтоб мы построились, как дети малые, тут они нас и скрутят!
- Управляющий замечает Герритсзона.
- Он пострадал?
- Якоб растирает ноющее горло.
- Боюсь, только от грога, минеер.
- Пусть лежит. Нужно организовать защиту от наших защитничков.

Ущерб от землетрясения значительный, но не катастрофический. Из четырех голландских пакгаузов Лели все еще не до конца отстроен после «Сниткеровского пожара», и каркас его уцелел. Двери Дорна выдержали напор огня, а сильно пострадавший Эйк ван Клеф с Якобом сумели отстоять от разграбления, куда Кон Туми и плотник с «Шенандоа», похожий на призрака уроженец Квебека, вешали створки дверей на место. Капитан Лейси доложил, что на корабле землетрясение совсем не ощущалось, зато шум стоял такой, словно идет великая битва между дьяволом и Господом Богом. Внутри пакгаузов часть штабелей рассыпались – необходимо осмотреть ящики и проверить их сохранность. Предстоит заменить десятки черепиц, приобрести новые глиняные кувшины, починить за счет Компании разрушенные бани и рухнувшую голубятню. На северной стороне Садового дома осыпалась вся штукатурка; придется стену штукатурить заново. Переводчик Кобаяси доложил, что рухнули лодочные сараи, и назвал стоимость ремонта, прибавив, что она «превосходная». «Для кого превосходная?» – немедленно поинтересовался Ворстенбос и поклялся, что не отдаст ни пеннинга, пока они с плотником Туми не осмотрят повреждения своими глазами. Переводчик удалился, закаменев от гнева. Якоб разглядел с Дозорной башни, что не все районы Нагасаки отделались так легко, как Дэдзима: он насчитал двадцать больших разрушенных зданий и четыре пожара в разных местах города. Над ними в августовское небо поднимается черный дым.

* * *

В пакгаузе Эйк Якоб и Вех перебирают опрокинутые ящики с венецианскими зеркалами. Каждое зеркало нужно вытащить из соломы, в которую оно обернуто, проверить и записать: не повреждено, треснуло или разбито. Хандзабуро сворачивается клубочком на куче пустых мешков и быстро засыпает. Все утро в пакгаузе слышно только, как перекладывают зеркала, Вех жует бетель, перо Якоба скрипит по бумаге да вдали, у Морских ворот, носильщики перетаскивают на берег свинец и олово. Плотникам полагалось бы сейчас трудиться на складе Лели, по ту сторону Весового двора, но, как видно, им нашлась более срочная работа в Нагасаки.

– Ну что скажете, господин де З., тут уж не семь лет невезенья, а все семь сотен, ага?

Якоб не заметил, как в пакгауз вошел Ари Гроте.

– Когда такое дело, вполне простительно, если вдруг запутаешься да запишешь пару-тройку целых зеркал как битые... Чисто по ошибке, конечно...

– Это что же, – Якоб зевает, – завуалированное приглашение к мошенничеству?

– Чтоб мне лучше дикие собаки голову отгрызли! Ладно, у нас тут сборище намечается. Ты можешь выметаться, – продолжает Гроте, косясь на Веха. – Сейчас благородный человек придет, ему на твою шкуру цвета дерьма смотреть обидно.

– Вех никуда не уйдет, – возражает Якоб. – И что это за «благородный человек»?

Гроте что-то послышалось; он выглядывает за дверь.

– Ах ты, пропасть, раньше времени пришли! – Он тычет пальцем на грудь ящиков и приказывает Веху: – Прячься там! Господин де З., вы уж задвиньте ваши тонкие чувства насчет темнокожих братьев куда подальше. О больших деньгах речь идет!

Юноша-раб смотрит на Якоба. Якоб нехотя кивает. Вех послушно прячется за ящиками.

– Я буду, э-э... играть роль посредника между вами и...

В дверях появляются переводчик Ёнэкидзу и комендант Косуги.

Не обращая на Якоба ровным счетом никакого внимания, эти двое приглашают войти знакомого незнакомца.

Вначале порог переступают четверо молодых, стремительных и крайне грозных с виду стражников.

А вслед за ними входит и хозяин: пожилой человек шагает словно по воде.

На нем небесно-голубой плащ, голова выбрита, как у монаха, однако за поясом виднеется рукоять меча.

У него единственного из присутствующих лицо не блестит от пота.

«В каком мимолетном сне, – дивится Якоб, – мне привиделось твое лицо?»

– Господин настоятель Эномото из княжества Кёга, – объявляет Гроте. – Мой коллега, господин де Зут.

Якоб кланяется. Губы настоятеля кривятся и складываются в полуулыбку узнавания.

Он что-то говорит, обращаясь к Ёнэкидзу; этот лощеный голос прервать – немислимо.

– Настоятель сказать, – переводит Ёнэкидзу, – он верить вам и сразу ощутить сродство, когда первый раз увидит вас в городской управа. Сегодня он знает, что его вера быть правиль- ный.

Настоятель Эномото просит Ёнэкидзу научить его, как по-голландски будет «сродство».

Якоб наконец-то вспоминает, где видел гостя: он сидел рядом с градоправителем Сиroy- ямой в Зале шестидесяти циновок.

Настоятель заставляет Ёнэкидзу трижды повторить имя Якоба.

– Да-дзу-то, – эхом откликается настоятель и переспрашивает уже самого Якоба: – Я правильно говорить?

– Ваша милость прекрасно произносит мое имя.

– Господин настоятель, – прибавляет Ёнэкидзу, – переводить на японский Антуана Лаву- азье.

Якоб должным образом выражает почтительное восхищение.

– Возможно, ваша милость знакомы с Маринусом?

Ёнэкидзу переводит ответ:

– Настоятель встречать доктор Маринус часто в Академии Сирандо. Он сказать, очень уважать голландский ученый. Но у настоятель много разных обязанности, нет возможность посвящать вся жизнь химическим искусствам...

Какой же властью нужно обладать, думает Якоб, чтобы явиться как ни в чем не бывало на Дэдзиму, когда здесь все вверх дном по случаю землетрясения, и запросто пообщаться с иностранцами без присмотра вечной когорты согладатаев и стражников сёгуна.

Эномото проводит большим пальцем вдоль края ящика, потом другого – будто пробует угадать содержимое. Натывается на спящего Хандзабуро, на миг склоняет над мальчиком голову. Хандзабуро что-то невнятно бормочет, просыпается, видит настоятеля и, взвизгнув, скатывается на пол. Он удирает из пакгауза, как лягушка от водяной змеи.

– Молодость, – говорит по-голландски Эномото. – Все спешат, спешат...

Мир в рамке дверей окутывают сумерки.

Настоятель берет в руки уцелевшее зеркало:

– Это ртуть?

– Окись серебра, ваша милость, – отвечает Якоб. – Изготовлено в Италии.

– Серебро верней для правда, – замечает настоятель, – чем наши медные зеркала в Японии. Но правда так легко разбивается.

Он ловит зеркалом отражение Якоба и о чем-то спрашивает Ёнэкидзу по-японски.

Ёнэкидзу переводит:

– Его милость спросить: в Голландия покойники тоже не имеют отражений?

Якоб вспоминает, что так говорила его бабушка.

– Да, господин, старухи верят в это.

Настоятель понимает без перевода. Он доволен ответом.

– На мысе Доброй Надежды живет племя под названием басуто, – говорит Якоб. – Они верят, что крокодил может убить человека, если перекусит пополам его отражение в воде. Другое племя, зулусы, боятся темной воды – они думают, если туда заглянуть, призраки могут схватить отражение и поглотить душу.

Ёнэкидзу старательно переводит, а затем пересказывает ответ Эномото:

– Настоятель говорить, это прекрасный мысль, и желает знать: господин де Зут верить в душа?

– По-моему, – отвечает Якоб, – странно было бы сомневаться в существовании души.

Эномото спрашивает:

– Господин де Зут верить, что можно отнять душа?

– Душу человека не может отнять ни крокодил, ни призрак, но дьявол – да, может.

Эномото восклицает: «Ха!» – показывая свое удивление оттого, что у них с чужестранцем настолько схожие взгляды.

Якоб делает шаг в сторону. Он больше не отражается в зеркале.

– Ваша милость прекрасно говорит по-голландски.

– Трудно слушать, поэтому рад, что здесь переводчики. Раньше я говорить... говорил по-испански, но сейчас эти знания увяли.

– Вот уже двести лет, – замечает Якоб, – испанцев не было в Японии.

– Время... – Эномото рассеянно поднимает крышку одного из ящиков.

Ёнэкидзу вскрикивает от страха.

В ящике, точно гибкая плеть, свернулась змея *хабу*. Змея сердито поднимает голову...

...Сверкают ядовитые зубы; туловище отклоняется назад, вот-вот бросится.

Двое стражников из охраны Эномото, обнажив мечи, готовы ринуться вперед...

...Но Эномото делает резкое движение, словно надавливая на что-то раскрытой ладонью.

– Хоть бы не укусила! – кричит Гроте. – Он еще не заплатил за...

Вместо того чтобы впиться зубами в руку настоятеля, змея, обмякнув, шлепается на ящик. Раскрытые челюсти так и застыли.

Якоб и сам застыл, разинув рот. Он косится на Гроте – кажется, тот тоже испуган.

– Ваша милость, вы... зачаровали змею? Она... Она спит?

– Змея мертва. – Эномото приказывает стражникам вынести ее за дверь.

«Как вы это сделали?» – мысленно спрашивает Якоб, подозревая какой-то фокус.

– Но...

Настоятель спокойно рассматривает ошарашенного голландца и что-то говорит Ёнэкидзу.

– Господин настоятель сказать, – начинает Ёнэкидзу, – «Нет фокус, нет магия». Он сказать: «Это китайский философия. Европейский ученый не понимать, потому что слишком умный». Он сказать... Извините, очень трудно. Он сказать: «Всякий жизнь есть жизнь, потому что владеть силой *ки*».

– Силки? – переспрашивает Ари Гроте. – Какие еще силки?

Ёнэкидзу мотает головой.

– *Ki!* Сила *ки*. Господин настоятель объяснять: его орден учить... Как это слово? Управлять силой *ки* – исцелять болезни *et cetera*.

– О, я бы сказал, – бурчит себе под нос Гроте, – госпожа Змейка получила с лихвой этого самого *et cetera*.

Якобу приходит в голову, что нужно извиниться: все-таки настоятель – важная персона.

– Господин Ёнэкидзу, переведите, пожалуйста: мне очень жаль, что его милости в голландском пакгаузе угрожала опасность от змеи...

Ёнэкидзу переводит.

Эномото качает головой:

– Кусает больно, однако мало яд.

– ...И скажите, – продолжает Якоб, – то, что я сейчас увидел, запомню на всю жизнь.

Эномото отвечает неопределенным «хннн».

– В следующей жизни, – говорит он Якобу, – рождайтесь в Японии, приходите в храм и... Простите, голландский очень трудный.

Настоятель произносит несколько фраз на родном языке, Ёнэкидзу переводит одну за другой.

– Настоятель сказать, пусть господин де Зут не думать, что он сильный князь, как даймё Сацумы. Княжество Кёга – только двадцать миль ширина, очень много гора и всего два город, Исахая и Касима. И деревни вдоль дорога к морю Ариакэ. Но, – добавляет Ёнэкидзу, возможно по собственной инициативе, – владение дает господин настоятель высокий ранг. В Эдо может приходиться к сёгуну, в Мияко может приходиться к императору. Храм господина настоятеля высоко на горе Сирануи. Он сказать, весна и осень там очень красиво. Зима немножко холодно, зато лето прохладно. Господин настоятель сказать: «Можно дышать и не стареть». Господин настоятель сказать: у него два жизнь. Верхний мир, на горе Сирануи – жизнь духа, молитва и *ки*. Нижний мир – люди, политика, ученые... Иностранные лекарства и деньги.

– О, наконец-то дождались, – чуть слышно бубнит Ари Гроте. – Господин де З., ваш выход.

Якоб неуверенно смотрит на Гроте, на настоятеля и снова на повара.

– Заводите речь о торговле, – вздыхает Гроте и одними губами складывает слово «ртуть». До Якоба только сейчас доходит.

– Ваша милость, простите за прямоту, – говорит он, обращаясь к настоятелю, но в то же время поглядывая на Ёнэкидзу. – Не можем ли мы чем-нибудь вам услужить?

Ёнэкидзу переводит. Эномото взглядом переадресовывает вопрос Гроте.

– Дело такое, господин де З.: настоятель Эномото желает приобрести, э-э, *все* наши восемь ящиков ртутного порошка по цене *сто* и шесть кобанов за ящик.

Первая мысль Якоба: «*Наши* восемь ящиков?» Затем вторая: «*Сто* и шесть?»

Третья – общая сумма: «*Восемьсот сорок восемь* кобанов».

– Вдвое больше, – напоминает Гроте, – чем предлагал тот аптекарь из Осаки.

Восемьсот сорок восемь кобанов – уже половина состояния, считай, получена.

«Стойте, стойте, стойте, – думает Якоб. – А почему он готов заплатить такую высокую цену?»

– Господин де Зут онемел от радости, – уверяет Гроте настоятеля.

«Фокус со змеей мне весь разум отшиб, – думает Якоб. – Но сейчас требуется ясность мыслей».

– В жизни не встречал такого достойного парня! – Гроте хлопает его по плечу.

«Монополия, – догадывается Якоб. – Он хочет установить монополию, хотя бы временно».

– Я продам шесть ящиков, – заявляет писарь. – Не восемь.

Эномото понял. Он почесывает ухо и смотрит на Гроте.

Улыбка Гроте означает: «Не о чем беспокоиться».

– Подождите чуток, ваша милость!

Повар утаскивает Якоба в уголок, рядом с ящиками, где прячется Вех.

– Слушайте, я знаю, что Звардекроне установил планку – восемнадцать за ящик.

– Вам-то откуда знать, – изумляется Якоб, – кто меня финансирует в Батавии и какие у него требования?

– Не важно откуда, но я *знаю*. Нам предлагают чуть ли не *вшестеро* больше, а вы еще торгуетесь? Больше вам никто не предложит, а о шести ящиках речь не идет. Восемь или ничего.

– В таком случае, – отвечает Якоб, – пусть будет ничего.

– Вы, видно, не поняли! Покупатель – высокопоставленное лицо, ага? Везде поспел: и в городской управе имеет вес, и в Эдо; ростовщиков деньгами ссужает, аптекарям лекарства поставляет. Говорят, он даже... – дыхание Гроте отдает куриной печенкой, – предложил в долг оплатить взятки градоправителю до следующего года, пока не придет очередной корабль из Батавии! А я ему пообещал продать всю партию ртути целиком...

– Придется, значит, разобещать.

– Нет-нет-нет! – едва не скулит Гроте. – Вы не понимаете...

– Что тут понимать? Вы ни с того ни с сего заключили сделку на мои товары. Я отказываюсь плясать под вашу дудку, и вы теперь потеряете плату за посредничество, только и всего.

Эномото что-то говорит Ёнэкидзу; голландцы прекращают спор.

– Настоятель сказать... – Ёнэкидзу прокашливается. – Сегодня продавать только шесть ящиков. Значит, он покупать сегодня шесть ящиков.

Эномото продолжает свою речь. Ёнэкидзу кивает, о чем-то переспрашивает и снова начинает переводить.

– Господин де Зут, настоятель Эномото отправить на ваш частный счет в казначействе шестьсот тридцать шесть кобан. Писец из управа делать запись об уплата в книга Компании. Когда вы убедитесь, что все в порядке, его люди забрать шесть ящиков ртути из пакгауз Эйк.

Невероятная скорость!

– Разве ваша милость не хочет сперва посмотреть товар?

– А-а, – вмешивается Гроте, – господин де З. у нас такой занятой парень... Я позволил себе маленькую вольность – одолжил ключ у господина ван К. и показал нашему гостю образчик...

– В самом деле вольность, – говорит Якоб. – И немаленькая.

– Сто шесть за ящик, – вздыхает Гроте. – Надо было подшустриться, ага?

Настоятель ждет решения.

– Господин Дадзуту, мы сегодня заключаем сделку?

– Он заключит, ваша милость! – заявляет Гроте с акулей улыбкой. – Еще как заключит!

– А как же формальности, – спрашивает Якоб, – документы о продаже, мзда?..

Эномото отмахивается, словно от комара.

– Я же говорю! – Гроте сияет улыбкой святоши. – Весьма высокопоставленное лицо!

– В таком случае... – У Якоба уже не осталось возражений. – Да, ваша милость. Сделка состоится.

Ари Гроте вздыхает так, будто с плеч свалилась вся тяжесть мира.

Настоятель хладнокровно произносит короткую фразу по-японски.

– «Что не продать сегодня, – переводит Ёнэкидзу, – вы продать скоро».

– Значит, господин настоятель знает меня лучше, чем я сам, – с вызовом отвечает Якоб.

– Сродство. – Все-таки последнее слово остается за настоятелем.

Он кивает Косути и Ёнэкидзу и вместе со свитой удаляется прочь.

– Вылезай, Вех, уже можно.

Якоб ощущает смутное беспокойство, хоть ему и предстоит сегодня лечь в постель намного более богатым, чем утром, когда он выпал из нее при начале землетрясения. «Если только, – напоминает он себе, – господин настоятель Эномото сдержит свое слово».

* * *

Господин настоятель Эномото сдержал слово. В половине третьего Якоб выходит из дома управляющего факторией, держа в руках документ, удостоверяющий оплату, за подписями Ворстенбоса и ван Клефа. Деньги по нему можно получить в Батавии или даже в зеландской конторе Компании, в городе Флиссинген на острове Валхерен. Сумма равна жалованью Якоба за пять-шесть лет на прежней должности экспедитора в торговой конторе. Дядин друг в Батавии дал денег на покупку медицинской ртути – и нужно с ним расплатиться. Самый удачный ход в моей жизни, думает Якоб. Ари Гроде наверняка тоже в убытке не остался. По любым меркам сделка с загадочным настоятелем выгодна необычайно. «А за оставшиеся два ящика, – предвкушает Якоб, – другие торговцы еще дороже заплатят, когда увидят, как прибыльно Эномото этой ртутью распорядится». В следующем году к Рождеству он уже вернется в Батавию вместе с Унико Ворстенбосом, чья звезда разгорится еще ярче после блистательной расправы с печально известными злоупотреблениями на Дэдзиме. Можно будет попросить совета у Звардекроне или у коллег Ворстенбоса и вложить вырученные за ртуть деньги с еще большим размахом – например, в кофе или тиковое дерево – и обеспечить себе такой доход, что произведет впечатление даже на отца Анны.

Когда Якоб возвращается на Длинную улицу, Хандзабуро как раз покидает здание Гильдии переводчиков. Якоб заходит в Высокий дом – убрать в сундук драгоценную бумагу. Поколебавшись, вынимает из сундука и кладет в карман веер с планками из древесины павлонии. Затем спешит на Весовой двор – там сегодня взвешивают свинцовые болванки и проверяют на отсутствие посторонних примесей, прежде чем снова разложить по ящикам и опечатать. От жары клонит в сон даже под навесом, но нужно бдительно присматривать за весами, за грузчиками и за ящиками.

– Как мило, что вы соизволили явиться на свое дежурство! – говорит Петер Фишер.

Все уже знают, что писарь с выгодой продал ртуть.

Якоб не может придумать подходящего ответа и молча берет листок с описью товара.

Переводчик Ёнэкидзу наблюдает под соседним навесом. Работа идет медленно.

Якоб думает об Анне – старается вспоминать ее настоящую, а не свои наброски в альбоме.

Загорелые грузчики-японцы отдирают приколотенные гвоздями крышки ящиков.

«Богатство приближает наше с ней общее будущее, – думает Якоб, – а все-таки пять лет – такой долгий срок...»

Загорелые грузчики прибывают крышки на место.

Якоб то и дело достает из кармана часы. Четыре часа дня минуло.

Еще через какое-то время Хандзабуро без всяких объяснений уходит.

Без четверти пять Петер Фишер говорит:

– Двухсотый ящик.

В одну минуту шестого пожилой торговец падает в обморок от жары.

Посылают за доктором Маринусом. Якоб принимает решение.

– Извините меня на минутку? – спрашивает он Фишера.

Фишер дразняще медленно набивает трубку.

– А долгая у вас минутка? По меркам Ауэханда одна минута – это пятнадцать-двадцать, Барта – больше часа.

Якоб стоит неподвижно; его ноги словно колют иголочками.

- Через десять минут вернусь.
- Так, значит, ваша «одна» на самом деле «десять». В Пруссии благородный человек говорит то, что думает.
- Я пойду, – бормочет Якоб (возможно, вслух), – пока не высказал как раз то самое.

Якоб ждет на оживленном Перекрестке. Мимо снуют работники. Вскоре появляется, прихрамывая, доктор Маринус. Двое переводчиков тащат за ним шкатулку с медицинскими инструментами, чтобы оказать помощь свалившемуся в обморок торговцу. Доктор видит Якоба, но не приветствует. Якоба это устраивает как нельзя лучше. Вонючий дым, выходящий из пищевода в конце эксперимента, излечил его от всякого желания подружиться с Маринусом. После пережитого в тот день унижения он старается избегать барышню Аибагаву: разве может она, да и другие студиозусы, видеть в нем нечто иное, кроме как полуголый аппарат из кишечных трубок и жировых клапанов?

«Однако шестьсот тридцать шесть кобанов, – думает Якоб, – недурно помогают восстановить самоуважение...»

Студиозусы покидают больницу. Якоб так и предполагал, что лекцию сократят, поскольку Маринуса вызвали к пациенту. Барышня Аибагава идет позади всех, прикрываясь зонтиком. Якоб отступает вглубь Костяного переулка, будто бы направляясь к пакгаузу Лели.

«Я всего лишь, – уверяет он сам себя, – возвращаю потерянную вещь владельце».

Четверо молодых людей, двое стражников и акушерка сворачивают в Короткую улицу.

Якоб трусит; вновь набирается храбрости и следует за ними.

– Прошу прощения!

Свита оборачивается. На миг он встречается взглядами с барышней Аибагавой.

Старший студент, Мурамото, делает пару шагов назад, чтобы поздороваться:

– Домбужецу-сан!

Якоб снимает бамбуковую шляпу:

– Снова жаркий день, господин Мурамото.

Японец доволен, что Якоб запомнил его имя. Прочие студенты тоже кланяются.

– Жарко, жарко, – соглашаются они хором. – Жарко!

Якоб кланяется акушерке:

– Добрый день, барышня Аибагава.

– Как поживать, – ее глаза искрятся весельем, – печень господин Домбуржец?

– Спасибо, сегодня гораздо лучше. – Он едва не поперхнулся. – Большое спасибо.

– Ах, – с деланой серьезностью говорит Икэмацу, – а как ваша ин-тус-су-сцеп-ция?

– Доктор Маринус излечил ее как по волшебству. Что вы сегодня изучали?

– *Тя-хоту-ка*, – отвечает Кадзиваки. – Когда кашлять кровь из легких.

Со стороны Сухопутных ворот приближается инспектор: кто-то из стражников наябедничал.

– Прошу прощения, господин, – произносит Мурамото. – Он сказать: мы должны уходить.

– Да-да, не буду вас задерживать. Я только хотел вернуть вот это... – Он достает из кармана веер. – Барышня Аибагава сегодня в больнице забыла.

В ее глазах мелькает испуг: «Что вы делаете?»

Храбрость Якоба испаряется.

– Вы забыли веер в больнице у доктора Маринуса.

Подходит инспектор и, мрачно глядя исподлобья, что-то говорит Мурамото.

Мурамото переводит:

– Инспектор желает знать, что есть это, господин Домбужецу.

– Скажите ему... – Все это – ужасная ошибка. – Барышня Аибагава забыла веер.

Инспектор, недовольно рявкнув, протягивает руку за веером, точно учитель – за ученической тетрадкой.

– Он говорит: «Показать пожалуйста», господин Домбужецу, – объясняет Икэмацу. – Проверить.

«Если я подчинюсь приказу, – соображает Якоб, – вся Дэдзима и весь Нагасаки узнают, что я нарисовал ее портрет, разрезал на полоски и наклеил на планки веера». Всего лишь дружеский знак уважения, но его могут неправильно истолковать. Даже целый скандал устроить.

Пальцы инспектора трудятся над тугой застежкой веера.

Якоб, заранее краснея, молится: хоть бы обошлось.

Барышня Аибагава что-то тихо говорит инспектору.

Инспектор смотрит на нее. Угрюмое лицо чуть-чуть смягчается...

...Насмешливо фыркнув, инспектор отдает ей веер. Она слегка кланяется в ответ.

Якоб переводит дух, сознавая, что спасся чудом.

* * *

Блистающая огнями ночь охрипла от шумного веселья – на берегу и на Дэдземе, чтобы и памяти не осталось об утреннем землетрясении. На главных улицах Нагасаки развешаны бумажные фонарики. Спонтанно сложившиеся компании пьянствуют в доме коменданта Косуги, у ван Клефа, в Гильдии переводчиков и даже в караулке у Сухопутных ворот. Якоб и Огава Удзаэмон встретились на Дозорной башне. Огава привел с собой инспектора, чтобы не обвинили, будто он якшается с чужестранцами, но тот был уже пьян и, добавив еще одну фляжку сакэ, немедленно захрапел. Чуть ниже, на лесенке, сидят Хандзабуро и очередной затюканный переводчик Ауэханда. «Я излечился от герпеса», – хвастался Ауэханд на вечернем сборе.

Отяжелевшая Луна села на мель на горе Инаса. Якоб радуется прохладному ветерку, и не важно, что ветер несет гарью и сточными водами.

– Что это за скопление огоньков? – спрашивает Якоб. – Там, на склоне над городом?

– Там тоже празднуют *О-бон*... Как назвать? Такое место, где хоронить много покойник.

– Кладбище? Неужели вы празднуете на кладбищах?

Якоб представляет себе гавот на домбуржском кладбище и еле сдерживает смех.

– Кладбище – ворота мертвых, – говорит Огава. – Хорошее место, чтобы призвать души в мир живых. Завтра вечером в море плыть огненные лодочки, провожать души домой.

На «Шенандоа» дежурный офицер бьет четыре склянки.

– И вы правда верите, – удивляется Якоб, – что души путешествуют таким образом?

– Господин де Зут не верить в то, что ему рассказать в детстве?

«Но моя-то вера – истинная, – с жалостью думает Якоб, – а ваша – идолопоклонничество».

У Сухопутных ворот офицер грубо отчитывает рядового.

«Я служащий Компании, – напоминает себе Якоб, – а не миссионер».

– Давайте лучше... – Огава достает из рукава фарфоровую бутылочку.

У Якоба уже шумит в голове.

– Сколько у вас их еще припрятано?

– Я не на дежурстве... – Огава подливает в чашки. – Поэтому выпьем за вашу выгодную сделку.

Якоба греет мысль о деньгах. Греет и сакэ, бегущее по пищеводу.

– Хоть кто-нибудь в Нагасаки еще не знает, сколько я выручил за ртуть?

На том берегу залива, в китайской фактории, взрываются фейерверки.

– Есть один монах, в пещере на самая-самая очень высокая гора. – Огава тычет пальцем вверх. – Он еще не слышал. Но если говорить серьезно. Цена расти, это хорошо, но продайте последний ртуть господин настоятель Энмото, не другой человек. Пожалуста! Он опасный враг.

– Ари Гроте тоже с большой опаской относится к его милости.

Ветер приносит запах китайского пороха.

– Господин Гроте очень мудрый. Владения настоятеля невелики, но он... – Огава колеблется. – У него много власть. Есть храм в Кёга, дом здесь, в Нагасаки, дом в Мияко. В Эдо он гость Мацудайра Саданобу. Саданобу-сама – большая власть... Как у вас называть, «создатель королей»? Близкий друг, такой как Энмото, тоже большая власть. Нехороший враг. Не забывать, пожалуйста.

– Конечно, будучи голландцем, – Якоб делает глоток, – я защищен от всяких «нехороших врагов».

Огава молчит, и голландец уже не так уверен.

Вдоль береговой линии, до самого устья залива, мигают огоньки.

Интересно, понравился барышне Аибагаве разрисованный веер?

На крыше дома ван Клефа кошки устроили бурное свидание.

Якоб разглядывает крыши, сплошь усеявшие горный склон. Которая из них – от ее дома?

– Господин Огава, как в Японии делают предложение даме?

Переводчик расширяет:

– Господин де Зут хочет «смазать маслом свой артишок»?

Якоб давится сакэ.

Огава встревожен:

– Я делать ошибка в голландском?

– Это капитан Лейси так обогатил ваш словарный запас?

– Он давать урок для я и переводчик Ивасэ, тема «Так разговаривают благородные люди».

Якоб предпочитает не задерживать на этом внимания.

– А когда вы сватались к своей жене – вы спросили разрешения у ее отца? Или подарили ей кольцо? Или цветы? Или?..

Огава вновь наполняет чашки.

– Я увидеть своя жена только в день свадьбы. *Накодо* устроить женитьба... Как сказать «накодо»? Женщина, кто знает обе семья, кто хотеть жениться...

– Любопытная проныра? Ах, простите: сваха, посредница.

– Смешное слово – «посредница». Посередине между две семьи, ходить *ати-котти*, туда-сюда. – Огава показывает рукой движение челнока. – Рассказать мой отец все про невеста. Ее отец – богатый, торговать красное дерево в Карацу, три дня пути отсюда. Мы навести справки о семья... Нет ли безумцы, тайные долги и прочее. Отец невеста приехать в Нагасаки, встретиться с Огава из Нагасаки. Торговцы рангом ниже самураев, но... – Ладони Огавы изображают чаши весов. – Имущество Огава надежное, а еще мы ведем торговля через Дэдзима. Отец дает согласие. В день свадьба мы встретиться в храме.

Луна отцепилась от горы Инаса и пускается в плавание по небу.

– А как же, – спрашивает Якоб с навеянной сакэ искренностью, – как же любовь?

– У нас говорить: «Когда муж любить жена, свекровь терять своя лучшая служанка».

– Печальная пословица! Разве сердце не жаждет любви?

– Да, господин де Зут сказать верно: любовь жить в сердце. Любовь как сакэ: ночью радость, но холодным утром – живот болеть и голова. Мужчина должен любить наложница, чтобы когда любовь умирать, он говорить «до свидания», и никто не в обиде. Женитьба – дело другое. Тут не сердце, а головой думать. Чины... Имущество... Род... В Голландии не так?

Якоб вспоминает отца Анны.

– Увы, точно так же.

Падучая звезда вспыхивает и сразу гаснет. Ее жизнь длится одно мгновение.

– Господин Огава, я вас не отвлекаю от встречи с предками?

– Отец сегодня проводит церемонию у нас дома.

В Сосновом уголке громко мычит корова, напуганная фейерверком.

– Сказать откровенно, – произносит Огава, – мои предки по крови не здесь. Я родился на Сикоку, в княжестве Тоса. Сикоку есть большой остров, там... – Огава показывает на восток. – Отец – низкого ранга вассал даймё Яманоути. Господин даймё дать мне обучение и отправить в Нагасаки, для изучения голландский в доме Огава Мимасаку, строить мостик между Тоса и Дэдзима. Потом старый господин Яманоути умирать. Сын не имеет интерес в голландский учение. И вот я, как у вас говорят, – «на мели»? Потом, десять лет назад, у Огава Мимасаку два сына умирать от холера. Тогда в городе много-много смерть. Потому Огава Мимасаку меня усыновить, чтобы передать фамилию...

– А как же ваши родные отец с матерью – там, на Сикоку?

– Пословица говорить: «Усыновлен – возврат нету». Поэтому я не возвратиться.

– А вы... – Якоб вспоминает свое горе после потери родителей. – Не скучаете по ним?

– Я получить новое имя, новая жизнь, новый отец и мать, новые предки.

«Кажется, японцы обожают упиваться собственными несчастьями, которые сами же себе и причиняют?» – думает Якоб.

– Занятия голландским, – говорит Огава, – большое... утешение. Это правильное слово?

– Да, и вы так бегло разговариваете. – Похвала де Зута непритворна. – Сразу видно, что вы усердно работаете над своими знаниями.

– Изучать язык трудно. Купцы, чиновники, стража не понимать. Они думать: «Я делать моя работа; почему ленивый глупый переводчик не может так?»

– Я, когда только учился, – Якоб вытягивает затекшие ноги, – работал в компании, торгующей лесом. В разных портовых городах – не только в Роттердаме, но и в Лондоне, Париже, Копенгагене и Гётеборге. Я знаю, как сложно освоить незнакомый язык. Только, в отличие от вас, мне в помощь были словари и целое сонмище учителей-французов.

– Ах... – Вдох Огавы исполнен тоски. – Столько разных городов, и вы везде можете побывать...

– В Европе – да, а здесь – ни на шаг за Сухопутные ворота.

– Но господин де Зут может выйти через Морские ворота и вдаль, за океан. А я... Все японцы... – Огава прислушивается, как заговорщически перешептываются Хандзабуро с приятелем. – Пожизненно в тюрьме. Кто задумал уехать – казнь. Кто уехать и вернуться из чужие страны – казнь. Моя самая дорогая мечта – один год в Батавии. Говорить по-голландски... Есть по-голландски, пить, спать по-голландски. Всего один год...

Такие мысли Якобу внове.

– Вы помните, как впервые посетили Дэдзиму?

– Очень хорошо помнить! Раньше еще, как Огава Мимасаку меня усыновить. Однажды учитель сообщить: «Сегодня мы побывать на Дэдзима». Я... – Огава хватается за сердце и изображает на лице священный восторг. – Мы перейти через Голландский мост, и учитель сказать: «Это самый длинный мост на свете, потому что это есть мост между двух миров». Мы пройти в Сухопутные ворота, и я увидеть настоящий великан из сказка! Нос большой, как картошка! На одежде нет завязок, только пуговицы, пуговицы, а волос желтый, как солома! И пахнуть плохо. Еще чудо: я первый раз увидеть *куронбо* – черные молодцы, кожа как баклажан. Потом чужестранец открыть рот и сказать: «Шффгг-эвинген-флидер-васхен-моргенген!» И это тот голландский, что я так усердно учить? Я только кланяться и кланяться, а учитель дать мне подзатыльник и приказать: «Назови себя, глупый *бака*!» Тогда я сказать: «Мое имя Содзаэмон *дегодзаимасу*, хороший погода сегодня, большой спасибо, минеер». Желтый великан смеяться

и сказать: «Ксссфффк схевинген-певинген!» И показать на удивительный белый птица, который ходить как человек и такой высокий, как человек. Учитель сказать: «Это страус». Потом еще чудо – зверь большой как дом, загородить солнце; *нёро-нёро*, нос, окунать в ведро, и пить, и брызгать водой! Учитель Огава сказать: «Слон», – а я сказать: «Дзо?» – а учитель сказать: «Нет, глупый *бака*, это слон». Еще мы видеть какаду в клетке, и попугай, который повторять слова, и странный игра с палки и шары на столе со стенами, называть «бильярд». На земле тут и там лежать кровавый плевки – слуги-малайцы жевать бетель и плевать.

Якоб не может сдержать любопытства:

– Откуда на Дэдземе взялся слон?

– Из Батавия прислать подарок для сёгуна. Но градоправитель отправить письмо в Эдо, что слон есть много пищи. В Эдо посоветоваться и решить: нет, пусть Компания забирать слон обратно. Скоро слон умирать от загадочный болезнь...

На лестнице Дозорной башни простучали быстрые шаги: бежит посланец.

По ответу Хандзабуро понятно, что тот принес дурные вести.

– Надо идти, – говорит Огава. – В дом управляющий Ворстенбос залезть воры.

* * *

– Окованный железом сундук унести не смогли, слишком тяжелый. – Унико Ворстенбос обводит рукой комнату, куда набилась толпа слушателей. – Грабители его только сдвинули и проломили заднюю стенку долотом и молотком.

Он отколупывает щепку тикового дерева.

– Через дыру вытащили добычу и удрали. Это не случайные воришки. У них были с собой инструменты. Они точно знали, что ищут. У них были здесь наводчики, да и мастерства хватило вскрыть сундук совершенно бесшумно. И у Сухопутных ворот их не задержали, пропустили без вопросов. Короче говоря... – управляющий гневно смотрит на переводчика Кобаяси, – им помогли.

Комендант Косуги задает вопрос.

– Начальник спрашивать, – переводит Ивасэ, – когда вы видеть чайник в последний раз?

– Сегодня утром. Купидон проверил, не пострадал ли фарфор во время землетрясения.

Комендант с усталым вздохом что-то коротко произносит.

– Комендант говорить, – переводит Ивасэ, – раб видеть чайник последний на Дэдзима.

– Последними его видели воры! – кричит Ворстенбос.

Кобаяси рассудительно склоняет голову к плечу:

– Сколько стоит чайник?

– Тончайшая работа, нефрит с серебряным узором – другого такого и за тысячу кобанов не купишь. Вы сами его видели. Чайник принадлежал последнему китайскому императору из династии Мин – кажется, время его правления называют «Чунчжэнь». Это бесценное произведение древнего искусства, и проклятые воры явно об этом от кого-то узнали.

– Император Чунчжэнь, – замечает Кобаяси, – повесился на дереве софора.

– Вас не ради лекции по истории сюда вызвали, господин переводчик!

– Я искренне надеяться, – поясняет Кобаяси, – что на чайнике нет проклятие.

– Еще какое проклятие – для тех мерзавцев, что его украли! Владелец чайника – не Унико Ворстенбос, а Объединенная Ост-Индская компания, она и стала жертвой преступления. Вы, господин переводчик, сейчас же отправитесь к градоправителю вместе с комендантом Косуги.

– Городская управа сегодня закрыта. – Кобаяси заламывает руки. – На праздник О-бон.

– Значит, придется ее открыть! – Управляющий стучит по столу тростью.

Выражение на лицах японцев хорошо знакомо Якобу: «Эти невозможные иностранцы!»

– Позвольте сказать, минеер! – подает голос Петер Фишер. – Не потребовать ли вам, чтобы позволили провести обыск японских пакгаузов на Дэдзиме? Возможно, хитрецы намерены переждать, пока шум не затихнет, а потом потихоньку вывезти ваше сокровище.

– Отличная мысль, Фишер! – Управляющий смотрит на Кобаяси. – Передайте коменданту!

Переводчик упрямо клонит голову набок:

– У нас нет такой обычай...

– К черту обычаи! Сейчас я – ваш обычай! А вам, господин хороший... – Ворстенбос тычет пальцем в грудь японца; Якоб готов прозакладывать пачку ассигнаций, что никто и никогда не позволял себе тыкать в Кобаяси. – Вам платят, и щедро платят, чтобы вы *защищали* наши интересы! Вот и выполняйте свою работу! Какой-нибудь кули, торговец или инспектор, а может быть, даже и переводчик, похитил собственность Компании. Это оскорбление! Задета честь Компании. Чтоб меня черти взяли, я добьюсь обыска и в Гильдии переводчиков! Преступников загонят, как свиней! Они у нас поверещат, голубчики. Де Зут, ступайте, скажите Ари Гроде, пусть сделает побольше кофе. Нам еще долго спать не придется...

VIII. Парадный кабинет в доме управляющего факторией на Дэдзиме Десять часов утра, 3 сентября 1799 г.

– Письмо сёгуна в ответ на мой ультиматум адресовано мне! – жалуется Ворстенбос. – Почему скрученный в трубку лист бумаги должен сперва, как почетный гость, переночевать в городской управе? Если его доставили вчера вечером, почему не принесли сразу сюда?

«Потому что послание от сёгуна, – думает Якоб, – все равно что папский эдикт и принять его без должных почестей значило бы совершить государственную измену».

Однако вслух секретарь ничего не говорит; в последнее время отношение к нему управляющего стало заметно прохладней. Ничего бросающегося в глаза: тут – одобрительное словечко Петеру Фишеру, там – резкое замечание Якобу. А в целом недавно еще «незаменимый де Зут» опасается, что его нимб слегка потускнел.

Ван Клеф тоже не делает попытки ответить на вопрос управляющего; он давно освоил умение, присущее царедворцам, – отличать риторические вопросы от настоящих. Капитан Лейси откинулся на скрипучем стуле, заведя руки за голову, и тихонечко насвистывает сквозь зубы. С другой стороны стола сидят японцы: переводчики Кобаяси и Ивасэ, а при них двое старших писцов.

– Казначей городской управы, – подает голос Ивасэ, – приносить письмо сёгуна очень скоро.

Унико Ворстенбос, хмурясь, рассматривает золотое кольцо с печаткой у себя на безымянном пальце.

– Что говорил Вильгельм Молчаливый о своем прозвище? – вслух интересуется Лейси.

Все молчат. Громко и торжественно тикают напольные часы. Жара.

– Небо сегодня... – замечает переводчик Кобаяси. – Переменчивое.

– Барометр у меня в каюте обещает шторм, – поддерживает его Лейси.

Кобаяси выражает лицом учтивое недоумение.

– «Шторм» – так моряки называют бурю, – поясняет ван Клеф. – Ураган, тайфун.

– А-а! – догадывается Ивасэ. – «Тайфун»... У нас говорить – *тай-фу*.

Кобаяси утирает бритый лоб:

– Легу конец.

– Это Дэдзиме придет конец, если сёгун не согласится увеличить квоту на медь. – Управляющий скрещивает руки на груди. – И Дэдзиме, и благополучной карьере переводчиков. Кстати, господин Кобаяси, я правильно понимаю: судя по вашему упорному молчанию насчет украденного чайничка, вы ни на шаг не продвинулись в розыске?

– Следствие движется, – отвечает старший переводчик.

– Со скоростью улитки, – недовольно бурчит Ворстенбос. – Даже если мы все-таки остаемся на Дэдзиме, я непременно сообщу генерал-губернатору ван Оверстратену, как здесь наплевательски относятся к собственности Компании.

Тонкий слух Якоба улавливает приближающиеся шаги; уже и ван Клеф их услышал.

Помощник управляющего подходит к окну. Смотрит вниз, на Длинную улицу:

– Ага, наконец-то!

Двое стражников становятся по обе стороны дверей. Первым входит знаменосец; на стяге изображены три листика мальвы – символ сёгуната Токугава. Следом появляется камергер Томинэ, держа на изысканном лакированном подносе высочайшее послание. Все присутствующие кланяются свитку, за исключением Ворстенбоса, а он говорит:

– Ну входите, господин камергер, присаживайтесь и расскажите нам, что пишет из Эдо его высочество. Он решил прикончить этот проклятый островок, чтобы не мучился?

Якоб замечает, как японцы чуть заметно морщатся.

Ивасэ переводит только «прошу садиться» и указывает на стул.

Томинэ смотрит на чужеземную мебель с неприязнью, но выбирать не приходится.

Он ставит поднос перед Кобаяси и церемонно кланяется.

Кобаяси в свою очередь кланяется камергеру, затем футляру со свитком и пододвигает поднос к управляющему.

Ворстенбос берет футляр в форме цилиндра, с тем же знаком трилистника на торце, и пробует открыть. Футляр не открывается. Ворстенбос пытается отвинтить крышку – снова неудача. Он ищет некую хитрую застежку.

– Прошу прощения, минеер, – шепчет Якоб. – Возможно, он открывается по часовой стрелке.

– Ох, конечно, в этой чертовой стране все шиворот-навыворот...

Из цилиндра выскальзывает пергаментный свиток, туго намотанный на два стержня вишневого дерева.

Унико Ворстенбос раскатывает свиток на столе – вертикально, как принято в Европе.

Якобу хорошо видно текст. Столбцы затейливо нарисованных кистью иероглифов-кандзи местами кажутся знакомыми: занятия голландским с Огавой Удзаэмоном производят и обратное действие, и в тетради Якоба накопилось уже почти пять сотен значков. Подпольный студент различает здесь – «дать», там – «Эдо», в следующем столбце – «десять»...

– Само собой, – вздыхает Ворстенбос, – при дворе сёгуна никто не пишет по-голландски. Вы, чудо-переводчики, подсобите, будьте так любезны!

Часы отсчитывают минуту... две... три...

Взгляд Кобаяси бежит по столбцам свитка.

«Он тянет время, – думает Якоб. – Не такой уж трудный текст и совсем не длинный».

Переводчик читает с торжественным и важным видом, то и дело глубокомысленно кивая.

Где-то в глубине дома слуги занимаются своей работой.

Ворстенбос не показывает нетерпения – не хочет доставить Кобаяси такого удовольствия.

Кобаяси загадочно перхает, наконец открывает рот...

– Я перечитать еще раз, чтобы наверняка без ошибки.

«Если бы взгляды могли убивать, – думает Якоб, наблюдая за Ворстенбосом, – Кобаяси уже корчился бы в предсмертной агонии».

Проходит минута. Ворстенбос велит рабу Филандеру принести воды.

Якоб через стол вглядывается в послание сёгуна.

Проходят две минуты. Филандер возвращается с кувшином.

Кобаяси оборачивается к своему коллеге:

– Как сказать по-голландски *родзю*?

Ивасэ надолго задумывается и наконец отвечает длинной фразой, в которой можно разобрать слова «премьер-министр».

– Тогда, – объявляет Кобаяси, – я готов переводить.

Якоб окунает в чернильницу остро заточенное перо.

– В послании говорить: «Премьер-министр сёгуна передать самые сердечнейшие пожелания генерал-губернатор ван Оверстратен и главный голландец на Дэдзима Ворстенбос. Премьер-министр просить... – переводчик пристально смотрит в свиток, – одна тысяча веер из лучший павлиний перья. Чтобы голландский корабль доставить заказ, когда возвращаться в Батавия, и тогда павлиний веер прибыть через год, к следующий торговый сезон».

Перо Якоба скрипит, выводя краткое содержание сказанного.

Капитан Лейси громко рыгает.

– К завтраку были устрицы... Не первой молодости...

Кобаяси переводит взгляд на Ворстенбоса, как бы ожидая его ответа.

Ворстенбос залпом осушает стакан с водой.

– Вы мне про медь излагайте!

Кобаяси с невинной дерзостью хлопает глазами:

– Господин управляющий, про медь в письме ничего нет.

– Вы мне еще скажете... – у Ворстенбоса на виске бьется жилка, – что это и есть все послание?

– Нет... – Кобаяси вперяет взор в левый столбец свитка. – Еще премьер-министр выражать надежда, что осень в Нагасаки будет ясная и зима не слишком морозная. Но я подумать, это к делу не относится.

– Одна тысяча вееров из павлиньих перьев! – Ван Клеф присвистывает.

– Лучший павлиний перья, – нимало не смущаясь, уточняет Кобаяси.

– У нас в Чарльстоне, – замечает капитан Лейси, – это называли «письмо попрошайки».

– У нас в Нагасаки, – произносит Ивасэ, – это называть «приказ сёгуна».

– Они там в Эдо, сукины дети, – вскипает Ворстенбос, – издеваются над нами, что ли?

– Хорошая новость, – утешает Кобаяси. – Совет старейшин продолжать обсуждение по меди. Не сказать «нет» – уже наполовину сказать «да».

– «Шенандоа» отплывает через семь-восемь недель.

– Квота на медь... – Кобаяси поджмает губы. – Сложный вопрос.

– Напротив, проще некуда. Если двадцать тысяч пикулей меди не прибудут на Дэдзиму к середине октября, мы закроем вашей непросвещенной стране единственное окно во внешний мир. Или в Эдо вообразили, будто генерал-губернатор блефует? Может, они думают, я сам написал этот ультиматум?

Кобаяси пожимает плечами, как бы говоря: «От меня тут ничего не зависит...»

Якоб, задержав руку с пером, изучает послание от премьер-министра.

– Как ответить Эдо по вопросу павлиний веер? – спрашивает Ивасэ. – Если «да», это может помочь с вопрос квота...

– Почему мои обращения должны ждать до скончания века, – вопрошает Ворстенбос, – а когда что-то нужно двору, требуется действовать, – он щелкает пальцами, – вот так? Этот министр, случайно, не перепутал павлинов с голубями? Может, высочайшему взору приятней будет парочка ветряных мельниц?

– Довольно будет павлиний веер, – отвечает Кобаяси. – Достойный знак уважений для первый министр.

– Мне уже поперек горла все эти «знаки уважения»! – Ворстенбос обращает свой вопль к небесам. – В понедельник мы слышим: «Уборщик помета за соколом градоправителя желает получить штуку бангалорского коленкора»; в среду: «Сторожу обезьяны городских старейшин требуется ящик гвоздики»; в пятницу: «Господин Такой-то из Такого-то уезда в восторге от ваших вилок с костяными рукоятками, а он могущественный союзник для чужестранцев» – опля, и мне уже приходится есть щербатой оловянной ложкой! А как только нам нужна помощь, где все эти «могущественные союзники»? Куда подевались?

Кобаяси смакует свою победу под криво сидящей маской сочувствия.

Удержаться невозможно, и Якоб решает рискнуть:

– Господин Кобаяси?

Старший переводчик смотрит на секретаря не вполне ясного ранга.

– Господин Кобаяси, у нас недавно был один случай, когда обсуждали продажу черного перца горошком...

– Черт возьми! – вмешивается Ворстенбос. – Мы говорим о меди, при чем тут перец горошком?!

– *Je vous prie de m'excuser, Monsieur*, – успокаивает Якоб начальство, – *mais je crois savoir se que je fais*.

– *Je prie Dieu que vous savez*, – с угрозой отвечает управляющий. – *Le jour a déjà bien mal commence sans pour cela y ajouter votre aide*¹³.

– Понимаете, – продолжает Якоб, доверительно обращаясь к Кобаяси, – мы с господином Ауэхандом засомневались, верно ли купец изобразил китайский иероглиф... Кажется, их называют *кандзи*?

– *Кандзи*, – поправляет Кобаяси.

– Прошу прощения, *кандзи*, обозначающий число «десять». В Батавии я немного учился у китайского торговца и – быть может, неразумно – положился на свои скудные знания, вместо того чтобы вызвать переводчика. Разгорелся спор и, боюсь, против вашего соотечественника выдвинули обвинение в нечестности.

– О каком *кандзи* спор? – спрашивает Кобаяси, предчувствуя новое посрамление голландцев.

– Тут, видите ли... Господин Ауэханд сказал, что *кандзи* для числа «десять» пишется так...

Всячески подчеркивая свое неумение, Якоб чертит на промокашке знак.

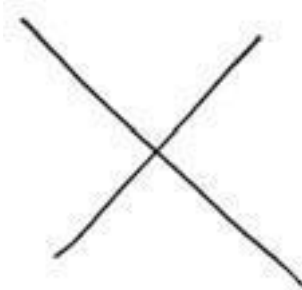

– Я же возразил Ауэханду, говоря, что правильное обозначение числа «десять» вот такое...

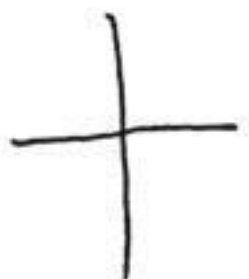
¹³ «Простите, минеер. Думаю, я знаю, что делаю». – «Дай-то бог. День и без того паршиво начинается, не хватало, чтоб еще и вы руку приложили» (*фр.*).

Якоб нарочно нарушает порядок написания черточек, преувеличивая свою неловкость.
– Купец клялся, что мы оба не правы. Он нарисовал крест – по-моему, такой...

– Я был убежден, что купец плутует. Об этом и заявил вслух. Не мог бы господин переводчик Кобаяси объяснить, в чем правда?

– Господин Ауэханд, – Кобаяси указывает на верхний символ, – написать не «десять», а «тысяча». У господин де Зут число тоже неправильное – это значит «сто». Вот это, – он указывает на косой крестик, – неверно запомнить. Купец написать другое... – Кобаяси берет у писца кисть. – Вот это «десять». Две черты, но один сверху вниз, один вбок...

Якоб с досадливым вздохом приписывает возле каждого значка цифры: 10, 100 и 1000.

– Так правильно?

Осторожный Кобаяси еще раз окидывает числа взглядом и кивает.

– Искренне благодарю господина старшего переводчика за наставления, – кланяется Якоб.

Переводчик обмахивается веером.

– Больше нет вопросы?

– Всего один, – отвечает Якоб. – Почему вы утверждаете, что первый министр сёгуна требует от нас *тысячу* вееров из павлиньих перьев, когда, по вашим же высокоученым объяснениям, речь идет о куда более скромном числе – о числе «сто»?

Все взгляды следуют за пальцем Якоба, упирающемся в свиток, где изображен соответствующий иероглиф.

Наступившая ужасная тишина весьма красноречива, и Якоб мысленно возносит хвалу Господу.

– Тра-ля-ляшечки! – комментирует капитан Лейси. – Молочко-то убежало!

Кобаяси хватается за свиток:

– Послание сёгуна не для глаз писца!

– Что верно, то верно! – сейчас же бросается в бой Ворстенбос. – Это послание для моих глаз, господин переводчик! Моих! Господин Ивасэ, переведите-ка вы, чтобы мы наконец точно узнали, что на самом деле требуется: одна тысяча вееров или же сто вееров – для Совета старейшин и девятьсот – господину Кобаяси и его друзьям? Только вначале, господин Ивасэ, освежите мою память: какое наказание положено за умышленное искажение приказа сёгуна?

* * *

Когда до четырех часов дня остается ровно четыре минуты, Якоб за своим рабочим столом в пакгаузе Эйк прикладывает к исписанной странице лист промокательной бумаги. Выпивает очередную чашку воды – вся она позже выйдет вместе с потом. Затем, отложив промокашку в сторону, читает заголовок: «Приложение 16: истинное количество лакированных изделий, вывезенных с Дэдзимы в Батавию и не заявленных в сопроводительных документах, с 1793 по 1799 год».

Якоб закрывает черную папку, завязывает шнурки и убирает папку в портфель.

– Хандзабуро, заканчиваем. Управляющий Ворстенбос вызвал меня к четырем на совещание в Парадном кабинете. Отнеси, пожалуйста, эти бумаги в канцелярию, господину Ауэ-ханду.

Хандзабуро вздыхает, берет папку и удаляется, весь в неизбывной тоске.

Якоб выходит следом, запирает за собой дверь пакгауза. В липком парном воздухе летают семена каких-то растений. Обгоревший на солнце голландец вспоминает первые зимние снежинки в родной Зеландии.

«Пойду по Короткой улице, – говорит он сам себе. – Может, увижу *ее*».

Голландский флаг на площади бессильно обвис, редко-редко трепыхнется.

«Если уж надумал изменить Анне, зачем гнаться за недостижимым?»

У Сухопутных ворот чиновник роется в тележке с сеном – ищет контрабанду.

«Прав Маринус – нанял бы себе куртизанку. Деньги теперь есть...»

Якоб доходит до Перекрестка. Там Игнаций подметает улицу.

На вопрос секретаря раб отвечает, что ученики доктора недавно ушли.

«Всего один взгляд – и было бы ясно, понравился ей рисунок или оскорбил».

Якоб стоит там, где, быть может, прошла она. За ним наблюдают двое соглядатаев.

Ближе к дому управляющего к нему подходит Петер Фишер:

– Ну что, я гляжу, ты у нас сегодня на коне? Рад, как кобель, который только что покрыл сучку? – От пруссака несет ромом.

Якоб догадывается, что Фишер намекает на утреннее происшествие с павлиньими веерами.

– Три года в этой богом забытой тюрьме... Сниткер клялся, что, когда он уйдет, я стану помощником ван Клефа! Слово давал! И тут являешься ты со своей чертовой ртутью. Удобно устроился у *этого* за пазухой... – Фишер, пошатываясь, смотрит на дом управляющего. – Не забывай, де Зут, я тебе не какой-нибудь слабак. Я не рядовой писарь! Не забывай...

– Что вы служили стрелком в Суринаме? Вы нам всем каждый день об этом напоминаете.

– Повышение – мое по праву! Перейдешь мне дорогу – я тебе все кости переломая!

– Хорошего вам вечера, господин Фишер. Желаю провести его трезвей, чем были днем.

– Якоб де Зут! Своим врагам я ломаю кости, одну за другой...

Ворстенбос самолично проводит Якоба к себе в кабинет. Давно уже он не проявлял такого радушия.

– Господин ван Клеф рассказывает, вы имели несчастье навлечь на себя неудовольствие господина Фишера.

– Господин Фишер отчего-то вообразил, что я сплю и вижу, как бы ущемить его интересы...

Ван Клеф наливает портвейн благородного рубинового оттенка в три рифленых бокала.

– ...Но возможно, это в нем говорил ром господина Гроте.

– А вот интересы Кобаяси мы сегодня ущемили, ничего не скажешь, – замечает Ворстенбос.

– Сразу хвост поджал, как нашкодившая шавка, – подхватывает ван Клеф.

На крыше шуршат, топочут и кого-то сурово предостерегают птицы.

– Он попался в ловушку собственной жадности, – говорит Якоб. – Я всего лишь... чуть-чуть его подтолкнул.

– Наверняка он сам на это смотрит иначе! – Ван Клеф усмехается себе в бороду.

– Когда я с вами познакомился, де Зут, – начинает Ворстенбос, – я сразу понял: вот честная душа в сплошном болоте, где каждый норовит воткнуть нож в спину. Острое перо среди тупых обломков! Этого человека нужно только слегка направить, и он еще до тридцати станет управляющим! Сегодня ваша находчивость спасла и деньги, и доброе имя Компании. Генерал-губернатор ван Оверстратен узнает об этом, даю вам слово!

Якоб кланяется. «Неужели меня вызвали, чтобы назначить начальником канцелярии?»

– За ваше будущее! – провозглашает управляющий.

Все трое сдвигают бокалы.

«Быть может, все это время его холодность была напускной, – думает Якоб. – Чтобы не обвинили, будто он кого-то выделяет».

– Вот наказание для Кобаяси: придется ему сообщить в Эдо, что не слишком-то умно заказывать поставки у торговой фактории, которая через пятьдесят дней может совсем закрыться из-за нехватки меди, – злорадствует ван Клеф. – Он со страху еще пойдет на уступки.

Свет дробится на подставке настольных часов звездными осколками.

– Де Зут, – уже другим, деловым тоном произносит Ворстенбос, – для вас есть еще одно задание. Господин ван Клеф, объясните, пожалуйста.

Ван Клеф допивает портвейн.

– С утра пораньше, хоть дождь, хоть вёдро, к господину Гроте является посетитель – поставщик провизии. Приходит с полной сумкой, у всех на виду.

– Сумка побольше, чем кисет, – добавляет Ворстенбос, – поменьше, чем наволочка для подушки.

– Через минуту он уходит, с той же сумкой, по-прежнему у всех на виду.

– И что же говорит господин Гроте? – спрашивает Якоб, скрывая разочарование – все-таки прямо сейчас его не повысят.

– Говорит он то, что ему и следует говорить мне или господину ван Клефу, – отвечает Ворстенбос. – Когда-нибудь вы на собственном опыте убедитесь, что высокая должность отделяет от вас подчиненных. Но сегодня вы доказали, вне всякого сомнения, что ваш нос умеет унюхать мошенника. Вы колеблетесь... Вы думаете: «Доносчиков никто не любит», – и это, увы, чистая правда. Но тот, кому судьба предназначила высокий чин, – а мы с ван Клефом предвидим, что ваша судьба, де Зут, именно такова, – тот должен без страха прокладывать себе дорогу локтями. Навестите сегодня вечером господина Гроте...

«Они меня испытывают, – догадывается Якоб. – Проверяют, готов ли я запачкать руки по первому требованию».

– Меня давно уже приглашали присоединиться к карточной игре...

– Видите, ван Клеф? Де Зут никогда не спрашивает: «А надо ли?» – только: «Как осуществить?»

Якоб утешается, представляя себе, как Анна читает известие о его повышении по службе.

* * *

В послеобеденных сумерках над улицей Морской Стены летают стрижи. Неожиданно к Якобу подходит Огава Удзаэмон. По слову переводчика Хандзабуро исчезает. Дойдя с Якобом до группы сосен в дальнем углу, Огава останавливается, дружелюбно здоровается с неизбежным соглядатаем, затаившимся в тени, и чуть слышно произносит:

- В Нагасаки все говорят об это утро. О переводчик Кобаяси и веера.
- Быть может, он теперь не рискнет настолько бесстыдно жульничать.
- Недавно, – продолжает Огава, – я вас предупреждать не делать Эномото свой враг.
- Я очень серьезно отнесся к вашему совету.
- Еще совет. Кобаяси – маленький сёгун. Дэдзима – его империя.
- Значит, мне повезло, что я не завишу от его благосклонности.
- Огава не понимает слово «благосклонность».
- Он сильно вредить де Зут-сан.
- Спасибо за заботу, господин Огава, но я его не боюсь.
- Он может проводить обыск в квартире. – Огава оглядывается. – Для розыск украденный

вещь...

Чайки бранятся вокруг лодки, невидимой за Морской Стеной.

- ...или запрещенный предмет. Если в ваша комната есть такой, – пожалуста, спрятать.
- Но у меня нет ничего такого... предосудительного, – возражает Якоб.

На щеке Огавы дергается мускул.

– Если есть запрещенный *книга*... Прятать. Очень хорошо прятать. Кобаяси хотеть отомстить. Для вас наказание – изгнание. Для переводчик, который обыскивать ваша библиотека по прибытии... не так удачно.

«Я что-то недопонимаю, – догадывается Якоб. – Но что?»

Он уже открывает рот, чтобы задать вопрос, но тут ответ является сам собой.

«Огава знал о Псалтири. С самого начала знал».

– Господин Огава, я непременно последую вашему совету. Сейчас же...

Из Костяного переулочка появляются двое инспекторов. Огава, не говоря ни слова, направляется к ним навстречу. Якоб уходит в другую сторону.

* * *

Когда Кон Туми и Пит Барт встают, их тени, отбрасываемые свечой, скользят по стене. Импровизированный картонный стол сделан из двери, поставленной на четыре ножки. Иво Ост остается сидеть, жуя табак. Вейбо Герритсзон плюет, не особо прицеливаясь, в плевательницу. Ари Гроде любезен, как хорек, приветствующий кролика.

– Мы уже отчаялись! Думали, вы никогда не соберетесь воспользоваться моим приглашением, ага?

Он откупоривает первую из двенадцати бутылей рома, выстроившихся в ряд на грубо сколоченной полке.

- Я давно хотел прийти, – отвечает Якоб, – но работа не давала.
- Наверное, тяжелая работа, – замечает Ост, – гробить репутацию господина Сниткера.
- В самом деле, – парирует Якоб. – Разбирать поддельные записи в бухгалтерских книгах довольно утомительно. Уютно у вас тут, господин Гроде.

– Если бы мне нравилось жить в выгребной яме, – подмигивает Гроде, – я бы так и остался в Энкхейзене, ага?

Якоб берет себе стул и садится.

– Во что играем, господа?

– «Плут и дьявол». Наши, гм, немецкие родичи в нее играют.

– А-а, карнифель! Я немного играл в Копенгагене.

– Удивлен, что вы – и вдруг знакомы с картами, – хмыкает Барт.

– Сыновья и племянники священнослужителей не так наивны, как принято считать.

Гроте берет гвоздь из кучки на столе:

– За каждый вычитается один стювер из нашего жалованья. В начале кона все ставят по одному гвоздю. Семь взяток на круг, и кто заберет больше взяток, получает весь выигрыш. Игра продолжается, пока не закончатся гвозди.

– Но как проследить за тем, чтобы выигрыш выплачивался честно? Ведь жалованье мы получим только в Батавии.

– Тут такой фокус. – Гроте взмахивает листком бумаги. – Здесь все записано, кто у кого что выиграл, а господин ван Клеф вносит поправки прямо в расчетную книгу. В свое время Сниткер дал добро на такую практику. Он понимал, что эти, э-э, маленькие радости помогают людям сохранять бодрость духа и остроту ума.

– Господин Сниткер был на наших вечерах желанным гостем, – говорит Иво Ост. – Пока не лишился свободы.

– Фишер, Ауэханд и Маринус к нам не заглядывают, нос воротят, но вы-то, господин де Зут, видать, веселого нрава...

На полке осталось девять бутылей.

– Так что вот, удрал я от папаши, пока он мне печенку не вырвал, – рассказывает Гроте, поглаживая свои карты. – И побрел в Амстердам, богатства искать да любви невиданной, ага?

Он наливает себе еще стакан рома, цветом как моча.

– Но любовь мне только та повстречалась, за какую наличными вперед платят, а после долго лечатся, а уж о богатстве и говорить нечего. Голод я там нашел, и только. Лед, снег и карманников, что упавшего сожрут, как собаки... Думаю себе: торговля – вот путь к успеху. Потратил все свое «наследство» на тележку с углем – так ее другие угольщики в канал опрокинули и меня следом спихнули. Орут: «Здесь наше место, приبلуда фрисландская! Как захочешь еще искупаться – милости просим!» Получил я от этой ледяной ванны, кроме науки о монополии, жестокую лихорадку. Неделю нос на улицу высунуть не мог, а потом домохозяин меня выставил, под зад коленом. Ботинки дырявые, жрать нечего, разве что вонючий туман плотать. Сижу я на ступеньках у Новой церкви и думаю, не стать ли мне вором, пока еще силы хватает удирать от погони, или замерзнуть насмерть, да и дело с концом...

– Я бы выбрал вором, – говорит Иво. – Тут и думать нечего.

– И тут подходит ко мне дядька – на голове цилиндр, в руках трость с костяным набалдашником, сам такой приветливый. «Мальчик, знаешь, кто я?» – «Не знаю, минеер». А он: «Я – твоя будущность». Я решил, он это в том смысле, что даст мне поесть, если я вступлю в его Церковь. А мне к тому времени так живот подвело, что я за горшок каши иудейскую веру принял бы. Но нет! «Слышал ты, мальчик, о благородной и преуспевающей Объединенной Ост-Индской компании?» – спрашивает. А я ему: «Кто ж не слышал». А он: «Так тебе известно, какие блестящие перспективы открываются крепким и старательным юношам, что служат Компании в ее владениях по всему земному шару, созданному Творцом?» Тут я сообразил наконец. «Известно, минеер, а то как же», – отвечаю. Он мне: «Так вот, я вербовщик из головной конторы в Амстердаме, а звать меня Дюк ван Эйс. Если я тебе предложу полгульдена авансом и жилье со всем довольствием до отплытия в страны таинственного Востока, что скажешь?» А я ему: «Дюк ван Эйс, вы мой спаситель». Господин де З., никак вам наш ром не по вкусу пришелся?

– Он мне желудок насквозь проел, господин Гроте, а в остальном вкус отменный. Гроте выкладывает на стол пятерку бубен; Герритсзон шмякает даму.

– Ату его! – Барт припечатывает к столешнице козырную пятерку и подгребает к себе гвозди.

Якоб сбрасывает карту червей небольшого достоинства.

– Что же ваш спаситель, господин Гроте?

Гроте изучает свои карты.

– Отвел меня этот господин в домишко-развалюху позади тюрьмы Распхёйс. Улочка была убогая и контора обшарпанная, зато тепло и сухо, а на лестнице так славно пахло копченой грудинкой! Я даже спросил, нельзя ли мне ломтик. Ван Эйс засмеялся и говорит: «Распишись вот здесь, мальчик, отправляйся на Восток, и через пять лет сможешь хоть дворец себе построить из копченой свинины!» Я тогда и читать-то не умел, имя свое подписать не мог, поставил просто отпечаток пальца на документе. «Отлично! – говорит ван Эйс. – Вот тебе аванс в счет будущего богатства; я человек слова». Выдал он мне блестящую новенькую монету в полгульдена, и был я такой счастливый, как никогда в жизни. «Остальное тебе заплатят на борту „Адмирала де Рюйтера“, он отплывает тридцатого или тридцать первого. А пока тебя расквартируют вместе с другими крепкими и старательными ребятами, будущими твоими спутниками в плавании и партнерами в преуспевании. Надеюсь, ты не против?» Я не возражал – хоть какая крыша над головой.

Туми выкладывает мелкую бубну. Иво Ост – четверку пик.

– Двое слуг отвели меня вниз. – Гроте вновь изучает доставшиеся ему карты. – У меня и мысли не мелькало, что дело нечисто, пока дверь за мной не захлопнулась и ключ не повернулся в замке. В чулане размером вот с эту комнату было напихано двадцать четыре парня, все мои ровесники или чуть постарше. Иные там неделями сидели... Кое-кто отошал, как скелет, и харкал кровью... Ну, я давай в дверь колотить, на волю рваться, но тут подходит ко мне рослый тип, весь в парше, и говорит: «Дай-ка мне твои полгульдена для сохранности». Я ему: «Какие такие полгульдена?» А он говорит, мол, я могу отдать добровольно или он меня пообломает, а деньги все равно заберет. Я спросил, когда нас выведут на прогулку, а он говорит: «Нас никуда не выпускают. Так и будем тут сидеть, пока корабль не придет или пока не сдохнем. Деньги давай». Хотел бы я сказать, что сумел постоять за себя, но Ари Гроте не какой-нибудь вун. И между прочим, тот тип не шутил насчет сдохнуть: восемь «крепких и старательных» так и вышли оттуда вперед ногами, по двое в одном гробу. Света и воздуха – только то, что просочится через железную решетку на уровне мостовой, а грязища такая, что не разберешь, из какого ведра жрать, а в какое срать.

– Что ж вы двери не выбили? – спрашивает плотник Туми.

– Так дверь железная, а за ней охрана, а у охраны дубинки с гвоздями. – Гроте вытряхивает из волос вшей. – Ну, я все же выкрутился, не сдох, как видите. Благородное искусство выживания – мой конек. Однако в тот день, когда нас всех связали вместе веревкой и погрузили на баркас, чтобы перевезти на «Адмирала де Рюйтера», я дал себе три клятвы. Первая: никогда не доверять служащему Компании, который скажет: «Мы прежде всего заботимся о ваших интересах». – Он подмигивает Якобу. – Вторая: ни за что не впасть снова в такую бедность, чтобы гнилые человечешки вроде ван Эйса могли меня купить и продать, словно какого-нибудь раба. И третья: получить обратно свои полгульдена с того паршивца раньше, чем дойдешь до Кюрасао. Первую клятву я блюду и по сей день. Вторую... Что ж, есть основания надеяться, что, когда придет пора Ари Гроте отправиться на тот свет, могилка у него будет не самая нищенская. А третья клятва... Да-да, свои полгульдена я получил назад той же ночью.

– Как? – спрашивает Вейбо Герритсзон, ковыряя в носу.

Гроте начинает тасовать карты:

– Моя очередь сдавать, приятели.

Пять бутылей рому дожидаются на полке. Работники пьют больше, чем секретарь, но Якоб уже ощущает слабость в ногах. Он понимает: «За сегодняшней игрой я не озолочусь».

– В приюте нас читать научили, – рассказывает Иво Ост. – Арифметике, Священному Писанию... Уж на Священное Писание они не поскупились, дважды в день гоняли на молитву. Евангелие наизусть учить заставляли, один стих за другим. Ошибешься – получишь тростью. Из меня бы пастор хоть куда! Да только кто станет слушать про десять заповедей от незаконного сына?

Он сдает каждому игроку по семь карт, открывает верхнюю в оставшейся колоде:

– Бубны – козыри!

– Слышал я, – говорит Гроте, выкладывая восьмерку треф, – компания отправила одного чернокожего, черней трубочиста, в пасторскую школу в Лейдене. Вроде он потом вернется в родные джунгли и покажет каннибалам Свет Господень, они тогда мирными станут, ага? Библия, мол, дешевле ружей, и все такое.

– Зато с ружьями веселее, – замечает Герритсзон. – Бабах!

– Что толку от раба, – спрашивает Гроте, – если он весь пулями продырявлен?

Барт целует карту и выкладывает на стол даму треф.

– Вот это – единственная бабенка на свете, которая тебе такое позволит! – объявляет Герритсзон.

– Да я на сегодняшний выигрыш себе закажу красотку с золотистой кожей, – парирует Барт.

– Господин Ост, имя вам тоже дали в приюте в Батавии?

«Трезвым я бы ни за что об этом не спросил», – отчитывает себя Якоб.

Но Ост не обижается – ром сделал его благодушным.

– Да, точно. «Ост» – в честь Ост-Индской компании, которая основала приют, да и есть во мне восточная кровь, кто же спорит? «Иво» – потому что меня оставили на крыльце приюта двадцатого мая, это в старину считалось День святого Иво. Мастер Дрейвер в приюте то и дело высказывался: дескать, «Иво» – все равно что «Ева» в мужском роде, очень к месту, напоминание, что я зачат в первородном грехе.

– Господу важно, как человек поступает, – уверяет Якоб, – а не как он родился.

– Значит, жаль, что меня воспитывал не Господь, а волчары вроде этого Дрейвера.

– Господин де Зут, ваш ход, – напоминает Кон Туми.

Якоб ходит с пятерки червей. Туми выкладывает четверку.

Ост проводит краешком карт по своим яванским губам.

– Я вылезал в окошко чердака, прямо над палисандровыми деревьями, а к северу, за Старым фортом, виднелась узкая синяя полоска... или зеленая... или серая... Запах соленой воды пробивался через вонь каналов. Возле острова Онрюст как живые ходили корабли, паруса надувались на ветру... Я поворачивался к зданию приюта и говорил ему: «Тут не мой дом», и я говорил волчарам: «Вы мне не хозяева». – «Потому что ты – мой дом», – говорил я морю. Иногда я притворялся, что море слышит меня и отвечает: «Да, я – твой дом, и когда-нибудь я заберу тебя к себе». Я понимаю, что ничего оно не говорило, но... Каждый несет свой крест как может, правда? Вот так я и жил год за годом, пока не вырос. Волчары избивали меня, будто бы воспитывали, а я мечтал о море, хотя еще ни разу не видел, как катятся волны... И в лодку даже одной ногой не ступал ни разу в жизни.

Он выкладывает пятерку треф.

Барт забирает взятку.

– Пожалуй, сегодня меня будут ублажать сразу две барышни с золотистой кожей...

Герритсзон показывает семерку бубен и объявляет:

– Дьявол!

– Иуда проклятый! – бесится Барт, потеряв десятку трэф. – Чертов Иуда!

– Ну и как, – интересуется Туми, – позвало тебя море?

– Когда нам исполнялось двенадцать лет... То бишь когда директор наш решит, что исполнилось... Нас начинали приучать к «полезному труду». Девчонки шили, ткали, воро-
чали белье в чанах в прачечной. А нас, мальчишек, отправляли на заработки к бочарам, или
в казармы – быть на побегушках у офицеров, или крючниками в порт. Меня отправили к
канатчику. Он мне поручал щипать паклю из просмоленных канатов. Мы стоили дешевле слуг,
дешевле рабов. Дрейвер клал себе в карман «благодарность», как он это называл. Нас, занятых
«полезным трудом», было больше сотни, так что ему хватало, на одного-то. Зато мы могли
хоть ненадолго вырваться из стен приюта. Нас не сторожили – куда нам бежать? В джунгли?
Я Батавию почти и не знал, только путь от приюта до церкви, а теперь мог иногда побродить
по улицам, когда шел на работу и с работы или когда канатчик посылал меня с каким-нибудь
поручением. Я любил ходить на китайский рынок, а чаще всего – в гавань. Шнырял у прича-
лов, счастливый, как крыса в амбаре с зерном, смотрел на моряков из дальних стран... – Иво
Ост выкладывает валета бубен и забирает следующую взятку. – Дьявол бьет папу римского, а
плут-валет бьет дьявола!

– У меня зуб с дуплом болит, – жалуется Барт. – Сил нет терпеть.

– Ловкий ход, – хвалит Гроте; он потерял совсем незначительную карту.

– Однажды, – продолжает рассказ Иво, – мне тогда лет четырнадцать было... Отправили
меня доставить моток шнура свечных дел мастеру, а в порту как раз бриг стоял, такой красав-
чик – маленький, ладный, и на носу – фигура... хорошей женщины. Бриг назывался «Санта-
Мария», и тут я... вроде как голос услышал, только без голоса, и он говорит: «Вот твой корабль,
и день твой сегодня».

– Ну это уж яснее ясного, – бормочет Герритсзон. – Прямо прозрачно, как ночной горшок
француза.

– Это внутренний голос вам подсказывал? – предполагает Якоб.

– Уж не знаю, как там оно, только я взбежал по сходням и стал ждать, пока здоровенный
такой дядя, что орал во всю глотку и раздавал приказы, меня заметит. А он все не замечает и
не замечает. Я тогда набрался храбрости и говорю: «Простите, минеер». Он на меня посмот-
рел да как рявкнет: «Кто этого оборванца на палубу пустил?» Я опять извинился и сказал, что
хочу поступить в матросы, так не мог бы он поговорить обо мне с капитаном? Он засмеялся. Я
очень удивился и сказал, что не шучу. Он сказал: «А что твои мама с папой скажут, если я тебя
увезу без спросу? И с чего ты взял, что из тебя матрос выйдет? Работа тяжелая, и не приведи
бог попасть второму помощнику под горячую руку – вся команда знает, что он не человек, а
сущий дьявол». Я ему ответил, что мама с папой ничего не скажут, я вырос в приюте для под-
кидышей, и при всем уважении, раз уж в приюте выжил, то никакого боцмана не испугаюсь...
Тут он смеяться перестал и спрашивает: «А твои опекуны знают, что ты в моряки собрался?»
Я сознался, что Дрейвер с меня за такое шкуру заживо спустит. Он тогда вроде как решил и
говорит: «Меня зовут Даниэль Сниткер, я второй помощник на „Санта-Марии“, и как раз мой
каютный юнга помер от сыпного тифа». Они на следующий день уходили к островам Банда за
мускатным орехом, и он пообещал, что попросит капитана и тот меня внесет в судовую роль.
А пока не подняли якорь, велел мне прятаться в кубрике с другими матросами. Я, конечно,
послушался, но кто-то видел, как я поднимался на корабль, и директор, ясное дело, отправил
троих волчищ вернуть «украденное имущество». Господин Сниткер с матросами выбросили
их за борт.

Якоб потирает сломанный нос. «Получается, я посадил его отца».

Герритсзон сбрасывает ненужную пятерку трэф.

– Кажется мне, карта пошла. – Барт прячет гвозди в кошель.

– Ты зачем выигрыш прибрал? – спрашивает Герритсзон. – Разве ты нам не доверяешь?

– Да я скорей собственную печенку поджарю, – отвечает Барт. – С луком и сметаной.

На полке остались две бутылки рому, и вряд ли они доживут до утра.

– С обручальным кольцом в кармане, – всхлипывает Пит Барт, – я... я...

Герритсзон сплевывает на пол.

– Развел нюни, слюняй!

– Это ты потому говоришь, – вдруг ожесточается Барт, – что ты бесчувственная скотина и тебя никто никогда не любил! А моя Нелтье, любимая, единственная, только и мечтала, чтоб нам с ней обвенчаться, и я думал: «Наконец-то все мои несчастья позади». Оставалось только получить благословение ее папаши, и вперед, к алтарю. Папаша работал грузчиком на пивоварне в Сен-Поль-сюр-Мер, туда я и направлялся в ту ночь, но Дюнкерк – незнакомый город, и дождь лил как из ведра. Зашел я в трактир, дорогу спросить, а у буфетчицы титьки – точно два поросеночка, так и елозят, и в глазах огни колдовские горят, и говорит она мне: «Ах, бедный мой ягненочек, да ты никак заплутал?» Я ей отвечаю: «Простите, барышня, мне бы дорогу узнать до Сен-Поль-сюр-Мер». А она: «Куда спешить? Или наше заведение тебе не по нраву?» И пихает ко мне вплотную своих поросенок. Ну, я ей сказал: «Заведение у вас хорошее, только ждет меня Нелтье, любовь моя единственная, чтобы мог я попросить благословения у ее папаши и забыть наконец о море». Она мне: «Так ты моряк?» – «Был, – отвечаю, – но уж больше нет». Она кричит на весь трактир: «Кто не выпьет за здоровье Нелтье, самой счастливой девушки во Фландрии?» Подает мне джина стаканчик: «Выпей капельку, чтоб согреться, ведь промерз до костей». Пообещала, что ее брат меня проводит до Сен-Поль-сюр-Мер, а то в Дюнкерке по темноте разных негодяев полно. Я думаю: «Ну точно, дождался, кончились мои беды-злосчастья» – и стакан подношу к губам.

– Славная девчонка, – замечает Ари Гроте. – Как трактир-то называется, кстати?

– Когда я снова попаду в Дюнкерк, он будет называться «Кучка золы». Только я джин проглотил, в голове все поплыло и светильники в трактире будто разом загасили. Скверные сны мне снились, а когда проснулся, чувствую, мотает меня из стороны в сторону, как в море при качке, только сверху на меня чьи-то тела навалены, словно я – виноградина в давилльне. Сперва было подумал, мне все еще снится, но чья-то холодная блевотина в ухе – точно не сон. Кричу: «Господи Иисусе, умер я, что ли?» И в ответ бесовский хохот: «Нет уж, так просто ни одна рыбка не сорвется с этого крючка!» Потом другой голос, мрачный: «Подловили тебя рекрутеры, друг. Мы на борту „Ванжер дю Пёплъ“, плывем на запад через Ла-Манш». Я говорю: «Ванжер дю чего?» И тут вспомнил Нелтье, да как заору: «У меня же сегодня обручение с любимой, единственной!» Бес на это: «Здесь, приятель, тебя только с морем обручат». Я думаю: «Боже милосердный, колечко Нелтье!» Стал шарить рукой в кармане – колечка нет. Совсем я тогда отчаялся. Плакал, зубами скрипел. Все без толку. Утром вывели нас на палубу и выстроили у фальшборта. С юга Голландии нас там человек двадцать было. Тут выходит капитан, этакий хорек из Парижу. Первый помощник – баск, лохматый громила. «Я – капитан Реноден, а вы – мои замечательные добровольцы. Нам приказано соединиться с караваном судов, которые везут зерно из Северной Америки, и сопровождать их к республиканским берегам. Англичане постараются нас остановить. Мы их разнесем в щепки. Вопросы есть?» Один швейцарец рискнул подать голос: «Капитан Реноден, я принадлежу к меннонитской церкви, наша вера запрещает убивать». Реноден говорит первому помощнику: «Не будем больше причинять неудобств этому поборнику братской любви». Громила р-раз – и сбрасывает швейцарца за борт. Мы слышали, как он орал, звал на помощь. Потом замолчал. Капитан спрашивает: «Еще вопросы есть?» Ну, к морской качке я быстро снова привык, и, когда две недели спустя, первого июня, на горизонте показался британский флот, я вовсю загружал порох в двадцатичетырехфунтовую пушку. Французы называют тот бой «Третье сражение при острове Уэссан», англичане – «Славное первое июня». Ну, может, для сэра Джонни Ростбифа это и славно, когда

чертовы лагранжи палят друг по другу в упор, а мне не понравилось. Люди, разорванные чуть ли не напополам, корчатся в дыму, зовут маму продырявленным горлом... Люди покрупней и покрепче тебя, Герритсзон. От судового врача вынесли полный таз отрезанных... – Барт вновь наполнил свой стакан. – Когда «Брауншвейг» продырявил нас у самой ватерлинии, стало ясно, что мы идем ко дну. Теперь уже «Ванжер» был никакой не линейный корабль, а самый обыкновенный *абаттуар*...¹⁴ – Барт смотрит в стакан, потом на Якоба. – Что меня спасло в тот страшный день? Пустая бочка из-под сыра, вот что. Она качалась на волнах рядом со мной, и я за нее цеплялся всю ночь. Замерз до смерти, даже акул не боялся. А когда рассвело, я увидел шлюп с британским флагом. Подняли меня на борт и давай трещать на этой своей тарабарщине, чисто сороки... Туми, не в обиду будь сказано.

Плотник пожимает плечами:

– Мой-то родной язык – ирландский, господин Барт.

– Один старик стал переводить: «Старший помощник спрашивает, откуда ты родом?» Я говорю: «Из Антверпена, минеер. Французы проклятые меня загребли». Старик мой ответ перевел, помощник еще потарахтел. В общем, суть была такая: раз я не французишка, то и в плен меня брать не будут. Я чуть сапоги ему целовать не кинулся на радостях! Только он дальше говорит. Если, мол, я добровольно вступлю во флот его величества обычным матросом, стану получать жалованье и новую одежду мне выдадут – ну, почти новую. А если по своей воле не поступлю, меня все равно заставят, и платить будут шиш с маслом, как сухопутному неучу. Я, чтоб совсем не отчаиваться, спрашиваю, куда корабль идет. Думаю – как-нибудь сбегу на берег в Грейвсенде или в Портсмуте и за неделю-другую доберусь до Дюнкерка и до милой моей Нелтье... А старик мне: «Ближайшая стоянка у нас – остров Вознесения, мы туда зайдем за провиантом, только тебя на берег не выпустят. Оттуда уже в Бенгальский залив»... Я, хоть и взрослый человек, не удержался, заплакал...

Рому не осталось ни капли.

– Госпожа Удача сегодня вас обошла стороной, господин де З.! – Гроте задувает все свечи, кроме двух. – Ну ничего, в другой раз отыграетесь, ага?

– Обошла стороной? – Слышно, как за уходящими игроками закрывается дверь. – Да она меня обкорнала подчистую!

– Да ладно, прибыль от ртути спасет вас от мора и глада, ага? Рискованную вы заняли позицию с продажей, господин де З., но пока что настоятель дал вам поблажку. Хотя за последние два ящика могут еще дать хорошую цену. А если б ящиков было не восемь, а целых восемь десятков...

– Такое количество товара... – От выпитого в голове у Якоба туман. – Запрещено правилами Компании о частной торговле...

– Правила всегда можно чуточку подвинуть. Дерево, которое гнется, переживет самую свирепую бурю, верно я говорю?

– Красивая метафора, но сути дела это не меняет.

Гроте заново расставляет на полке бесценные стеклянные бутылки.

– Пятьсот процентов прибыли у вас вышло. Пойдут слухи, и через два торговых сезона китайцы наводнят рынок. Помощник управляющего ван К. и капитан Лейси оба имеют капитал в Батавии, а они не те люди, что скажут: «Ах боже мой, нельзя, никак нельзя, правила разрешают всего лишь восемь ящиков». Да и сам управляющий...

– Господин Ворстенбос приехал искоренять злоупотребления, а не множить их самому.

– Господин Ворстенбос понес такие же потери в связи с войной, как и все прочие.

¹⁴ Abattoir (*фр.*) – скотобойня.

– Господин Ворстенбос – порядочный человек, он не станет наживаться за счет Компании.

– Каждый человек самый что ни на есть порядочный – в своих собственных глазах. – Круглое лицо Гроте в полутьме похоже на бронзовый диск. – Не благими намерениями вымощена дорога в ад, а самооправданиями! Кстати, о порядочных людях – чему на самом деле мы обязаны приятностью вашего общества нынче ночью?

Стражники на улице отбивают время своими деревянными сандалиями.

«Я слишком пьян, – думает Якоб. – Хитрить не получится».

– Хотел поговорить насчет двух деликатных дел.

– На моих устах печать, клянусь далекой могилкой папаши!

– По правде сказать, управляющий подозревает, что происходят хищения...

– Святые угодники! Быть того не может, господин де З.! Хищения? Здесь, на Дэдзиме?

– ...И связано это с неким поставщиком продовольствия, который каждое утро навещает вашу кухню...

– Господин де З., ко мне на кухню по утрам заглядывают несколько разных поставщиков.

– ...А уходит он с такой же набитой сумкой, как и пришел.

– Я рад, что могу разъяснить это недоразумение, ага? Передайте господину управляющему, что ответ простой: луковицы. Да-да, луковицы. Гнилые, вонючие луковицы. Этот поставщик – самый гнусный мошенник. Всякий день пытается меня провести. Бывают такие мерзавцы, сколько им ни повторять: «Прочь, бесстыжий плут!» – не слушают, что ты будешь делать.

В жаркой, насквозь просоленной ночи далеко разносятся голоса рыбаков.

«Я все-таки не настолько пьян, – думает Якоб, – чтобы не распознать откровенное хамство».

– Что ж... – Секретарь встает. – Более нет необходимости докучать вам.

– Нет необходимости? – подозрительно переспрашивает Ари Гроте. – Ну да, нету.

– Совершенно верно. Завтра снова тяжелый день, так что на этом позвольте откланяться. Гроте хмурит лоб.

– Господин де З., вы вроде бы сказали, *два* деликатных дела?

– После вашей истории о луковицах... – Якоб пригибается, проходя под низко нависшей балкой, – второе дело я буду обсуждать с господином Герритсзоном. Поговорю с ним завтра, на трезвую голову. Боюсь, известие его не обрадует.

Гроте загораживает дверь.

– И чего же касается это известие?

– Ваших игральных карт, господин Гроте. Тридцать шесть партий в карнифель, из них вы сдавали двенадцать раз, а из этих двенадцати десять выиграли. Невероятный итог! Может, Барт с Остом и не заметили бы колоду карт, зачатую в грехе, но уж Туми и Герритсзон углядели бы точно. Стало быть, эту старинную уловку я исключил. За спиной у нас не было зеркала. Не было и слуг, чтобы подавать вам условные знаки... Я был в недоумении.

– Экий вы подозрительный, – холодно роняет Гроте, – для богобоязненного юноши.

– Все бухгалтеры подозрительны, господин Гроте. Работа такая. В недоумении, чем объяснить ваш успех, я наконец заметил, как вы, сдавая, поглаживаете карты по верхнему краю. Попробовал сделать то же самое и ощутил пальцами крохотные щербинки, словно бы зарубки. Валеты, семерки, дамы и короли были помечены зарубками, ближе или дальше от уголка, в зависимости от достоинства карты. Загрубевшие, мозолистые руки моряка или плотника остались бы к ним нечувствительными, а вот руки повара или писаря – дело другое.

– Это ж так полагается, чтобы игорный дом свою прибыль имел. – У Гроте как будто что-то застряло в горле.

– Утром узнаем, согласен ли с этим Герритсзон. А теперь мне в самом деле пора...

- Такой приятный вечер... Может, я возьму вам сегодняшний проигрыш, что скажете?
- Господин Гроте, для меня важна только истина.
- Шантажируете? Так-то вы мне отплатили за то, что вас обогатил?
- Не расскажете ли подробнее о той сумке с луковицами?
- Гроте тяжело вздыхает – раз, другой.
- Ну вы и заноза в попе, господин де З.
- Якоб молча ждет, наслаждаясь завуалированным комплиментом.
- Вы, может, слыхали, – начинает повар, – слыхали о корне женьшеня?
- Слыхал, что женьшень высоко почитают японские аптекари.
- В Батавии один китаец – отличный парень, между прочим – каждый год к отплытию приносит мне ящик женьшеня. Все хорошо и прекрасно, одна беда: в день торгов городская управа взымает с него огромный налог. Мы теряли шесть долей из десяти, пока доктор Маринус не обмолвился, что здесь, в гавани, растет местный женьшень, только он не так ценится. И вот...
- И вот ваш поставщик приносит сюда местный женьшень...
- А уносит, – с легкой гордостью продолжает Гроте, – полную суму китайского.
- А стражники и чиновники, что проводят обыск у Сухопутных ворот, не видят в этом ничего странного?
- Им платят, чтобы не видели. А теперь мой вам вопрос: как поступит управляющий? Насчет этого и насчет всего остального, что вы тут навьючивали? На Дэдземе ведь заведено так. Если пресечь все эти мелкие *побочные доходы* – то и вся Дэдзима прекратится. И не надо прикрываться своим вечным «Это решать господину Ворстенбосу».
- Но это действительно ему решать. – Якоб поднимает щеколду.
- Неправильно – так! – Гроте придерживает щеколду рукой. – Несправедливо! Только что у нас «Частная торговля убивает Компанию», а через минуту – «Я своих не выдаю». Нельзя, чтоб и винный погреб нетронутый, и жена пьяная без задних ног!
- Торгуйте честно, только и всего, – отвечает Якоб. – И не будет никаких трудных противоречий.
- Если торговать «честно», всей прибыли будет с картофельную шелуху!
- Господин Гроте, не я составляю правила Компании.
- Зато грязную работу для Компании делать беретесь очень даже охотно!
- Я верен приказам. А теперь откройте дверь, если только не намерены захватить в плен служащего Компании!
- Верность – это как будто просто, – говорит Ари Гроте. – А на самом деле – нет.

IX. Комната писаря де Зута в Высоком доме

Утро воскресенья, 15 сентября 1799 г.

Якоб, сняв половицу, вытаскивает из тайника фамильную Псалтирь и становится на колени в углу, где он молится каждую ночь. Прижимается носом к щели между корешком и обложкой, вдыхает сыроватый запах жилища домбуржского священника. Сразу вспоминаются воскресные утра, когда местные жители, бросая вызов ледяному январскому ветру, бредут по мощенной булыжником главной улице к церкви; пасхальные воскресенья, когда солнце греет бледные спины мальчишек, удравших бездельничать к заливу; осенние воскресенья, когда звонарь взбирается на колокольню и звон разносится над морем в густом тумане; воскресенья короткого зеландского лета, когда от модисток Мидделбурга присылают новые фасоны шляпок; и Троицын день, когда Якоб высказал дядюшке свою мысль: как один человек может быть пастором де Зутом из Домбурга, и в то же время «моим и Гертье дядей», и в то же время «маминым братом», так, мол, и Господь триедин: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Наградой ему стал единственный за всю жизнь поцелуй дядюшки – безмолвный и уважительный, вот сюда, в лоб.

«Когда я вернусь, пусть все они еще будут там», – тоскуя по дому, молится путешественник.

Объединенная Ост-Индская компания заявляет о своей приверженности Голландской реформатской церкви, но о духовном бытии своих служащих заботится мало. На Дэдзиме управляющий Ворстенбос, его помощник ван Клеф, Иво Ост, Гроте и Герритсзон тоже назвали бы себя сторонниками Голландской реформатской церкви, но японцы не позволяют отправлять христианские религиозные обряды. Капитан Лейси – представитель Англиканской церкви; Понке Ауэханд – лютеранин; Пит Барт и Кон Туми исповедуют католицизм. Туми в разговоре с Якобом как-то признался, что по воскресеньям устраивает для себя «Святую мессу своими грешными силами» и страшно боится умереть без покаяния. Доктор Маринус помнит Всевышнего Творца тем же тоном, каким говорит о Вольтере, Дидро, Гершеле и нескольких шотландских врачах: с восхищением, но без всякого священного трепета.

«Какому богу, – задумывается Якоб, – могла бы молиться японская акушерка?»

Якоб раскрывает книгу на Девяносто третьем псалме – его еще называют «Псалом о буре».

«Восшумели реки, Господи, – читает Якоб, – возвысили реки голос свой...»

Зеландец представляет себе Западную Шельду между Флиссингеном и Брескенсом.

«...Вздымают реки волны свои, слышен голос вод многих...»

Для Якоба все библейские бури – это шторма на Северном море, когда само солнце тонет в бушующей воде.

«...Дивны высокие волны морские; дивен в высях Небесных Господь...»

Якоб вспоминает руки Анны – ее живые, теплые руки. Он поглаживает пальцем застрявшую в обложке пулю и перелистывает страницы к Сто пятидесятому псалму.

«Восхваляйте Его звуками трубными! Восхваляйте Его на Псалтири и гусях!»

Тонкие пальцы и раскосые глаза музыкантши, играющей на гусях, – это пальцы и глаза барышни Аибагавы.

«Восхваляйте Его на тимпане и хором, восхваляйте Его на струнах и трубами!»

У плясуньи царя Давида, танцующей под звуки тимпанов, обожжена щека.

* * *

Под навесом возле Гильдии дожидается переводчик Мотоги с запавшими глазами. Он замечает Якоба и Хандзабуро, только когда те оказываются прямо перед ним.

– А, де Зут-сан... Мы бояться, вызов без предупреждений причинять большой неудобство.

– Никаких неудобств, господин Мотоги. – Якоб отвечает на поклон. – Это честь для меня...

Кули роняет ящик с камфорой и получает за это пинок от торговца.

– ...Господин Ворстенбос отпустил меня на все утро, если понадобится.

Войдя в здание, они снимают обувь.

Пол во внутренних помещениях приподнят примерно до уровня колена. Якоб проходит в просторную контору, где никогда еще не бывал. Столы расставлены рядами, как в классной комнате. За ними сидят шесть человек: переводчики первого ранга Исохати и Кобаяси; переводчики второго ранга – Нарадзакэ с изрытым оспинами лицом и обаятельный лукавый Намура; Гото – переводчик третьего ранга, сегодня он будет выступать в качестве писца; и незнакомец с задумчивым взглядом, который назвался Маэно, врачом. Он благодарит Якоба за позволение присутствовать, «чтобы вы излечить мой больной голландский язык». Хандзабуро садится в уголке и притворяется, будто внимательно слушает. Кобаяси всячески старается показать, что не держит зла за тот случай с веерами из павлиньих перьев, и представляет всем Якоба как «секретаря де Зут из Зеландии» и «человека изрядной учености».

Человек изрядной учености уверяет, что хвалы незаслуженны, и все восхищаются его скромностью.

Мотоги рассказывает, что переводчикам по ходу работы время от времени попадаются слова неясного значения; Якоба пригласили, чтобы он их растолковал. Обычно эти неофициальные занятия ведет доктор Маринус, но сегодня он занят и в качестве возможной замены назвал господина де Зута.

У каждого переводчика приготовлен список слов, не поддающихся разгадке даже общими силами Гильдии. Слова зачитывают вслух, а Якоб их объясняет, как умеет, помогая себе жестами, приводит примеры и подбирает синонимы. Переводчики обсуждают, какой японский эквивалент годится в каждом случае, иногда проверяют выбранное слово на Якобе, пока все не останутся довольны. С простыми словами, такими как «истощенный», «обилие» и «селитра», справляются быстро. Сложнее с абстрактными понятиями, как «подобие», «фикция», «параллакс». Минут по десять-пятнадцать уходит на слова, для которых не существует аналога в японском языке: «приватный», «ипохондрия» или, к примеру, выражение «заслуживать чего-либо». То же самое с терминами, требующими специальных знаний: «ганзейский», «нервные окончания», «сослагательное наклонение». Как замечает Якоб, в тех случаях, когда голландский студент сказал бы: «Я не понимаю», переводчики-японцы молча опускают глаза, так что учителю приходится самому догадываться, насколько слушатели поняли его объяснения.

Два часа пролетают как один, зато изматывают как все четыре. Якоб искренне благодарен за короткий перерыв и чашку зеленого чая. Хандзабуро без всяких объяснений куда-то убрел. После перерыва Нарадзакэ спрашивает, чем «он поехал в Эдо» отличается от «он съездил в Эдо»; доктор Маэно хочет знать, в какой ситуации нужно использовать фразу «он от этого не переломится»; а Намура интересуется точными значениями выражений «если вы видите», «если бы вы видели» и «видели бы вы». Якоб радуется, что в школе нудно и добросовестно зубрил грамматику. Последним сегодня вопросы задает Кобаяси.

– Пожалуста, господин де Зут, объяснить это слово: «последствия».

– Результаты. То, что происходит по причине какого-то действия. Если я трачу много денег, последствия: стану бедным. Если я слишком много ем, последствия, – он жёсткими руками показывает раздутое пузо, – стану толстым.

Кобаяси спрашивает о выражении «среди бела дня».

– Все слова понимать, но смысл неясный. Можно сказать: «Я приходил в гости к мой добрый друг господин Танака среди бела дня»? Я думаю, наверное, нет...

Якоб разъясняет: в этом выражении подразумевается, что речь идет о преступлении.

– Особенно если преступник, злодей, совсем не раскаивается и не боится, что его поймут. «Моего доброго друга господина Мотоги ограбили среди бела дня».

– У господин Ворстенбос, – предлагает свой вариант Кобаяси, – украли чайник среди бела дня?

– Пример подходящий, – соглашается Якоб, а про себя радуется, что управляющий Ворстенбос не присутствует на уроке.

– Следующее слово, может быть, простое, – продолжает Кобаяси. – «Немощный».

– Противоположные слова: «мощный», «сильный». То есть «немощный» – значит «слабый».

– Лев сильный, а мышь немощный, – предлагает пример доктор Маэно.

Кобаяси, кивнув, заглядывает в список:

– Следующий: «в блаженном неведении».

– Когда человек не знает о какой-то беде. Пока он не знает, он «в блаженстве», то есть всем доволен. А когда узнает, ему становится плохо, он несчастлив.

– Муж «в блаженном неведении», что его жена любит другой? – предполагает Хори.

– Верно, господин Хори. – Якоб улыбается, вытягивая занемевшие ноги.

– Последнее слово, – говорит Кобаяси. – Из юридической книги: «за отсутствием неопровержимых доказательств».

Не успевает Якоб раскрыть рот, как в дверях появляется суровый комендант Косуги, таща за собой дрожащего Хандзабуро. Косуги извиняется за вторжение и немедленно раздражается потоком слов. Якоб с растущей тревогой различает среди них свое имя и имя Хандзабуро. В какой-то – видимо, наиболее драматический – момент все переводчики дружно ахают и таращат глаза на растерянного голландца. Несколько раз повторяется слово *доробо*, что значит «вор». Мотоги о чем-то переспрашивает коменданта и громко объявляет:

– Господин де Зут, комендант Косуги приносит дурные вести. Воры посетили Высокий дом.

– Что? – лепечет Якоб. – Когда? Как они туда проникли? Зачем?!

– Ваш личный переводчик думать: «в этот час», – отвечает Мотоги.

– Что украли? – спрашивает Якоб, обращаясь к Хандзабуро, явно опасаящегося, как бы не обвинили его. – Что там можно украсть?!

На лестнице в Высоком доме не так темно, как обычно: дверь на втором этаже, ведущую в комнату Якоба, сняли с петель. Войдя к себе, он убеждается, что и с сундуком обошлись точно так же. Крышка и стенки сундука продырявлены долотом, – видимо, воры искали потайные отделения. Больно видеть рассыпанные по полу бесценные тома и альбомы для набросков. Якоб бросается их поднимать. Переводчик Гото помогает ему и спрашивает:

– Книги пропасть?

– Не могу сказать с уверенностью, пока все не соберу, – отвечает Якоб.

«Но Псалтирь при всех проверить невозможно, – думает он про себя. – Сначала нужно остаться одному».

А это, судя по всему, случится не скоро. Пока Якоб подбирает свои немногочисленные пожитки, приходят Ворстенбос, ван Клеф и Петер Фишер. В тесную комнатку набились уже больше десятка человек.

– Сначала мой чайник, – возмущается Ворстенбос, – а теперь еще новое безобразное происшествие!

– Мы приложить все усилия, – клятвенно заверяет Кобаяси, – чтобы найти воров!

– Де Зут, а где во время кражи был ваш личный переводчик? – спрашивает Петер Фишер. Мотоги переводит этот вопрос для Хандзабуро. Тот что-то испуганно отвечает.

– Он уходит на берег на один час, – объясняет Мотоги. – Навестить сильно больная матушка.

Фишер насмешливо фыркает:

– Я знаю, с кого я бы начал расследование!

– Что именно пропало? – спрашивает ван Клеф.

– К счастью, оставшаяся ртуть – возможно, за ней и охотились воров – хранится в пакгаузе Эйк под тремя замками. Карманные часы у меня были при себе, так же как и очки, хвала Господу. Поэтому на первый взгляд кажется, ничего не пропало...

– Боже все милостивый! – Ворстенбос набрасывается на Кобаяси. – Мало нас во время обычной торговли грабит ваше правительство, чтобы еще снова и снова к нам врываются похитители? Явитесь через час в Длинный зал, я продиктую официальную жалобу в городскую управу и приложу к ней полный перечень украденного...

– Готово. – Кон Туми, приладив дверь на место, переходит на невнятную ирландско-английскую речь. – Если эти засранцы хреновы опять сунутся, пусть стену к хренам ломают!

– Кто такие «ранцы реновы»? – спрашивает Якоб, подметая опилки.

Плотник стучит по притолоке:

– Сундук завтра налажу, будет как новенький. Вот же свинство, скажите? И середь бела дня!

– Руки-ноги на месте, и то хорошо. – Якоб еле жив от беспокойства за Псалтирь.

«Если воров ее забрали, могут додуматься и до шантажа».

– Вот это правильно, – одобряет Туми, заворачивая инструменты в клеенку. – Пока, за обедом увидимся!

Ирландец уходит, а Якоб, закрыв дверь на щеколду, сдвигает с места кровать...

«Неужели это Гроте заказал ограбление, в отместку за женитьбу?»

Якоб поднимает половицу и, улегшись на живот, тянется за обернутой в мешковину книгой.

Пальцы нащупывают Псалтирь, и от облегчения перехватывает горло. «Хранит Господь любящих Его». Якоб укладывает доску на место и садится на кровать. Он в безопасности, Огава в безопасности. Почему же такое чувство, что он упустил нечто очень важное? «Так иногда чувствуешь, что в бухгалтерской книге скрывается ложь или ошибка, хотя общий итог вроде бы сходится...»

По ту сторону площади Флага начинают стучать молотки. Плотники сегодня припозднились.

«Разгадка прячется на самом виду, – мыслит Якоб. – Средь бела дня». И вдруг правда обрушивается на него, словно гряда камней: вопросы Кобаяси по сути – замаскированная похвальба. А взлом – шифрованное послание. «Ты посмел перейти мне дорогу, и вот *последствия*, они совершаются *середь бела дня*, пока ты пребываешь в *блаженном неведении*. Ты *немог* против меня, ничем не можешь ответить, ведь найти *неопровержимые доказательства* тебе не удастся». Кобаяси намекал, что ограбление – его рук дело, и в то же время сам оказался

вне подозрений: ведь во время совершения кражи он был на глазах у ограбленного! Если Якоб сообщит властям о зашифрованных намеках, его примут за сумасшедшего.

Жара понемногу спадает. Шум за окном затих. Тошнота подступает к горлу.

«Он хочет отомстить, это да, – рассуждает Якоб, – но чтобы позлорадствовать, нужна ценная добыча».

Что еще компрометирующего, кроме Псалтири, можно у него украсть?

Жара наваливается вновь. Грохот на улице возобновляется с новой силой. Отчаянно болит голова.

«Последние рисунки в альбоме, – догадывается он, – у меня под подушкой...»

Весь дрожа, Якоб сбрасывает подушку с кровати, хватая альбом, трясущимися руками дергает завязки, раскрывает сразу в конце и давится вдохом. Перед глазами – зубчатый край неровно оторванной страницы. Здесь были наброски лица, рук и глаз барышни Аибагавы. Сейчас Кобаяси, совсем недалеко отсюда, со злобным торжеством рассматривает эти изображения...

Якоб зажмуривается, но только отчетливей видит ужасную картину.

«Пусть это будет неправда», – молится Якоб, однако на этот раз молитва, скорее всего, остается без ответа.

Слышно, как внизу открывается дверь. Кто-то медленно поднимается по лестнице.

Такая удивительная редкость, как визит Маринуса, едва ли способна поцарапать алмазные грани секретарского горя. «Что, если ей запретят учиться на Дэдзиме?»

По двери стучит увесистая трость.

– Домбуржец!

– Доктор, с меня на сегодня, пожалуй, хватит незваных гостей.

– Открывайте сейчас же, вы, деревенский дурачок!

Проще открыть.

– Поглумиться пришли?

Маринус окидывает комнату взглядом и, присев на подоконник, смотрит в отчасти застекленное, отчасти затянутое бумагой окно. Распускает и снова завязывает шнурок, стягивающий его пышную седую шевелюру.

– Что украли?

– Ничего... – Он вспоминает ложь Ворстенбоса. – Ничего ценного.

– В случае ограбления, – Маринус покашливает, – я прописываю курс бильярда.

– Доктор, вот уж бильярдом, – отвечает Якоб торжественно, – я сегодня заниматься совершенно не намерен.

* * *

Под ударом кия шар Якоба пролетает через весь бильярдный стол и, отразившись от бортика, замирает в двух дюймах от противоположного края – на ладонь ближе, чем шар Маринуса.

– Доктор, за вами первый удар. До скольких очков играем?

– Когда мы играли с Хеммеем, назначали предел в пятьсот одно очко.

Элатту выжимает лимон в стаканы матового стекла; в воздухе разливается благоухание.

По бильярдной в Садовом доме гуляет ветерок.

Маринус, весь сосредоточенный, готовится к первому удару...

«С чего вдруг такая доброта?» – недоумевает Якоб.

...Доктор не рассчитал удар и попал по красному шару, а не по битку Якоба.

Якоб с легкостью забирает оба шара – и свой, и красный.

– Я запишу счет?

– Вы же у нас бухгалтер, вам и книги в руки. Элатту, свободен на сегодня.

Элатту, поблагодарив хозяина, исчезает. Секретарь проводит быструю серию ударов, и количество набранных им очков достигает пятидесяти. Глухой стук бильярдных шаров успокаивает взволнованные нервы. «Потрясение из-за грабежа сбило меня с толку, – уговаривает он сам себя. – Не поставят же в вину барышне Аибагаве, что ее нарисовал чужестранец – даже здесь это не может считаться преступлением. Она ведь не позировала мне тайком».

Набрав шестьдесят очков, Якоб уступает место у стола Маринусу, думая про себя: «Один-единственный листок с набросками вовсе не доказывает, что я увлечен этой девушкой».

К его удивлению, доктор оказывается весьма посредственным игроком.

«Да и не подходит здесь это слово – увлечен», – мысленно поправляет себя Якоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.